ISSN 3034-6339

№ 1(8) (2026)

ВЕСТНИК КАЛУЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 3.

История.
Политика. Право.

ВЕСТНИК КАЛУЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА **ISSN 3034-6339**

Серия 3. ИСТОРИЯ. ПОЛИТИКА. ПРАВО. **2026 № 1 (8)**

Научный журнал основан в августе 2022 г.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского г. Калуга

Журнал включён в систему Российского индекса научного цитирования (http://elibrary.ru/), дополнительное соглашение № 2 от 11.03.2025 г. к договору № 342-09/2019 от 03.09.2019 г.

Журнал принимает оригинальные, ранее не опубликованные статьи по следующим направлениям:

РУБРИКИ ГРНТИ:

030100.Общие вопросы исторических наук; 030900. Всеобщая история; 032300. История России; 032900. История отдельных процессов, сторон и явлений человеческой деятельности; 103100. Гражданско-процессуальное право (гражданский процесс); 107900 Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс); 100700. Теория государства и права; 100900. История государства и права; 110100. Общие вопросы политических наук; 110900. История политических учений; 111500. Теория политических систем. Внутренняя политика; 112500. Теория международных отношений. Внешняя политика и дипломатия

РУБРИКИ OECD

505. Law; 506. Political science; 601. History and archaeology

Номенклатура научных специальностей ВАК:

5.1 – Право

5.1.1 - Теоретико-исторические правовые науки;
5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки;
5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки;
5.1.4 – Уголовно-правовые науки;
5.1.5 – Международно-правовые наук

5.5 – Политические науки

5.5.1 – История и теория политики;
5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии;
5.5.3 – Государственное управление и отраслевые политики;
5.5.4 – Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6 – Исторические науки

5.6.1 - Отечественная история;
5.6.2 – Всеобщая история;
5.6.3 – Археология;
5.6.4 – Этнология, антропология и этнография

Журнал индексируется в следующих каталогах: РИНЦ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Казак Максим Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, ректор КГУ им. К.Э. Циолковского (главный редактор)

Доможир Владимир Викторович, кандидат экономических наук, доцент, первый проректор КГУ им. К.Э. Циолковского (заместитель главного редактора)

Полякова Мария Александровна, доктор педагогических наук, доцент, директор Института истории и права

Аксенова Галина Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Александров Андрей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Белова Ирина Борисовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Института истории и права

Васильева Татьяна Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Горячева Елена Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории Азиатских и Тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Дроздов Денис Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Иванов Виталий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права

Ильяш Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Кархалев Денис Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Сибирского юридического университета

Кометчиков Игорь Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Общественные науки» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана (Калужский филиал)

Курков Владимир Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права

Старостенко Константин Викторович, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой общей и прикладной политологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

Степанов Вячеслав Петрович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН

Тарасова Любовь Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права

Коненкова Наталия Викторовна (технический редактор)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Штепа Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права

Адрес редакции:
248023, г. Калуга, ул. Степана Разина, д. 22/48, комн. 606
Тел.: (4842) 50-30-21; + 7 953 332 24 53; + 7 901 635 97 64
E-mail: a-v-stepa@yandex.ru

Адрес типографии: Отпечатано «Наша Полиграфия», 248600, г. Калуга, ул. Грабцевское шоссе, 126

УЧРЕДИТЕЛЬ: Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

Распространяется бесплатно

© КГУ, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Амочкина В.М., Дедиу Е.И.
ОБРАЗ ДЕТСТВА В СОВЕТСКОМ ИСКУССТВЕ: ДИАЛЕКТИКА ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МИФА И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИСКРЕННОСТИ (1920–1980Е ГГ.) ……...…….5

Власов А.Е.
ПОВСЕДНЕВНАЯ СЛУЖБА ЖАНДАРМСКОГО УНТЕР-ОФИЦЕРА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ШТАТА: МАРШРУТ, ОТЧЁТНОСТЬ, БЫТ (НА МАТЕРИАЛАХ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ, 1913 ГОД) ……..…..….....11

Власов А.Е.
ПРОЦЕДУРЫ РЕВИЗИИ И УНИЧТОЖЕНИЯ АРХИВНЫХ ДЕЛ В КАЛУЖСКОМ ГУБЕРНСКОМ ЖАНДАРМСКОМ УПРАВЛЕНИИ (НА МАТЕРИАЛАХ АКТА КОМИССИИ 1913 ГОДА) ……...……...…….18

Власов А.Е., Филимонов Н.А., Штепа А.В.
СВЯЩЕННИК БОГОЯВЛЕНСКОЙ ЦЕРКВИ Г. КАЛУГИ АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ ВОЛХОНСКИЙ (1840–1896) – ЧЛЕН КАЛУЖСКОГО ОТДЕЛА ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА: ВЕХИ БИОГРАФИИ ……...……27

Капалин А.Н.
«ДЕТИ ВОЙНЫ» НА СОВЕТСКОЙ ПЕРЕФЕРИИ: ПРЕБЫВАНИЕ ИСПАНСКОГО ДЕТСКОГО ДОМА № 3 В СЕЛЕ АХЛЕБИНИНО (1938–1939 ГГ.) …….....…….……33

Кукушкин В.М.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЛУЖСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ И КАЛУЖСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ САМАРСКОГО ЖАНДАРМСКОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ ПО КОНТРОЛЮ НАД РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДВИЖЕНИЕМ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА ……...…….…….43

Кукушкин В.М.
ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РАННЕГО ЭТАПА РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В КАЛУГЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА) …..48

Манин А.А.
«МОМЕНТ ИСТИНЫ» НА КИНОЭКРАНЕ: ОТ ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРВОИСТОЧНИКА К СОВРЕМЕННОЙ ЭКРАНИЗАЦИИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФИЛЬМОВ 2001 И 2025 ГГ.) ……...……..…53

Мязин Н.А.
ПРОТЕСТАНТИЗМ В БОЛГАРИИ И РУМЫНИИ: ВЕРА С ЦЫГАНСКИМ КОЛОРИТОМ ……...……...59

Панасюк В. В.
АГРОНОМИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ЕДИНОЛИЧНЫМ ДОМОХОЗЯЙСТВАМ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ ПЕРИОДА СТОЛЫПИНСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ОТРАЖЕНИИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1909 г. ……..……..……..63

Панасюк В.В., Штепа М.А.
СЛУЖЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АГРОНОМА АНАТОЛИЯ ГОДИСЛАВОВИЧА МИЛЬКОВСКОГО В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД СТОЛЫПИНСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ НАЧАЛА XX В. ……..……71

Панферова А.Ю.
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ

ПРОКУРАТУРЫ В РСФСР В 1945–1953 ГГ. ……..……..77

Панферова А.Ю.
ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В РСФСР В 1945–1953 ГГ. ……..……...…82

Писаренко И.С.
ЭВАКУАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ, ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И РЕСУРСОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1942 гг. ……..……..87

Прокопьева А.В.
ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВЕТСКОГО ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В 1950–1980-Е ГГ.: МЕЖДУ ТИПОВОЙ ЗАСТРОЙКОЙ И ЧАСТНЫМ СЕКТОРОМ ……..……..……95

Шмидт Вальдемар
ПРОБЛЕМАТИКА ГОЛОДА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1921–1922 ГГ. В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ ГЕРМАНИИ, КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ И ПОЛОЖЕНИЯ В НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЯХ НА ВОЛГЕ (ХРОНИКА СОБЫТИЙ)……..……..……..……..…….....100

ПОЛИТИКА

Горячев Н.Н.
ПРОБЛЕМАТИКА КОЛОНИАЛИЗМА И ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО, Э. ХАНТИНГТОНА, А. ТОЙНБИ И О. МЭЙСОНА……..……..……..……..…105

Кияметдинова Н.А., Штепа А.В.
ОБНОВЛЕНИЕ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. РЕФОРМАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 2000–2012 ГГ……..…..…..111

Коновалов Д.А.
НЕУДАЧНЫЕ ПОПЫТКИ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА ..….119

Коновалов Д.А.
СВЕРШИВШИЕСЯ «ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА …...125

Коновалов Д.А., Мязин Н.А.
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ГРУЗИИ, КЫРГЫЗСТАНА И УКРАИНЫ ДО И ПОСЛЕ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» ……..……..……....134

ПРАВО

Магомедова Е.А., Зайцева М.А., Малафеева Л.А., Кожевникова Д.М.
ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ……..……..……143

Уманцев Н.В., Федоров Е.А.
К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ИЗМЕНУ ……..…..…..…..148

Уманцев Н.В., Федоров Е.А.
К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА, СОВЕРШЁННОГО В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА (СТ. 107 УК РФ) ……..……..…153

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ……...……...……...…159

ИСТОРИЯ

УДК 7.036(470)"1920/1980" + 316.7

В.М. Амочкина, Е.И. Дедиу

ОБРАЗ ДЕТСТВА В СОВЕТСКОМ ИСКУССТВЕ: ДИАЛЕКТИКА ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МИФА И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИСКРЕННОСТИ (1920–1980-Е ГГ.)

Статья исследует эволюцию образа детства в советском искусстве как ключевого идеологического конструкта, отражавшего ценности и противоречия эпохи. Прослеживается его трансформация от утопического проекта авангарда 1920-х гг. через жёсткий канон сталинского «счастливого детства» к осторожной гуманизации периода оттепели и последующей критической деконструкции в эпоху застоя и соц-арта. Анализируется диалектика между тоталитарным заказом, формировавшим образ ребёнка как символа будущего, и художественными поисками, пробивавшимися к подлинным, не идеологизированным чувствам. Делается вывод, что образ детства служил одновременно зеркалом успехов государства и экраном для утопических проекций, а его изучение раскрывает внутреннюю борьбу между директивой и искренностью в советской культуре.

Ключевые слова: образ детства; советское искусство; визуальная пропаганда; социалистический реализм; идеологический конструкт; «счастливое советское детство»; авангард; оттепель; застой; соц-арт; репрезентация ребенка; политический миф; утопический проект; художественная эволюция; советская культура.

V.M. Amochkina, E.I. Dediou

THE IMAGE OF CHILDHOOD IN SOVIET ART: THE DIALECTIC OF THE IDEOLOGICAL MYTH AND ARTISTIC SINCERITY (1920s–1980s)

The article examines the evolution of the image of childhood in Soviet art as a key ideological construct that reflected the values and contradictions of the era. It traces its transformation from the utopian project of the 1920s avant-garde, through the rigid canon of Stalinist “happy childhood,” to the cautious humanization of the Thaw period, and its subsequent critical deconstruction during the era of Stagnation and Sots Art. The study analyzes the dialectic between the totalitarian mandate, which shaped the child as a symbol of the future, and the artistic quests that sought to reach genuine, non-ideologized emotions. It is concluded that the image of childhood served both as a mirror of the state’s achievements and as a screen for utopian projections, and that its study reveals the internal struggle between ideological directives and sincerity in Soviet culture.

Keywords: image of childhood; Soviet art; visual propaganda; Socialist Realism; ideological construct; “happy Soviet childhood;” avant-garde; Thaw; Stagnation; Sots Art; representation of the child; political myth; utopian project; artistic evolution; Soviet culture.

Формирование историографического поля, изучающего образ детства в советском искусстве, отражает общую эволюцию гуманитарного знания о советской эпохе – от внутренней апологии к внешней критике и, наконец, к сложному синтезу аналитических подходов. Западные советологи и российские учёные после распада СССР проявили большой интерес к теме детства в Советском Союзе. Это связано с тем, что детство в советской идеологии играло особую, символическую роль. Оно было не просто этапом жизни или личным делом, а становилось центральным элементом государственной утопии. Детство рассматривалось как податливый материал для создания «нового человека» и как мощное средство для эмоционального воздействия и пропаганды. Поэтому изучение того, как детство изображалось визуально, помогает понять каким образом советская идеология формировала социальную реальность. Это также позволяет увидеть, как государственные установки взаимодействовали с более частными сферами (семья, личная жизнь, память) и критически переосмыслить ностальгические представления о советском

прошлом, которые до сих пор влияют на постсоветское общество.

Историография вопроса прошла несколько содержательных этапов. В советский период, в рамках господствующей парадигмы социалистического реализма, исследования носили исключительно нормативный и описательный характер, сводясь к восхвалению официального иконографического канона «счастливого детства» как прямого и неопровержимого доказательства успехов государственной политики и отеческой заботы партии. Кардинальный перелом в подходах произошёл в 1990-е – начале 2000-х гг., что было напрямую связано с «архивной революцией» и активным проникновением в российскую академическую среду методологического инструментария западной советологии. Этот период активной демифологизации ознаменовался утверждением двух ключевых, зачастую конкурирующих, исследовательских перспектив. С одной стороны, это был тоталитарный подход, наиболее ярко представленный в работах Бориса Гройса, который рассматривал советское искусство в целом, и образ детства в частности, как целостный и тотальный пропагандистский механизм, подчинённый задаче полного контроля над сознанием. С другой стороны, сформировался антропологический или историко-повседневностный подход, развиваемый такими учёными, как Кэтлин Смит и Лайза Киршенбаум. В его фокусе находилось искусство как уникальный источник для реконструкции реальных социальных практик, ритуалов и материальных условий жизни. Этот подход принципиально противопоставлял идеализированный пропагандой образ и суровую, часто трагическую, реальность советского детства, смещая акцент с анализа идеологических конструктов на изучение конкретного человеческого опыта.

Тема детства в советском искусстве сегодня вызывает большой интерес, и это неудивительно, ведь она помогает осмыслить как прошлое, так и современные споры. В СССР детство было не просто периодом жизни, а важной идеологической концепцией, воплощением мечты о «новом человеке». Советское искусство – от плакатов и живописи до кино и иллюстраций – формировало идеализированный образ ребёнка: счастливого, коллективистского, ориентированного на будущее. Это служило мощным пропагандистским инструментом, через который государство продвигало свои идеалы, будь то радость труда или готовность к обороне страны.

Исследование этого явления сегодня открывает возможность для значимого диалога. Оно позволяет как разобрать советский менталитет и общественные изменения, поскольку детские образы отражают всю историю страны – от революционного подъёма 1920-х, через военные испытания, к надеждам оттепели и ритуализации застоя. Так и служит поводом для обсуждения современных проблем: роли государства в воспитании, баланса между личным и общественным, а также самого определения «счастливого детства».

Почему именно сейчас наблюдается такой повышенный интерес? Причин несколько. Во-первых, играет роль ностальгия и эффект «остранения» – советские образы, лишённые идеологического груза, воспринимаются как фольклор и активно используются в мемах, дизайне и коллекционировании. Во-вторых, сейчас актуальна тема частной жизни и быта, позволяющая через предметы той эпохи (игрушки, школьная форма, искусство) понять её атмосферу на личном уровне. В-третьих, новое поколение исследователей задаёт острые вопросы о скрытых проблемах советского общества – травмах, неравенстве, «неудобных»" детях, что придаёт теме интеллектуальную глубину.

В контексте постсоветского пространства, данная тема служит инструментом для осмысления прошлого, исследования глубинных пластов коллективной психологии и семейной памяти. Её междисциплинарный характер, находящийся на стыке искусствоведения, истории, социологии и культурологии, привлекает внимание специалистов широкого круга. Таким образом, интерес к советскому образу детства выходит за рамки простой ностальгии. Это активный исследовательский процесс, в ходе которого мы анализируем эти искусственно созданные образы для понимания идеологических механизмов, выявляем в них следы реальных человеческих судеб и продолжаем дискуссию о желаемом облике детства в будущем.

В любой культуре образ детства представляет собой многогранную систему знаков, отражающую фундаментальные общественные ценности, опасения и устремления. Тем не менее, в рамках советской цивилизации, стремившейся к полному разрыву с прошлым и формированию «нового человека», этот образ обрёл особую, образцовую

роль. Он перестал быть просто сферой частной жизни или этапом биологического развития, превратившись в мощный инструмент государственной пропаганды, визуальную метафору будущего и полигон для социального экспериментирования. Три периода советской политической истории – «сталинизм», «оттепель» и «застой» – воплотили в искусстве различные варианты политических мифов о «счастливом советском детстве», различные варианты ценностных установок [6]. Эволюция репрезентации ребенка в советском искусстве – от авангарда 1920-х до соц-арта 1980-х – представляет собой не линейное развитие, а напряжённую диалектику между тоталитарным заказом, утопическим порывом и островками относительной художественной свободы, где пробивались подлинные, не идеологизированные человеческие чувства.

В первые постреволюционные годы, проникнутые духом ниспровержения основ, авангардное искусство рассматривало ребёнка как важнейший «материал» для строительства нового мира. В первые месяцы после победы Октября 1917 года охрана материнства и младенчества была провозглашена приоритетным направлением государственной политики. «Дети — наше будущее!» – этот лозунг большевиков выражал умонастроение миллионов людей, уставших от голода и сиротства военного четырехлетия [12]. На смену буржуазной сентиментальности и камерности пришёл образ юного строителя и борца. К примеру, советское детское кино, возникшее в 1920-е гг. и набравшее силу в 1930-е гг., изначально было создано как эффективный инструмент для воспитания нового человека, строителя коммунистического общества, гражданина советской Родины [7]. В острых, лаконичных плакатах «Окон РОСТА» и у Дмитрия Моора дети часто изображались как жертвы мирового капитализма – худые, босоногие, что создавало эмоциональный фон для солидарности и гнева. Одновременно конструктивисты, такие как Александр Родченко в фотографии и Александр Дейнека в живописи, создавали антитезу этому – образ нового, физически совершенного поколения. Их герои – обобщённые, почти безликие, лишённые индивидуальных черт – воплощали идеал здоровья, коллективной дисциплины и устремленности в будущее. Руководитель государства в роли друга молодёжи и детей – широко используемый мотив. К примеру, эта тема была выражена в грандиозном зрелище в Москве в июле 1935 г.: на Красной площади во время физкультурного парада пять тысяч пионеров несли созданный из живых цветов лозунг «Привет лучшему другу пионеров товарищу Сталину». Особую популярность обрёл фотоплакат с изображением И. Сталина с девочкой Гелей Маркизовой (выполнен с фотографии, сделанной 27 января 1936 г. в Кремле на «приёме трудящихся Бурят-Монгольской АССР») [4]. К слову, Сталина с самого начала его культа если и изображали с детьми, то только с девочками. «Присутствие девочек лучше передавало недосягаемость вождя: сильнее отделённые от него своим полом и возрастом, они лучше подчеркивали, как высоко он поднялся над прочими людьми» [5]. Дейнека в работе «Бегунья» (1934) изображает девочку-подростка не как конкретную личность, а как символ скорости, воли и раскрепощённой телесности. Детство здесь – это чистый проект, на которой предстоит написать законы коммунистической морали. Знаковые скульптуры того периода, как «Девочка с книгой» Веры Мухиной, также подчёркивали не лиричность, а мощь, монументальность и готовность к действию.

Советское общество еще на заре своего становления сформировало уникальную модель детства, которая одновременно являлась важнейшей идеологемой для него же. Она была напрямую связана с архетипическим образом ребёнка, что обусловило её быстрое превращение в мифологему счастливого советского детства, отчасти повторяющую миф о «золотом веке». Советские преобразования неумолимо входили в жизнь народа в 1920-1930-х гг., ломая традиционный образ жизни, в том числе и детей. Сохранилось множество графических работ, иллюстрирующих этот социальный перелом [8]. С утверждением сталинского режима и канона социалистического реализма в середине 1930-х этот утопический проект кристаллизуется в строгую, обязательную для всех иконографию «счастливого советского детства». Этот визуальный миф был призван выполнять конкретные политические задачи: демонстрировать успехи государства в области социального обеспечения, образования и формирования лояльного гражданина. Другая важная тенденция – описанная Келли интимизация в изображении родительской семьи как среды обитания детей. В школьных учебниках 1920–1930-х гг. образ семьи был сильно политизирован: обязательно показывалась связь этой «ячейки» с обществом и политикой [10]. Формируется

чёткий набор сцен – «общих мест»: торжественный приём в пионеры (центральное событие в биографии советского ребенка), безмятежные летние дни в образцовых пионерлагерях Артека или на колхозных лугах, массовые спортивные парады, уроки в светлых школьных классах. В этих сценах, как на картинах Фёдора Решетникова («Прибыл на каникулы», 1948) или Сергея Григорьева («Приём в комсомол», 1949), тщательно выстроена иерархия: фигура ребёнка часто центральна, но смысловым и композиционным центром является связь с системой – пионервожатый, учитель, портрет вождя на стене. Семья, если и присутствует, выглядит благодарным, но второстепенным дополнением к могущественным институтам государства. Палитра художников этого периода яркая, солнечная, лишенная теней и противоречий. После Великой Отечественной войны к этому канону добавляется мощный героический пласт: образы юных партизан и разведчиков (как Зоя Космодемьянская, или Леня Голиков) служили мостом между трагедией войны и светлым будущим, подчёркивая готовность к самопожертвованию с самых ранних лет. Наиболее тяжёлый для русского народа этап войны нашёл отражение в работе Корецкого. Древний мотив – мать с ребёнком на руках – получает в плакате совсем другую интерпретацию, нежели мы привыкли видеть в картинах мастеров прошлого. В данной работе нет идиллических черт, сердечности и теплоты, которые обычно присутствуют в сценах с матерью и ребёнком, здесь мать изображается защищающей своего ребёнка от опасности [2]. Параллельно, как антитеза ужасам войны, расцветает линия идиллического, почти вневременного детства, воплощённая в шедеврах Аркадия Пластова («В солнечный день», 1949) и Татьяны Яблонской («Утро», 1954). Эти картины, лишённые прямой политической атрибутики, изображали детство как состояние гармонии с природой и миром, становясь тем самым ещё более эффективным инструментом – они визуализировали саму идею мирного, благополучного существования под сенью советской власти.

Хрущёвская «оттепель» принесла долгожданную трещину в этом монолите. В искусстве конца 1950-х – 1960-х гг. происходит осторожная, но знаковая «реабилитация» частной жизни и индивидуальности. На открытках изображения детей встречались так же часто, как и на плакатах. В этом виде графического искусства художники зачастую отходили от реалистичного изображения, позволяя себе более мощную стилизацию фигуры и лица ребенка [3]. Художники «сурового стиля» (Виктор Попков, Гелий Коржев) и мастера психологической живописи (Дмитрий Жилинский, Эвальд Окас) начали изображать ребёнка не как идеологическую единицу, а как сложную, рефлексирующую личность. В их работах появляются темы внутреннего одиночества, мечтательности, первой любви, конфликта с миром взрослых. Образ детства всё чаще используется как метафоза утраченной искренности, чистоты и связи с корнями. Картина Владимира Иванова «Семья. 1945 год» (1958) – яркий пример: это ностальгический, очень личный взгляд в прошлое, где дети являются хранителями памяти и эмоционального стержнем, а не политическим символом. Идеологический каркас ещё не исчез – пионерские галстуки и алые знамена присутствуют, – но они уже не подавляют собой человеческое содержание сцены.

К концу 1960-х гг. тема противостояния взрослых и детей на идеологическом уровне становится востребованной. Настроения оттепели сменяются сначала нечётким ощущением разочарования, осознания несбыточных чаяний, а затем и появляется раздражение по отношению к всезнающим, уверенным в собственной правде юным персонажам. Кинофильм С. Ростоцкого, снятый по сценарию Г. Полонского «Доживём до понедельника» (1968) в этом плане показателен [3].

Период «застоя» (1970-е – первая половина 1980-х гг.) характеризуется двоением образа. В официальном, выставочном искусстве канон «счастливого детства» окончательно застывает, превращаясь в набор сладковатых, безжизненных клише (парадные сцены в школах, румяные детсадовцы на прогулке), которые тиражировались миллионными тиражами на открытках и в календарях. Образ детства, воплощённый в образе самого ребенка, демонстрирует его простым, понятным, с чётким пониманием будущего. Наивность и простота в восприятии мира конструируется в советской анимации приёмами упрощения, «схематичности» и условности трактовки образа. Образ ребёнка символизирует не личность, а некий обобщённый типаж, носитель детства [9]. И он был адресован не только детям, но и взрослым, и прежде всего родителям. Например, в кино зарождается и активно развивается идея перевоспитания родителей детьми. Юный герой, обла-

дающий яркими качествами советского человека, устремлённый в будущее и готовый за него бороться, оказывает влияние и на позитивные изменения своих родителей. Это фактически была серьёзнейшая идеологическая установка, на реализацию которой работали в том числе визуальные образы [5]. Однако в это же время в неофициальной культуре и искусстве «другого» модернизма этот канон начинает подвергаться критической и иронической деконструкции. Соц-артисты Виталий Комар и Александр Меламид в своих провокационных работах («Происхождение соцреализма», 1982–1983) доводят идеологические ритуалы детства до абсурда, обнажая их механистичность и пустоту. В станковой живописи художников-семидесятников (Татьяна Назаренко, Наталья Нестерова) детские образы и сюжеты теряют прямую связь с современностью, уходя в мир театральной игры, цитат из классического искусства или сюрреалистических фантазий, становясь языком для разговора об универсальных культурных кодах и архетипах. В позднесоветском кинематографе и литературе, примером чего служит фильм Ролана Быкова «Чучело», детство трансформируется из традиционного образа в арену для глубокого социального анализа и разоблачения жестокости.

Образ ребёнка в советском искусстве эволюционировал от идеализированного видения ранних лет к жёсткой идеологической схеме сталинского времени, затем к более мягкому, человечному подходу в период оттепели и, наконец, к критическому осмыслению и даже распаду в поздний период. На протяжении всей своей истории этот образ выполнял двойную функцию: служил подтверждением достижений советского строя и воплощал мечту об идеальном обществе. Ребёнок чаще всего представал как объект воздействия, обращённый к взрослому зрителю, вызывая у него чувство долга, ностальгии или гордости. Лишь в периоды ослабления идеологического давления или благодаря творческой смелости художника, сквозь навязанные рамки пробивался подлинный, многогранный образ детства, как самостоятельного и ценного состояния. Именно это внутреннее противостояние между официальным курсом и искренностью делает изучение советского детства в искусстве важным для понимания всей противоречивости советской культуры.

Список литературы:

1. Артемьева, Е.А. Детские и подростковые образы в советском кинематографе: культ юности и страх перед ней / Е.А. Артемьева // Вестник московского университета. Сер. 9. Филология. – 2013. – № 3. – С. 154–159.

2. Бусыгина, Е. Советский плакат Великой Отечественной Войны / Е. Бусыгина // График.ру: сайт. URL: https://grafik.org.ru/plakat-sel.html (дата обращения: 05.05.2026).

3. Вачаева, Л.А. Образ ребенка и мир детства в изобразительном искусстве России советского периода / Л.А. Вачаева // Культура. Духовность. Общество. – 2015. – № 20. – С. 18–22.

4. Воскресенская, В.В. Искусство как средство миростроения: социалистический реализм (1930-е годы) / В.В. Воскресенская // Художественная культура. – 2018. – №1 (23). – С. 166–198.

5. Душенко, К. В. Я. Плампер. Алхимия власти: культ Сталина в изобразительном искусстве / К. Душенко // Вестник культурологии. – 2011. – №2. – С. 77–82.

6. Зайцева, И.А. Мифологема «счастливое детство» в советском кинематографе 1920–1980 гг.: ценностный аспект / И.А. Зайцева // The childhood, adolescence and youth in a context of scientific knowledge: materials of the VI international scientific conference on April 25–26, 2016. Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2016. – С. 5–10.

7. Кожевников, А. Советский детский кинематограф 1960 – середины 80-х гг. как средство воспитания и идеологической борьбы / А. Кожевников // Открытая электронная газета: сайт. URL: https://forummsk.blogspot.com/2021/03/1960-80.htm (дата обращения: 12.04.2026).

8. Колчева, Э.М. Тема детства в изобразительном искусстве Марийского края 1920–1930-х годов / Э.М. Колчева // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2018. – Т. 4. – № 2. – С. 16–24.

9. Лефман, Т.О. Образ детства как объект конструирования в отечественной анимации / Т.О. Лефман // Вестник культуры и искусства. – 2019. – № 1 (57). – С. 137–143.

10. Окольская, Л.А., Пешкова, В.М. Нормативные визуальные образы в массовой культуре для подростков / Л.А. Окольская, В.М. Пешкова // Общественные науки и современность. – 2012. – № 3. – С. 156–167.

11. Теплова, Елена. Визуальные образы советского детства / Елена Теплова // Этнодиалоги. – 2020. – № 3(61). – С.142–156.

12. Шклярук, А. Материнство и детство в русском плакате / А. Шклярук. – М.: «Контакт-Культура», 2006. – 160 с.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(470.318)"1913":351.746.2

А.Е. Власов

ПОВСЕДНЕВНАЯ СЛУЖБА ЖАНДАРМСКОГО УНТЕР-ОФИЦЕРА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ШТАТА: МАРШРУТ, ОТЧЁТНОСТЬ, БЫТ (НА МАТЕРИАЛАХ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ, 1913 г.)

В статье на основе неопубликованных архивных документов анализируется повседневная служба жандармских унтер-офицеров дополнительного штата на примере Жиздринского жандармского пункта Калужского губернского жандармского управления в 1913 г. Исследуются маршруты выездов, система отчётности, финансовое обеспечение, бытовые условия, а также практики мониторинга забастовок, выявления прокламаций РСДРП, розыска политически неблагонадёжных лиц, контроля над чиновниками и дворянами. Показано, что жандармы работали в условиях острого кадрового дефицита (два сотрудника на обширную территорию) и хронического недофинансирования (квартирные деньги – 7 руб. в месяц при среднем заработке рабочего 15–25 руб.), компенсируя системные ограничения неформальными практиками: агентурной сетью, личными связями, тесным взаимодействием с заводской администрацией и полицией.

Ключевые слова: агентурная сеть; бытовые условия; Жиздринский жандармский пункт; жандармский унтер-офицер; Калужская губерния; мониторинг забастовок; политический контроль; повседневность службы; финансирование жандармерии; 1913 год.

A.E. Vlasov

DAILY SERVICE OF A GENDARME NON-COMMISSIONED OFFICER OF THE ADDITIONAL STAFF: ROUTES, REPORTING, LIVING CONDITIONS (BASED ON MATERIALS OF KALUGA PROVINCE, 1913)

Based on unpublished archival documents from the State Archive of the Kaluga Region, the article analyzes the daily service of gendarmerie non-commissioned officers of the additional staff on the example of the Zhizdra Gendarmerie Post of the Kaluga Provincial Gendarmerie Department in 1913. It examines travel routes, reporting systems, financial support, living conditions, as well as practices of monitoring strikes, detecting RSDLP proclamations, searching for politically unreliable persons, and controlling officials and nobles. It is shown that the gendarmes worked under conditions of acute personnel shortage (two employees for a vast territory) and chronic underfunding (quarters allowance – 7 rubles per month, with an average worker's wage of 15–25 rubles), compensating for systemic limitations through informal practices: an agent network, personal contacts, and close interaction with factory administration and police.

Keywords: agent network; living conditions; monitoring of strikes; political control; financing of the gendarmerie; Kaluga province; gendarme non-commissioned officer; Zhizdra Gendarmerie Post; daily service of the service; 1913.

Изучение повседневной службы жандармских унтер-офицеров дополнительного штата в 1913 г. позволяет по-новому взглянуть на механизмы функционирования системы политического контроля Российской империи накануне Первой мировой войны. В условиях нарастания социальной напряжённости, роста стачечного движения и активизации революционных организаций низовые звенья жандармерии играли ключевую роль в поддержании общественного порядка. 1913 год выбран не случайно: это год 300-летия дома Романовых, сопровождавшийся массовыми торжествами и усилением мер безопасности. Кроме того, 1913 год стал одним из пиков социальной напряжённости накануне войны, когда стачечное движение (Ленские события 1912 г., забастовки 1913 г.) достигло значительного размаха.

Настоящая статья реконструирует повседневную службу унтер-офицеров Жиздринского жандармского пункта Калужского губернского жандармского управления (далее – КГЖУ) в 1913 г. на материалах Государственного архива Калужской области [Ф. 948, Оп. 1, Д. 5–9]. Дела содержат три типа источников: строевая часть (рапорты вахмистра И. Орешкина и унтер-офицера И. Родионова, маршрутные листы, финансовые ведомости, прошения об отставке и пособиях, циркуляры

помощника начальника КГЖУ в Калужском, Жиздринском, Мещовском и Мосальском уездах в 1909–1917 гг. ротмистра А.А. Кравцова и адъютанта управления в 1912–1915 гг. штабс-ротмистра В.В. Добромыслова; наблюдательная часть и розыск политически неблагонадёжных лиц (рапорты о прокламациях РСДРП, о забастовках, о подавлении беспорядков, о поиске нелегалов, ссыльных, эмигрантов); сведения о происшествиях (пожары, драки, убийства).

1. География службы и маршруты выездов

Жиздринский жандармский пункт охватывал обширную территорию, включавшую Калужский, Жиздринский, Мещовский и Мосальский уезды. В 1913 г. штатная численность пункта составляла два человека – вахмистр И. Орешкин и унтер-офицер И. Родионов. На основе маршрутных листов и рапортов (Д. 5) можно реконструировать ключевые направления их выездов. Всего за 1913 г. было совершено не менее 27 выездов – как совместных, так и раздельных [1, л. 6, 21, 28, 30, 32, 33, 38–38 об., 41, 48, 56, 58, 63, 67, 71, 75, 83, 88, 93, 95, 98, 100].

Наиболее частые маршруты включали: поездки в губернский центр для личного доклада — Жиздра – Калуга (160 км, расходы 6 руб. 40 коп. туда и обратно) [1, л. 25, 31об., 47 об.]; регулярные выезды на Людиновский завод — Жиздра – Людиново (25 км, 25 коп. в одну сторону, 50 коп. туда и обратно) [1, л. 30, 45 об., 46 об., 106]; поездки на Боровский цементный завод (второй по значимости объект наблюдения) – расходы от 1 руб. 50 коп. до 1 руб. 70 коп. [1, л. 30, 50об., 91]; поездки на Песоченский завод – 1 руб. [1, л. 58 об., 70]; на Хотьковский завод – 92 коп. [1, л. 62]; в сёла Маклаки – 66 коп. [1, л. 66]; в Будчино – 1 руб. 20 коп. [1, л. 28]; в Погост – 2 руб. 40 коп. [1, л. 35]; в Брынь – 94 коп. [1, л. 103]; в Буду – 42 коп. [1, л. 38 об.].

Анализ маршрутов позволяет выделить несколько типов выездов.

Плановые инспекции промышленных предприятий (курсив наш – Авт.) требовали глубокого проникновения в местную общественную жизнь, установления контактов с заводской администрацией и мастерами, негласного наблюдения за группами рабочих, выявления неформальных лидеров. Например, Орешкин находился на Боровском цементном заводе с 30 апреля по 3 мая 1913 г. [1, л. 48–49].

Реагирование на происшествия носило внезапный характер: срочные выезды в связи с разбросной прокламаций [2, л. 5–7], забастовками [2, л. 23–24], телеграфный вызов Кравцова [1, л. 23]. *Мониторинг общественных мероприятий* включал наблюдение за крестными ходами, ярмарками, празднованием 300-летия Дома Романовых. Родионов подробно докладывал о праздновании 21 февраля на Людиновском и Сукремльском заводах: после молебнов крестный ход, народное гулянье с хором музыки, фейерверк – и ни одного противоправительственного выступления [2, л. 3–4]. *Взаимодействие с местными властями* – встречи с волостными старшинами, заводской администрацией, церковнослужителями – позволяло компенсировать кадровый дефицит. Через них жандармы получали сведения о настроениях населения, возможных угрозах и происшествиях, координировали меры по поддержанию порядка.

Логистика выездов была сложной. Жандармы использовали обывательские подводы (по «открытым листам»), железную дорогу (с удостоверениями для бесплатного проезда) и пешие переходы [1, л. 2, 10, 13, 16, 17]. Транспортные расходы были существенной частью бюджета пункта. Вызов в Калугу и обратно стоил 6 руб. 40 коп., что сопоставимо с ежемесячными квартирными деньгами (7 руб.). Это ограничивало частоту выездов при нехватке финансирования. Кроме того, использование транспорта зависело от сезона: зимой подводы заменялись санями, а в распутицу дороги становились непроходимыми, что замедляло передвижение и снижало оперативность реагирования.

2. Финансовое обеспечение и бытовые условия

Финансирование Жиздринского пункта осуществлялось из двух источников: губернского бюджета и средств Жиздринской городской управы, которая ассигновала по 7 руб. в месяц на унтера-офицера вместо запрошенных 11 руб. [1, л. 3–4]. Вахмистр Орешкин в рапорте от 5 января 1913 г. прямо указывал: «Вследствие вздорожания квартир, отопления и освещения, отпускаемых квартирных денег оказывается недостаточно», просил об отводе квартиры «натурой» [1, л. 3–4]. Но уже 19 января он и Родионов соглашаются на 7 руб., поскольку «ассигнованные добавочные квартирные деньги… мы получать согласны» [1, л. 15].

Ежемесячно (январь–декабрь) оба жандарма исправно получали эти деньги [1, л. 18,

26, 36, 44, 55, 74, 81, 82, 87, 92, 97, 105]. Сравнение с зарплатами рабочих (15–25 руб. в месяц на заводе) показывает, что 7 руб. были недостаточны для найма приличного жилья в городе или заводском посёлке. Структура расходов включала аренду жилья и коммунальные услуги, транспорт (расходы фиксировались в каждом маршруте), обмундирование и экипировку, канцелярские принадлежности.

Материальная поддержка предусматривала единовременные пособия (Орешкин, прослуживший 20 лет, просил при отставке 1000 руб. [1, л. 3–4]), компенсации вместо предоставления жилья и участие в кассе взаимопомощи нижних чинов Отдельного корпуса жандармов (бланки заявлений Родионова) [1, л. 19–20]. Наградой за успешную службу стала большая золотая медаль на Александровской ленте, которую Родионов получил в сентябре 1913 г. [1, л. 85–86]. Однако этих мер было недостаточно для системного решения проблемы.

Низкий уровень финансирования вёл к текучести кадров. Орешкин, как уже было сказано, ушёл в отставку [1, л. 3–4]. Родионов 7 февраля 1913 г. также подал рапорт об увольнении [1, л. 21], но уже 15 февраля вернулся из отпуска [1, л. 22], а 21 февраля докладывал о возвращении [1, л. 22]. Это говорит о сложных кадровых решениях, зависимости от личных обстоятельств и, возможно, вмешательстве начальства.

Бытовые условия были тяжёлыми. Орешкин просил месячный отпуск для перевода семейства в Жиздру [1, л. 5]. В марте 1913 г. штабс-ротмистр В.В. Добромыслов предписал жандармам «исполнить долг говения и принятия Святого Причастия» и представить списки, заверенные причтом [1, л. 37, 43]. Это показывает, что контроль за поведением жандармов был разнообразным – от политической благонадёжности до соблюдения религиозных обрядов.

3. Мониторинг забастовок и социальной напряжённости

Документы наблюдательной части (Д. 6) показывают, что жандармы активно отслеживали забастовочное движение. 23 марта 1913 г. Орешкин доносил о забастовке на Бежицком заводе (смежном с Жиздринским уездом), где около 13 000 человек прекратили работы. Он перечисляет 22 требования рабочих – от освобождения уполномоченных до улучшения больничной помощи – и прилагает резолюции директора по каждому пункту [2, л. 9–12]. Требования включали: отмену штрафов, увеличение подённой платы чернорабочим до 1 руб., улучшение гигиенических условий, бесплатные квартиры, постоянное функционирование двух бань и многое другое. Директор завода согласился лишь на часть из них. Этот документ – уникальное свидетельство масштаба рабочего движения в регионе.

5 июня 1913 г. Орешкин докладывает о забастовке на Хотьковском чугунно-литейном заводе (300 рабочих). Причина – отказ администрации повысить расценки на литьё. Орешкин фиксирует имена 10 наиболее активных рабочих, которые «выкрикивали из толпы»: Михаил и Сергей Борисовы, Михаил Трутнев, Иван Гавриков, Владимир Юдин, Федот Шалынин, Иван Абрамов, Ананий Легков, Харитон Тишов. Администрация распорядилась не принимать их на другие заводы мальцовского товарищества [2, л. 23–24].

В апреле 1913 г. Орешкин фиксирует стачку 7 человек токарного цеха и 15 человек котельного цеха на Людиновском заводе. Требования – повышение заработной платы. Передовым назван жиздринский мещанин Пётр Тимашёв, получавший 1 руб. 55 коп. в сутки. Рабочие отказались работать без прибавки, контора завода выдала им расчёт [2, л. 18–19].

Особое место занимает *Людиновская забастовка*, начавшаяся 19 августа 1913 г. Родионов доносит: 22 августа на разрешённом полицией собрании рабочих единогласно постановлено не уступать администрации и продолжать забастовку. Администрация удовлетворила лишь часть требований (пункты 3, 9, 11, 14, 21, 27 из списка), а 24 августа объявила о расчёте всех рабочих [2, л. 30]. Забастовка распространялась: 24 августа Орешкин докладывает, что остановился Сукремльский завод (около 1000 человек), есть угроза, что к забастовке присоединятся Песоченский завод и мальцовская железная дорога [2, л. 32].

Динамика забастовки фиксировалась ежедневно. К 15 октября на Людиновском заводе работало уже более 3000 человек, а 27 октября был дан первый рабочий гудок после забастовки. Завод пошёл полным ходом [2, л. 64, 67, 69]. Однако администрация составила чёрный список из 30 человек, признанных «вредно влияющими на рабочих» [2, л. 69–70]. Среди них – Дмитрий Носов, Григорий Погодичев, Иван Фирсов, Василий Анишкин,

Семён Клячин и другие. Жандармы собирали и передавали администрации сведения об этих лицах.

4. Выявление политических преступлений: прокламации, оскорбление императора, социал-демократический кружок

6 марта 1913 г. Орешкин докладывает о двух происшествиях: в селе Людиново разбросаны прокламации противоправительственного содержания, а в с. Погост волостной писарь произнёс «дерзкие слова с надругательством над портретом государя императора» [2, л. 5]. Родионов, проводивший разведку, доносит, что старшина Людиновского волостного правления и писарь подобрали два экземпляра прокламации, вложенных в дверную щель и положенных на крыльцо. Установить разбросавшего не удалось [2, л. 6–7].

18–19 марта на Сукремльском заводе урядник подобрал ещё две прокламации. Родионов опрашивает свидетелей (отставного жандармского унтер-офицера и заведующего мастерскими). Те сообщают, что «были слухи, что утром в мастерских были подобраны несколько штук прокламаций», но «впечатления на мастеровых названные прокламации никакого не произвели» [2, л. 14–15].

30 марта штабс-ротмистр Добромыслов предписывает Орешкину отправиться на Сукремльский завод для разведки по делу о разброске прокламаций «Страхование или закабаление рабочих» – издания РСДРП [2, л. 13]. Это прямое указание на то, что жандармы занимались розыском революционной литературы.

В конце мая на телеграфном столбе в 7 верстах от села Людиново был обнаружен портрет государя императора, вырванный из календаря, с вставленной в рот бумажной папиросой. А.А. Кравцов предписывает Орешкину провести «подробную негласную разведку» [2, л. 25]. Орешкин опрашивает полицейского надзирателя, стражника конного отряда, двух лесных сторожей. Свидетели сообщают, что дорога оживлённая («ни одна сотня людей ежедневно проходит»). Установить, кто приклеил портрет, не удалось [2, л. 26–27].

В августе 1913 г. Орешкин проводит разведку по факту оскорбления портрета Александра II волостным писарем Беляевым. Десятский Ратников показал, что Беляев в пьяном виде ударил по портрету со словами «Нам нет от них свободы». Орешкин опрашивает пять свидетелей (волостного старшину, помощника писаря, сторожа и др.), выясняет, что Беляев «поведения неодобрительного, подвержен крепким напиткам» [2, л. 8–9].

10 августа 1913 г. инженер-механик Яков Герасимов в конторе котельной мастерской рассказал анекдот про нижние чины русской армии, завершившийся фразой «Для вас царь-батюшка, а для них "х… собачий"». Орешкин опрашивает свидетелей (заведующего мастерской Шелле, конторщика Бородина, служащих Глеб-Кашанского и Вебера), которые подтверждают факт. Герасимов был уволен 17 августа [2, л. 36–37].

9 сентября 1913 г. Кравцов предписывает Орешкину проверить сведения о том, что в с. Людиново организуется кружок социал-демократов, установить его связь с кружком «Самообразования» и недавно прибывшее из Сибири лицо [4, л. 50–50об.]. Одновременно Кравцов предписывает выяснить личности лиц, принимавших деятельное участие в организации забастовки и принадлежащих к Людиновской организации РСДРП: Григорий Анишкин, Василий Хотеев, Иван Фирсов, Дмитрий Носов, Ящерицын, Семён Фокин, Фёдор Сочеев, Василий Фельдшеров, Григорий Погодичев, Василий Анишкин [4, л. 50а – 51]. Орешкин доносит, что ныне организации РСДРП в с. Людиново не существует, а упомянутые лица – местные жители, в забастовке участвовали, но «поведением в смысле общественного спокойствия не внушают ничего предосудительного». Тем не менее он указывает, что Погодичев в 1908 г. привлекался за хранение нелегальной литературы, а Носов в 1904 г. состоял под гласным надзором [4, л. 56–57]. Также Орешкин составляет список лиц, бывших в кружке «Самообразования» (18 человек), из которых двое высланы, один проживает в Санкт-Петербурге, остальные – местные крестьяне [4, л. 58–60].

5. Розыск политически неблагонадёжных лиц

Дело № 8 («Переписка о розыске политически неблагонадёжных лиц») представляет собой развёрнутую картину агентурной работы жандармов. На протяжении всего 1913 г. Кравцов предписывает Орешкину и Родионову установить наблюдение за десятками лиц: высланными, разыскиваемыми циркулярами Департамента полиции, подозреваемыми в принадлежности к революционным организациям, нелегалами, эмигрантами.

Розыск высланных и поднадзорных: мещанин Василий Сергеев выслан в Ар-

хангельск за принадлежность к РСДРП [4, л. 1–2]; Иван Хотеев выслан из Брянского уезда за подстрекательство к забастовке [4, л. 12]; Георгий Грибанов (Михеев) – участник ограбления банка [4, л. 13]; Александр Анцышкин выслан из Екатеринослава [4, л. 14]; Иван Коротков выслан за принадлежность к РСДРП [4, л. 56].

Розыск по циркулярам Департамента полиции: Николай Васич, разыскиваемый для партийной работы в воинской среде [4, л. 9]; Евно Азеф с намерением совершить террористический акт (для реабилитации) [4, л. 64]; Борис Моисеенко (административно ссыльный) [4, л. 68]; Пётр Креслов [4, л. 43].

Слежка за эмигрантами и нелегалами: Николай Тютчев (дворянин, эмигрант) [4, л. 34]; Александр Боровой (бывший приват-доцент) [4, л. 34]; Роберт Блешкевич с подробными приметами: «лет около 28, выше среднего роста, стройный, блондин, волосы каштанового цвета, маленькие светлые усы, голубые глаза, худощавое лицо, торчащие в стороны уши, носит очки» [4, л. 35]; князья Чиковине и Церстели [4, л. 39]; крестьянин Гансек (Ансеков) – «роста выше среднего, тёмно-оливкового цвета лица, одевается неряшливо» [4, л. 40]; мещанин Таршис и дочь мещанина Маршак с подробными приметами [4, л. 37].

Проверка паспортов и бессрочных паспортных книжек: бессрочные паспорта на имя Николая Усова и Мелоны Александрович для нелегалов [4, л. 10]; паспорт императорской миссии в Брюсселе на имя Александра Звонарёва [4, л. 89]; подложный паспорт Юсифа Надорешвили (приказ об аресте) [4, л. 44].

Сбор сведений о «неблагонадёжных»: Иван Фирсов (получает корреспонденцию из Екатеринослава, участвовал в устной пропаганде, чёрный список) [4, л. 63, 66–67]; Василий Поляков (сбор денег на «святое дело борьбы пролетариата», слежка) [4, л. 51, 52–53]; студент-эсер Хаим Зейдман [4, л. 47–48]; Николай Врубель (ношение пистолета «Браунинг» без разрешения) [4, л. 24–25, 72]; Павел Шеманин [4, л. 11, 72]; Ниссон Гильман (военный учёт) [4, л. 79, 83–84]; учительница Соколова (заподозрена в пропаганде среди крестьян) [4, л. 76, 81].

В ряде случаев жандармы опрашивали десятки свидетелей, собирали подробные сведения о возрасте, семейном положении, занятиях, знакомствах, связях, имущественном положении, судимости. Например, по делу Николахиных (подозрение в поджоге электрической станции на Брянском заводе) Орешкин опрашивал родственников, соседей, выяснял биографию каждого [4, л. 70, 73]. По делу о записке с призывом к революции Родионов опрашивал свидетелей и даже анализировал местный диалект, объясняя, что слово «революция» в Людинове означает «массовую драку между улицами» [4, л. 60–61].

6. Контроль над чиновниками, дворянами и полицейскими

В январе 1913 г. Кравцов предписывает Орешкину собрать сведения о бывшем приставе 2 стана Жиздринского уезда коллежском секретаре Михаиле Фёдоровиче Плесском – об образе жизни, поведении, нравственных качествах, характере и деятельности. Родионов доносит, что Плесский «характер имел весёлый, общительный, не избегал компаний, часто посещал общественный клуб, где позволял себе употребление спиртных напитков, но не чрезмерно», в целом отзывы «весьма хорошие» [3, л. 1–2].

1 апреля 1913 г. Кравцов предписывает собрать сведения о политической благонадёжности, образе жизни и нравственных качествах дворянина Павла Константиновича Вриони, проживающего на хуторе «Старово». Родионов доносит, что Вриони «за время пребывания в пределах Жиздринского уезда не внушал и не внушает до сего времени ничего предосудительного» [3, л. 3–4].

В июне 1913 г. Орешкин докладывает о жалобе стражника Павла Волкова министру внутренних дел на пристава 1 стана Пучкова – за использование стражников на личных работах (уборка лошадей, возка навоза, приготовление пищи) и взятие товаров в магазине под «заборную книгу команды». Орешкин подтверждает факты [3, л. 5–7]. Это показывает, что жандармы вмешивались даже во внутренние конфликты в полицейской среде, выполняя функции «внутреннего надзирателя».

7. Повседневные происшествия: пожары, драки, убийства

В деле № 9 («Сведения о происшествиях») зафиксированы бытовые инциденты: 30 марта 1913 г. в деревне Полики от неисправности дымовой трубы сгорело 7 крестьянских домов [5, л. 1]; 5 апреля в деревне Стайки сгорело 5 сараев и 4 риги [5, л. 2]. В октябре 1913 г. в селе Людиново во время драки братья Шишкины нанесли смертельные раны двум рабочим (Ткачёв и Шиглачёв). Орешкин докладывает, что драка «к забастовавшим

рабочим никакого отношения не имеет» [5, л. 3–4]. Это показывает, что жандармы были обязаны фиксировать любые происшествия, даже не связанные с политикой, и отчитываться о них.

8. Документооборот и отчётность

Документооборот был неотъемлемой частью службы. Каждый выезд оформлялся маршрутным листом, по возвращении писался рапорт. Отдельные происшествия требовали «негласной разведки» – специального расследования, результаты которого оформлялись развёрнутым донесением. Типичные формулировки: «Доношу Вашему Высокоблагородию», «согласно личного приказания», «для производства негласной разведки по делу о Государственном преступлении» [1, л. 28, 30, 38 об., 45 об.]. Бюрократическая нагрузка отнимала, по оценкам автора, до 30% рабочего времени.

Анализ повседневной службы жандармских унтер-офицеров дополнительного штата в 1913 г. на материалах Жиздринского жандармского пункта позволяет сделать следующие выводы. Кадровый дефицит и недостаточное финансирование были основными системными проблемами. Два сотрудника на четыре уезда, 7 руб. квартирных денег (при среднем заработке рабочего 15–25 руб.) снижали оперативные возможности и вели к текучести кадров.

Однако, несмотря на ограничения, система работала на пределе, компенсируя недостатки неформальными практиками: агентурной сетью, личными связями, тесным взаимодействием с заводской администрацией и полицией.

Жандармы были не просто «наблюдателями», а активными агентами контроля. Они отслеживали забастовки (в Бежице, Хотькове, Людинове, Сукремле), расследовали распространение прокламаций РСДРП, выявляли оскорбления монарха, собирали имена «подстрекателей», передавали чёрные списки администрации.

Агентурная работа была тотальной. Под наблюдением находились десятки лиц: от местных крестьян и рабочих до студентов, эмигрантов, членов РСДРП, эсеров, членов партии «Бунд». Жандармы собирали подробные сведения о возрасте, семейном положении, занятиях, знакомствах, переписке, судимости. Розыск вёлся по циркулярам Департамента полиции, охватывая всю империю.

Контроль распространялся на все слои населения. Бюрократическая нагрузка была высокой, но именно она обеспечивала системность: каждый инцидент фиксировался, каждое подозрение проверялось, каждый выезд оформлялся.

Успех операций зависел от личных качеств жандармов – их умения налаживать контакты, вызывать доверие, анализировать информацию, быстро принимать решения в условиях цейтнота.

Список литературы:

1. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 948. Оп. 1. Д. 5. «Дело 1913 г. по описи № 1 Жиздринского жандармского пункта дополнительного штата КГЖУ в Калужском, Жиздринском, Мещовском и Мосальском уездах. Переписка по строевой части».

2. ГАКО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 6. «Дело 1913 г. по описи № 3 Жиздринского жандармского пункта дополнительного штата КГЖУ в Калужском, Жиздринском, Мещовском и Мосальском уездах. Сведения о состоянии пункта в наблюдательном отношении».

3. ГАКО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 7. «Дело… по описи № 4. О наблюдении за перемещениями, за образом жизни служащих».

4. ГАКО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 8. «Дело… по описи № 5. Переписка о розыске политически неблагонадёжных лиц».

5. ГАКО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 9. «Дело… по описи № 6. Сведения о происшествиях».

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(470.318)"1913":351.746.2

А.Е. Власов

ПРОЦЕДУРЫ РЕВИЗИИ И УНИЧТОЖЕНИЯ АРХИВНЫХ ДЕЛ В КАЛУЖСКОМ ГУБЕРНСКОМ ЖАНДАРМСКОМ УПРАВЛЕНИИ (НА МАТЕРИАЛАХ АКТА КОМИССИИ 1913 ГОДА)

Настоящая статья посвящена углублённому анализу процедур ревизии и уничтожения архивных дел в Калужском губернском жандармском управлении (далее – КГЖУ) в начале XX века, опираясь на акт комиссии от 14 декабря 1913 года. Исследование подробно раскрывает механизмы функционирования системы политического розыска Российской империи, принципы формирования и утилизации документов, а также критерии отбора дел к уничтожению, регламентированные циркуляром Департамента полиции от 1912 года. Привлечение в историографическом контексте работ М.В. Сидоровой позволяет всесторонне оценить местные практики КГЖУ в рамках общеимперских тенденций централизации, стандартизации, технологической модернизации и адаптации делопроизводства к меняющимся политическим вызовам. Детальный анализ содержимого уничтоженных дел, несмотря на их физическое отсутствие, позволяет реконструировать ключевые аспекты социально-политической жизни Калужской губернии конца XIX – начала XX века, выявляя объекты надзора, характер инцидентов, эволюцию оппозиционных движений и репрессивных практик, а также региональную специфику жандармской работы. Статья доказывает, что даже фрагментарные архивные источники, будучи тщательно проанализированными, служат ценнейшей основой для изучения истории государственного управления и социально-политической истории Росси в целом.

Ключевые слова: Калужское губернское жандармское управление; жандармские архивы; уничтожение документов; Департамент полиции; политический розыск; делопроизводство; циркуляр 1912 года; социальная история; региональная специфика; начало XX века.

A.E. Vlasov

PROCEDURES FOR THE AUDIT AND DESTRUCTION OF ARCHIVAL FILES IN THE KALUGA PROVINCIAL GENDARME ADMINISTRATION: EVIDENCE FROM THE 1913 COMMISSION REPORT

This article is devoted to an in-depth analysis of the procedures for revising and destroying archival files in the Kaluga Provincial Gendarmerie Department (hereinafter referred to as the KPGD) at the beginning of the 20th century, based on the commission act of December 14, 1913. The study reveals in detail the mechanisms of the political investigation system of the Russian Empire, the principles of document formation and disposal, as well as the criteria for selecting files for destruction, regulated by the Police Department circular of 1912. Incorporating the works of M.V. Sidorova into the historiographical context allows for a comprehensive assessment of the KPGD's local practices within the broader imperial trends of centralization, standardization, technological modernization, and the adaptation of office administration to changing political challenges. A detailed analysis of the contents of the destroyed files, despite their physical absence, makes it possible to reconstruct key aspects of the socio-political life of the Kaluga province in the late 19th – early 20th centuries, revealing the objects of surveillance, the nature of incidents, the evolution of opposition movements and repressive practices, as well as the regional specificity of gendarmerie work. The article demonstrates that even fragmentary archival sources, when thoroughly analyzed, serve as an invaluable foundation for studying the history of public administration and the socio-political history of Russia as a whole.

Keywords: Kaluga Provincial Gendarmerie Department; gendarmerie archives; document destruction; Police Department; political investigation; office management; circular of 1912; social history; regional specificity; early 20th century.

Изучение механизмов государственного контроля и надзора за обществом представляет собой одно из фундаментальных направлений современной исторической науки. В Российской империи конца XIX – начала XX века центральную роль в этой системе играли органы политического розыска, прежде всего, жандармерия. Деятельность губернских жандармских управлений породила колоссальный массив документации, который, несмотря на свою изначально строго утилитарную функцию, сегодня является бесценным источником для реконструкции не только институциональной истории государственных органов, но и широкой панорамы социально-политической жизни Российской империи, включая проявления общественного недовольства, эволюцию оппозиционных движений и реакции власти на них. Однако судьба этого наследия оказалась сложной и драматичной. Значительная часть архивных материалов жандармерии была безвозвратно утрачена в результате целенаправленных ревизий и уничтожения документов, обусловленных как бюрократическими предписаниями, так и политическими мотивами.

Настоящая статья посвящена углубленному анализу процедур ревизии и уничтожения архивных дел Калужского губернского жандармского управления на основе акта комиссии от 14 декабря 1913 года. Этот акт, фиксирующий подробный перечень 190 уничтоженных дел за период с 1882 г. по 1902 год, предоставляет редкую, но чрезвычайно ценную возможность исследовать принципы работы жандармерии с архивами на региональном уровне, даже при физическом отсутствии самих документов. Особую значимость исследованию придает привлечение в историографическом контексте работы М.В. Сидоровой «Архивы центральных органов политического розыска России XIX начала XX вв.: III Отделение с. е. и. в. канцелярии и Департамента полиции МВД» [2]. Эта работа по истории делопроизводства Департамента полиции и жандармских органов заложила прочную основу для понимания эволюции архивной системы политического розыска, её взаимосвязи с политическими кризисами и критериев утилизации документов. Выводы М.В. Сидоровой позволяют интерпретировать локальные практики Калужского ГЖУ в русле общеимперских тенденций централизации, стандартизации, технологической модернизации и адаптации делопроизводства к меняющимся вызовам времени.

Цель исследования – проанализировать, как на уровне Калужской губернии реализовывались централизованные предписания Департамента полиции по управлению архивами, и какую информацию, несмотря на физическое уничтожение самих документов, можно извлечь из сохранившихся описей для изучения социально-политической истории калужского региона конца XIX – начала XX века.

Задачи исследования включают:

1) освещение теоретико-методологических подходов к изучению жандармских архивов;

2) рассмотрение эволюции делопроизводства политического розыска после 1880 года и общих критериев уничтожения документов;

3) детальный анализ акта Калужской комиссии 1913 года, включая реконструкцию содержания уничтоженных дел и социальной динамики объектов надзора;

4) сопоставление региональных практик Калужского ГЖУ с общеимперскими тенденциями, выявленными М.В. Сидоровой.

Следует подчеркнуть, что исследования М.В. Сидоровой изменили представление о полицейских архивах, превратив их из простого хранилища ведомственной информации в ключевой источник для комплексного изучения российской истории. Исследователь показала, что архивы жандармских управлений и Департамента полиции представляли собой не просто пассивные хранилища данных, а выступали в качестве мощных инструментов управления и контроля. Эти архивы обеспечивали строгую вертикаль власти, позволяя Департаменту полиции из Петербурга координировать действия губернских жандармских управлений, контролировать их оперативную деятельность и получать стандартизированные отчёты. Это подтверждается широким кругом корреспонденции, которая неизменно фигурировала в жандармских делах, связывая местные органы с центральными ведомствами, а также между собой. Более того, накопленная и систематизированная в архивах информация служила основой для аналитики, позволяя прогнозировать риски, выявлять тенденции в оппозиционном движении и формировать превентивные меры, что являлось ключевой задачей политического розыска. М.В. Сидорова акцентирует внимание на унификации и централизации системы учёта и делопроизводства, что стало одним из главных достижений реформ орга-

нов политического розыска конца XIX века [2]. Внедрение типовых регистрационных карточек на поднадзорных лиц с унифицированным набором данных, стандартизированных описей дел с чёткой структурой (номер дела, даты производства, количество листов, краткое содержание, уровень секретности) и единых инструкций для ГЖУ существенно повысило эффективность работы с информацией. Эта унификация не только упрощала межведомственное взаимодействие, но и служила инструментом защиты оперативных источников и методов агентурной работы.

Факт составления акта об уничтожении документов Калужского ГЖУ в строгом соответствии с циркуляром Департамента полиции является прямым свидетельством успешности этой унификационной политики. Даже на периферии империи жандармское делопроизводство подчинялось единым центральным стандартам.

Помимо институциональной функции, М.В. Сидорова подчёркивает роль архивов в фиксации социально-экономической динамики Российской империи. Хотя жандармские донесения были сосредоточены на выявлении «неблагонадежных» элементов и антиправительственной деятельности, они косвенно, но весьма информативно, отражали сложную эволюцию общественных отношений. В архивах можно проследить процессы перехода от крепостничества к раннему капитализму, выявить региональные различия в экономическом развитии (например, между промышленно развитыми и аграрными губерниями), а также получить данные о маргинализированных группах населения – беглых крестьянах, безработных рабочих, студентах и интеллигенции, чья деятельность часто попадала под надзор [2, гл. 2, разд. «Об источниковедческом потенциале жандармских фондов»].

Анализ сохранившейся описи уничтоженных дел Калужского ГЖУ, где фигурируют крестьяне, фабричные рабочие, студенты и семинаристы, подтверждает этот тезис, позволяя реконструировать социальный состав объектов надзора и широкий спектр их «противоправной» деятельности, отражавшей общественные трансформации. Однако исследователь предупреждает и об особых методологических ограничениях этих источников. Субъективность агентурных донесений, фрагментарность отчётов, неизбежный акцент на негативных явлениях и внутренняя цензура, исключающая неудобные или противоречивые факты, могли создавать искажённую картину реальности. Несмотря на это, исследователь убедительно доказывает, что даже узкоспециализированные фонды, такие как жандармские, содержат многослойную информацию о жизни общества. Применение критического анализа и сопоставление с другими источниками позволяет историкам реконструировать не только механизмы политического контроля, но и глубинные социальные процессы эпохи [2, см. методологический раздел диссертации]. Эти положения М.В. Сидоровой формируют основу для осторожного, но плодотворного анализа данных, извлечённых из акта Калужского ГЖУ, позволяя взглянуть на «отсутствующие» дела как на источник, свидетельствующий о многом.

Реформа 1880 года, упразднившая легендарное III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и передавшая его функции Департаменту полиции в составе Министерства внутренних дел, ознаменовала собой кардинально новый этап в развитии системы политического розыска Российской империи. М.В. Сидорова убедительно демонстрирует, что, несмотря на институциональные изменения, преемственность в принципах архивного дела сохранялась, однако при этом значительно усилились процессы централизации и стандартизации системы учёта, хранения и утилизации документов. Эта реорганизация была прямым ответом не только на убийство Александра II в 1881 году, но и на более глубокие системные вызовы: стремительный рост революционного движения (особенно активизацию народовольцев), усложнение структуры подпольных организаций и острую необходимость систематизации огромного массива накопленных полицейских и агентурных материалов, которые стали неуправляемыми [2].

Ключевыми нововведениями, существенно повлиявшими на делопроизводство жандармских органов, стали:

1. Внедрение типовых регистрационных карточек на поднадзорных лиц. Эти карточки содержали унифицированный набор данных (ФИО, социальное положение, место рождения, род занятий, причины надзора, даты начала и окончания надзора, номера дел), что позволяло быстро получать информацию и создавать единые базы данных на общеимперском уровне.

2. Разработка стандартизированных описей дел. Эти описи, как это видно из анализируемого акта Калужского ГЖУ, стали

неотъемлемой частью архивной работы. В них фиксировались не только номер дела, но и точные даты его заведения и окончания, количество листов, краткое, но ёмкое содержание дела, а также уровень секретности. Это обеспечивало прозрачность (для внутреннего пользования) и управляемость огромным объемом документации.

3. Создание единых инструкций и циркуляров для губернских жандармских управлений. Эти директивы унифицировали формы отчётности, устанавливали сроки предоставления сводок и детально регламентировали правила доступа к секретным материалам. Такая унификация способствовала созданию единого информационного пространства и повышала оперативность всей системы политического розыска, включая его региональные звенья.

4. Внедрение механизированных каталогов и картотек. Создание алфавитных, тематических, географических и хронологических картотек значительно ускоряло поиск и анализ информации, демонстрируя стремление Департамента полиции к технологической модернизации и повышению эффективности работы с данными. Это был шаг к превращению разрозненных донесений в структурированную базу знаний.

Особое значение для данного исследования имеет подробный анализ М.В. Сидоровой критериев отбора документов к уничтожению, особенно на примере циркуляра Департамента полиции № 85070 от 26 ноября 1912 года. Именно этот циркуляр стал прямым основанием для деятельности Калужской комиссии в 1913 году. Отмечается, что данный документ лишь формализовал и систематизировал давно сложившуюся практику, придав ей общеобязательный характер. Уничтожению, как правило, подлежали:

• Дела, завершённые без продолжения, то есть те, по которым оперативная работа была прекращена из-за отсутствия новых данных, отъезда лица за границу или его «исправления».

• Материалы, утратившие оперативную надобность, например, дела об умерших поднадзорных лицах, о расформированных революционных кружках, или о не актуальных событиях.

• Дублирующие документы, копии, черновики, а также второстепенные донесения, чьё содержание было уже отражено в более важных или обобщённых делах [2, гл. 2 «О порядке хранения и уничтожения дел»].

При этом строго предписывалось сохранять дела о крупных государственных преступлениях, террористических актах, документы, имевшие потенциальную юридическую ценность для будущих расследований, материалы с международной составляющей и любые уникальные свидетельства. Такая избирательность, по мнению М.В. Сидоровой, неизбежно приводила к значительной утрате исторически ценных документов, поскольку критерии «оперативной надобности» не всегда совпадали с критериями исторической ценности. Причины утрат были многообразны: от субъективности решений местных комиссий до бюрократической небрежности, от преднамеренного уничтожения «неудобных» материалов до технических ограничений хранения [2, гл. 2 разд. «О проблемах утраты архивных материалов»].

Взаимодействие Департамента полиции и ГЖУ с другими государственными учреждениями (цензурой, фабричной инспекцией, губернскими правлениями, военным министерством, министерством финансов) играло критически важную роль в сборе информации. Механизмы координации включали межведомственные совещания, циркулярные запросы, совместные расследования и регулярный обмен агентурными данными. Это свидетельствует о формировании комплексной, многоуровневой системы надзора, охватывавшей различные сферы жизни общества. На региональном уровне это означало активную переписку Калужского ГЖУ с местными и центральными ведомствами, что подтверждается наличием в анализируемой описи дел «об общей переписке по политическим вопросам» и «о доставлении ведомостей о лицах, привлеченных к формальным дознаниям».

Региональные особенности применения центральных норм, также описанные М.В. Сидоровой, показывают, что хотя в губерниях с высокой революционной активностью (например, Варшавской, Киевской) делопроизводство было чрезвычайно тщательным и обширным, в относительно «спокойных» регионах могли допускаться упрощения или наблюдались определённые акценты [2]. Однако калужская опись несмотря на то, что Калуга не была в числе крупнейших центров революционного движения, демонстрирует относительно высокую степень детализации и неукоснительное следование центральным предписаниям. Это говорит о том, что даже в

провинции система была выстроена довольно эффективно.

Ревизия архивных дел 1913 года проводилась на основании двух ключевых нормативных актов, определивших как общие принципы отбора документов к уничтожению, так и конкретные процедуры их пересмотра. Первым из них являлся циркуляр Департамента полиции от 26 ноября 1912 года № 85070, который устанавливал критерии отбора дел для уничтожения. Этот документ отражал общую тенденцию к оптимизации архивного дела в системе МВД: в условиях роста документооборота и ограниченности ресурсов канцелярий требовалось регулярно пересматривать накопленные материалы и избавляться от тех, что утратили оперативную ценность.

Циркуляр содержал чёткие указания на то, какие категории дел подлежат уничтожению:

- завершённые производства, не имеющие продолжения в виде текущих расследований;
- дела, не содержащие сведений, представляющих интерес для исторической науки или местного краеведения;
- документы, утратившие актуальность в связи с изменением законодательства или оперативной обстановки.

Вторым нормативным основанием служил приказ по Калужскому губернскому жандармскому управлению от 14 июня 1913 года № 65, конкретизировавший порядок проведения ревизии на местном уровне. Он предусматривал создание специальной комиссии, определение сроков её работы, а также форму отчётности по итогам пересмотра дел. Приказ также устанавливал ответственность членов комиссии за соблюдение процедуры и точность отбора документов.

Комиссия, ответственная за ревизию, состояла из двух человек:

- председателя — подполковника А.А. Кравцова, помощника начальника управления в Калужском, Жиздиринском, Мещовском и Мосальском уездам, обладавшего достаточным административным опытом и знанием специфики жандармской работы;
- члена комиссии – ротмистра В.В. Добромыслова, адъютанта КГЖУ, в чьи обязанности входило ведение делопроизводства и контроль за исполнением распоряжений.

Процедура ревизии включала несколько чётко регламентированных этапов. Сначала проводился осмотр дел и книг по наблюдательной части, охватывавших период с 1882 г. по 1902 год включительно – значительный временной отрезок, включавший как период усиления полицейского контроля после убийства Александра II, так и годы относительной стабилизации начала XX века. Осмотр проводился в помещении канцелярии управления, где хранились все материалы по наблюдательной части. Затем осуществлялась оценка их значимости с точки зрения «общего, местного или исторического и бытового значения» – критерия, сформулированного в циркуляре Департамента полиции. Уничтожению подлежали дела, не представлявшие интереса ни для текущей оперативной работы, ни для исторической науки [1, л. 2]. Оценка проводилась индивидуально для каждого дела, что требовало значительных временных затрат, но повышало точность отбора.

Следующим этапом было составление описи дел, признанных не имеющими ценности. Опись оформлялась в виде таблицы с указанием номера дела, его содержания, количества листов и даты окончания производства. В графе «Содержание» давалось краткое описание сути дела, например: «О состоящем под негласным надзором полиции Василии Билибине» или «Переписка о лицах, состоящих под негласным надзором полиции» [1, л. 4]. После этого оформлялся акт, фиксирующий результаты работы комиссии. Он содержал описание проделанной работы, перечень уничтожаемых материалов и подписи членов комиссии, а также указывал нормативные акты, на основании которых проводилась ревизия, и сроки выполнения процедуры.

Завершающим этапом стало уничтожение отобранных дел путём сожжения – стандартной меры для секретных документов, гарантировавшей невозможность их восстановления. Сожжение проводилось в специально отведённом месте под наблюдением членов комиссии, что исключало риск утечки информации. Критерии отбора были утилитарными: уничтожались дела, не представлявшие оперативной ценности для текущего надзора. Это свидетельствует о прагматичном подходе к архивному делу – сохранение документов рассматривалось как необходимость только в случае их потенциальной полезности. Однако такой подход имел и обратную сторону: значительная часть информации о повседневной жизни общества, которая сегодня могла бы представлять интерес для историков, была безвозвратно утрачена. Важно отметить, что процедура ревизии не была

механической: каждое дело проверялось индивидуально, что требовало значительных временных затрат, но повышало точность отбора. Кроме того, сам факт проведения ревизии в 1913 году указывает на осознание руководством жандармского управления проблемы перегрузки архивов и необходимости их систематизации.

Опись дел, подлежащих уничтожению, включает 190 единиц хранения за 1882–1902 годы. Их анализ позволяет выделить несколько основных категорий, каждая из которых отражает определённый аспект жандармской деятельности.

Наиболее многочисленной группой являются персональные дела поднадзорных, содержащие сведения о конкретных лицах, находившихся под наблюдением жандармов. Например, дело № 7 (1882 г.) посвящено акушерке Анне Никифоровой Полушкиной, жене казацкого урядника, – оно демонстрирует, что под надзор могли попадать даже лица, не связанные напрямую с политической деятельностью, но вызывавшие подозрения по иным причинам [1, л. 4]. Дело № 21 (1886 г.) охватывает Ивана и Марию Лаур – это пример группового дела, возникавшего, когда надзор устанавливался за семьёй или кругом общения одного из поднадзорных [1, л. 4об.].

Персональные дела обычно включали регистрационные карточки поднадзорного, агентурные донесения о его поведении и связях, протоколы допросов (если таковые проводились), переписку с другими учреждениями о передвижении лица и заключения жандармских офицеров о степени опасности поднадзорного.

Ещё одной значимой категорией являются журналы входящей и исходящей корреспонденции (№ 26, 1882 г.) – учёт служебных бумаг, отражающих объём работы канцелярии. Эти документы важны для понимания бюрократических механизмов жандармерии: они показывают, как часто и по каким вопросам управление взаимодействовало с другими учреждениями [1, Л. 4 об.]. В журналах фиксировались запросы из Департамента полиции, донесения уездных исправников, переписка с фабричными инспекциями, уведомления о передвижении поднадзорных лиц. Анализ динамики распределения архивных дел по годам и их содержательных характеристик позволяет проследить существенную эволюцию стратегии жандармского надзора в Калужской губернии на протяжении 1882–1902 гг. Эта эволюция отражает не только изменения в оперативной обстановке, но и трансформацию концептуальных подходов к организации полицейского контроля в Российской империи, демонстрируя переход от эпизодического наблюдения за отдельными фигурантами к созданию разветвлённой системы мониторинга целых социальных групп.

В 1880-е годы (41 дело в описи) жандармский надзор носил преимущественно индивидуальный характер и был ориентирован на выявление конкретных лиц, подозреваемых в антиправительственной деятельности [1, л. 4–4об., 5–5об., 6–6об.]. Основанием для заведения дела чаще всего служили агентурные донесения о «подозрительном поведении» отдельных лиц, их связях с известными революционерами или распространении запрещённых изданий. Наблюдение устанавливалось по факту конкретного подозрения, а не в рамках планомерной системы контроля. Агентурная сеть в этот период оставалась ограниченной: агенты фиксировали главным образом публичные действия поднадзорных – речи на сходках, участие в демонстрациях, – но редко проникали в закрытые кружки. Преобладали дела, связанные с подозрениями в связях с народническими организациями, что отражало общеимперские тенденции после убийства Александра II. При этом отчётность носила формализованный характер: дела включали регистрационные карточки, протоколы допросов, переписку с уездными исправниками, но редко содержали аналитические обобщения.

К концу 1890-х гг. количество дел возрастает до 114 единиц, что свидетельствует о расширении масштабов надзора и переходе к новому этапу – групповому контролю [1, лл. 6 об, 7–7об., 8–8об., 9–9об., 10–10об., 11–11 об., 12–12об.]. На этом этапе жандармское управление начинает выстраивать систему, ориентированную на выявление не отдельных лиц, а устойчивых сетей связей между «неблагонадёжными» элементами. Особое внимание уделяется промышленным предприятиям – так, дело № 5 посвящено фабрике Говард и К°, где жандармы выявляли лидеров рабочих движений и каналы распространения прокламаций [1, л. 9].

Важным элементом новой стратегии стало взаимодействие с фабричной инспекцией: жандармское управление запрашивало у инспекторов сведения о забастовках, увольнениях и настроениях рабочих. Расширяются

и критерии надзора – под наблюдение попадают не только активные участники движений, но и лица, «способные к вредному влиянию» из-за своего образования или социального положения. В этот период формируется сетевой принцип контроля: выявление одного поднадзорного неизбежно вело к проверке его круга общения, что способствовало дальнейшему увеличению объёма дел [1, лл.13–13об., л. 14–14об., л. 15–15об., л. 16–16об., л. 117–17об., л. 18–18об., л.19–19об.].

На рубеже веков, в 1900–1902 гг., стратегия надзора окончательно трансформируется в систему планомерного контроля за целыми социальными категориями, о чём свидетельствует рост числа дел до 190 единиц. Фокус смещается на рабочие и студенческие массы: более половины дел этого периода связаны с наблюдением за фабричными рабочими, железнодорожниками, учащимися семинарий и училищ. Надзор приобретает превентивный характер – жандармы уже не просто реагируют на инциденты, но пытаются прогнозировать волнения, наблюдая за настроениями в рабочих кварталах и студенческих общежитиях. Внедряются стандартизированные процедуры: вводятся регулярные отчёты о «состоянии умов» в уездах, формируются картотеки на потенциально неблагонадёжных лиц. Усиливается межведомственное взаимодействие – жандармское управление координирует действия с губернской администрацией, фабричными инспекциями и почтовой цензурой.

Эволюция надзорной практики была обусловлена комплексом факторов, включавших как внешние социально-политические процессы, так и внутренние реформы правоохранительной системы. Среди ключевых факторов можно выделить: рост промышленного пролетариата и урбанизацию, что привело к концентрации рабочих в городах и усложнило контроль за их настроениями; распространение социал- демократических идей и формирование партийных структур, требовавших более изощрённых методов наблюдения; централизацию полицейского аппарата и развитие агентурных сетей, позволивших перейти от эпизодических проверок к систематическому сбору информации. Немалую роль сыграли и технологические новшества – развитие железнодорожной сети облегчало передвижение агитаторов, а появление новых способов распространения информации (печатные прокламации, почтовая переписка) требовало адаптации методов надзора.

Динамика архивных дел Калужского губернского жандармского управления наглядно демонстрирует несколько ключевых направлений трансформации полицейского контроля. Во-первых, произошёл переход от реактивного к превентивному надзору: если в 1880-е гг. наблюдение устанавливалось после конкретных инцидентов, то к 1900-м жандармы стремились прогнозировать и предотвращать волнения. Во-вторых, изменился масштаб контроля – фокус сместился с отдельных «неблагонадёжных» лиц на целые социальные категории (рабочие, студенты, интеллигенция). В-третьих, надзор стал более систематическим: внедрялись регулярные отчёты, картотеки, межведомственные запросы, что превратило наблюдение в непрерывный процесс. В-четвёртых, утвердился сетевой принцип контроля, при котором выявление одного поднадзорного вело к проверке его связей, расширяя охват наблюдения. Наконец, жандармская служба развила аналитическую функцию – в делах появляются не только протоколы и донесения, но и сводки, оценки, прогнозы, что свидетельствует о стремлении к более глубокому пониманию общественных процессов.

Сопоставление акта Калужской комиссии 1913 года с выводами М.В. Сидоровой о развитии делопроизводства политического розыска позволяет всесторонне оценить, насколько региональные практики Калужского ГЖУ соответствовали и отражали общеимперские тенденции.

1. Эволюция от точечного контроля к массовому мониторингу: анализ уничтоженных дел, несмотря на их преимущественно персональный характер, демонстрирует значительный объём надзорной деятельности. 190 уничтоженных дел свидетельствуют о постоянном и массовом мониторинге за широким кругом лиц и социальных групп в Калужской губернии. Это подтверждает вывод М.В. Сидоровой о трансформации системы надзора из инструмента выявления отдельных заговоров в механизм постоянного наблюдения за обществом в целом. Жандармерия не только реагировала на конкретные угрозы, но и стремилась превентивно контролировать потенциально «неблагонадежные» слои: от крестьян, выражающих недовольство, до городской интеллигенции и рабочих, где зародились первые ростки организованного движения. Это свидетельствует о рас-

ширении поля деятельности политического розыска, адаптирующегося к усложняющейся социально-политической обстановке.

2. Стандартизация и централизация делопроизводства: факт уничтожения дел по прямому предписанию Департамента полиции (циркуляр № 85070 от 1912 г.) и типовая, единообразная формулировка записей в описи являются наглядным и неоспоримым доказательством внедрения единых форм и инструкций. Это обеспечивало строгое единообразие делопроизводства на всей территории империи, минимизируя региональные отклонения. Даже в провинциальной Калуге жандармы действовали в рамках жёстко регламентированной системы, что позволяло Департаменту полиции эффективно контролировать информационные потоки и принимать обоснованные решения на основе данных со всех уголков империи. Это было ключевым условием создания единой, централизованной системы государственного надзора.

3. Технологическая модернизация: хотя сама опись не содержит прямых указаний на применение фотографии, дактилоскопии или шифрования (что в основном применялось в Департаменте полиции и охранных отделениях крупных городов), сам факт стремления к систематизации, унификации и созданию обширных картотек (о чём пишет М.В. Сидорова) свидетельствует о желании жандармского ведомства повысить эффективность работы с информацией. Даже на региональном уровне стремление к стандартизации, упорядочиванию и регулярным ревизиям архивов было частью этой общей тенденции к «технологическому» улучшению работы с данными, что повышало оперативность и точность полицейских расследований.

4. Адаптация системы к вызовам времени: содержание уничтоженных дел Калужского ГЖУ, охватывающее беспорядки среди крестьян, «движение»" среди семинаристов, студенческую и рабочую активность, является ярким свидетельством адаптивности системы надзора к меняющейся социальной динамике и росту оппозиционных движений. Калужское ГЖУ не ограничивалось мониторингом лишь традиционных врагов режима, но активно фиксировало проявления недовольства в различных слоях общества – от аграрных протестов до зарождающихся пролетарских волнений. Это указывает на гибкость системы и её способность реагировать на новые вызовы, расширяя круг объектов надзора и развивая соответствующие методы сбора информации.

5. Сохранение региональной специфики: несмотря на общеимперскую унификацию, калужская опись демонстрирует внимание к местным особенностям, что подтверждает тезис М.В. Сидоровой о сохранении региональной специфики, обусловленной социально-экономическими и географическими факторами. В Калужской губернии жандармов, помимо общероссийских проблем, явно интересовали специфические крестьянские выступления (например, самовольные порубки леса), «брожения» в Калужской духовной семинарии и деятельность на локальных промышленных объектах (Черенецкий завод в Мещовском уезде, фабрика Говард и К°). Эти данные показывают, что Калужское ГЖУ не просто слепо выполняло директивы, но и адаптировало свою работу к местным условиям, создавая собственные нюансы учёта или акценты в работе, дополнявшие центральные инструкции.

Таким образом, Калужское ГЖУ действовало в рамках чётко структурированной общегосударственной системы, активно интегрируя централизованные установки и используя унифицированные методы. Акт об уничтожении, парадоксальным образом, становится ценным источником, позволяющим реконструировать как формальную сторону делопроизводства (следование циркулярам, состав комиссии), так и содержательные аспекты работы полиции в провинции (объекты надзора, их социальный состав, характер инцидентов), отражая общеимперские тенденции и местные особенности.

Анализ акта комиссии Калужского губернского жандармского управления от 1913 г. об уничтожении архивных дел, проведённый в контексте историографического исследования М.В. Сидоровой, позволил выявить ключевые аспекты функционирования системы политического розыска Российской империи на региональном уровне. Установлено, что процедуры ревизии и утилизации документов в Калужском ГЖУ строго регламентировались центральными предписаниями Департамента полиции, в частности, циркуляром № 85070 от 1912 года. Это является убедительным подтверждением общей тенденции к стандартизации, централизации и унификации делопроизводства, которая доминировала в органах политического розыска после реформы 1880 года. Несмотря на безвозвратное физическое уничтожение 190 дел,

их подробная опись оказалась чрезвычайно ценным источником. Она позволила реконструировать широкий спектр объектов жандармского надзора в Калужской губернии – от крестьян, выражавших недовольство, и фабричных рабочих до студентов и представителей интеллигенции. Были выявлены характерные инциденты, привлекавшие внимание полиции, такие как «вредное направление», «беспорядки», распространение «преступных» воззваний. Эти данные подтверждают выводы М.В. Сидоровой о том, что архивные фонды, даже в форме косвенных свидетельств, таких как акты об уничтожении, являются многослойным источником для изучения социально-экономической и политической динамики Российской империи, отражая как крупные события, так и повседневную борьбу власти с различными проявлениями оппозиции. Калужское ГЖУ, действуя в рамках общегосударственной системы, демонстрировало активную адаптацию к вызовам времени. Система трансформировалась от точечного контроля над отдельными личностями к массовому мониторингу широких социальных слоёв, фиксируя эволюцию оппозиционных движений – от разрозненных кружков к более организованным формам протеста. При этом сохранялась и региональная специфика, что проявлялось в акценте на местных крестьянских выступлениях, студенческих «брожениях» и локальных промышленных конфликтах. Процессы уничтожения документов, хотя и привели к безвозвратной утрате части ценнейшей исторической информации, одновременно являются отражением бюрократических практик, критериев ценности документов для имперской администрации и даже политических приоритетов того времени. Уничтожались дела, которые с точки зрения оперативной работы потеряли актуальность, что позволяло оптимизировать хранение и работу с архивом.

Таким образом, даже фрагментарные архивные материалы, такие как акты об.

Список литературы:

1. Государственный архив Калужской области. Ф. 784. Оп. 1. Д. 1098.
2. Сидорова, М.В. Архивы центральных органов политического розыска России XIX – начала XX вв.: III Отделение с. е. и. в. канцелярии и Департамент полиции МВД: дис. ... канд. ист. наук: 05.25.02 / М.В. Сидорова. – М., 1993. – 298 с.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(470.318)“1894/1896”:271.2-726.3 + 271.2-788

А.Е. Власов, Н.А. Филимонов, А.В. Штепа

СВЯЩЕННИК БОГОЯВЛЕНСКОЙ ЦЕРКВИ Г. КАЛУГИ АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ ВОЛХОНСКИЙ (1840–1896) – ЧЛЕН КАЛУЖСКОГО ОТДЕЛА ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА: ВЕХИ БИОГРАФИИ[1]

Статья посвящена реконструкции биографии священника Богоявленской церкви г. Калуги Александра Григорьевича Волхонского (1840–1896), являвшегося активным членом Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества. На основе «Клировой ведомости церквей г. Калуги 1895 г.» и материалов «Калужских епархиальных ведомостей» анализируются ключевые этапы его жизненного пути: образование в Калужской духовной семинарии, рукоположение в священнический сан, многолетнее служение в Богоявленском храме, общественная деятельность в качестве гласного Городской думы, законоучителя в учебных заведениях, эконома Епархиального женского училища и учредителя Богоявленского братства – благотворительной организации, оказывавшей адресную помощь беднейшим прихожанам. Особое внимание уделяется участию А.Г. Волхонского в деятельности Калужского отдела ИППО, где он выполнял функции уполномоченного по продаже паломнических книжек, содействуя развитию паломничества калужан в Святую Землю. Делается вывод о том, что А.Г. Волхонский являлся заметной фигурой в церковно-общественной жизни Калуги последней трети XIX века, оставив после себя не только благоустроенный храм, но и созданную им систему приходской благотворительности

Ключевые слова: Александр Григорьевич Волхонский; Калужский отдел Императорского Православного Палестинского Общества; Богоявленская церковь г. Калуги; Богоявленское братство; приходская благотворительность; Калужская епархия; клировые ведомости; Калужские епархиальные ведомости; православное духовенство.

A.E. Vlasov, N.A. Filimonov, A.V. Shtepa

PRIEST OF THE EPIPHANY CHURCH IN THE CITY OF KALUGA ALEXANDER GRIGORYEVICH VOLKHONSKY (1840–1896) – MEMBER OF THE KALUGA DEPARTMENT OF THE IMPERIAL ORTHODOX PALESTINE SOCIETY: MILESTONES OF HIS BIOGRAPHY

The article is devoted to the reconstruction of the biography of Alexander Grigorievich Volkhonsky (1840–1896), a priest of the Epiphany Church in Kaluga and an active member of the Kaluga Department of the Imperial Orthodox Palestine Society. Based on the “Parish Register of the Churches of Kaluga for 1895” and materials from the “Kaluga Diocesan Gazette,” the key stages of his life are analyzed: his education at the Kaluga Theological Seminary, his ordination to the priesthood, his many years of service at the Epiphany Church, his public activities as a member of the City Duma, as a teacher of religious law in educational institutions, as a steward of the Diocesan Women's School, and as the founder of the Epiphany Brotherhood – a charitable organization that provided targeted assistance to the poorest parishioners. Special attention is paid to the participation of A.G. Volkhonsky in the activities of the Kaluga Department of the Imperial Orthodox Palestine Society, where he served as an authorized representative for the sale of pilgrimage books, contributing to the development of pilgrimage of Kaluga residents to the Holy Land. It is concluded that A.G. Volkhonsky was a prominent figure in the church and public life of Kaluga in the last third of the 19th century, leaving behind not only a well-maintained church but also a system of parish charity he had established.

Keywords: Alexander Grigorievich Volkhonsky; Kaluga Department of the Imperial Orthodox Palestine Society; Epiphany Church in Kaluga; Epiphany Brotherhood; parish charity; Kaluga Diocese; parish registers; Kaluga Diocesan Gazette; Orthodox clergy.

[1] Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта Министерства образования и науки РФ и РАН «Деятельность Калужского отдела ИППО в конце XIX – начале XX века в контексте духовного и политического присутствия России на Ближнем Востоке», № 1025041400045-0-6.1.1.

Калужский Отдел Императорского Православного Палестинского Общества (далее – КО ИППО), функционировавший до 1917 г., был открыт решением 12 знатных горожан 5 апреля 1894 г. под председательством вице-губернатора Калужской губернии А.А. Офросимова. На последующем собрании, состоявшемся спустя 5 дней, председателем был избран епископ Калужский и Боровский Александр (Светлаков), а его заместителем стал Александр Александрович Офросимов [4, с. 125–127]. Практически сразу же после открытия Калужского отдела его активным членом становится священник калужской Богоявленской церкви Александр Григорьевич Волхонский. В функционал А.Г. Волхонского, наряду с Е.И. Трояновским с ноября 1894 г. входила продажа в г. Калуге в качестве уполномоченного ИППО паломнических книжек [21, л. 24об.–25; 2]. Следует уточнить, что основной целью Палестинского Общества, установленной на основе Высочайше утвержденного 8 мая 1882 г. устава ИППО, было – «поддержание православия в Святой Земле, облегчение православным паломникам путешествия в Святую Землю и на Афон и ознакомления с прошедшим и настоящим святых мест востока» [4, с. 125; 23, с. 236; 24, с. 429].

К сожалению, не очень долго Александру Григорьевичу суждено было заниматься этим благородным делом, поскольку через 2,5 года после открытия КО ИППО он скончался.

Обратимся к некоторым вехам биографии этого достаточно известного в г. Калуге священнослужителя. В качестве источниковой базы исследования выступает «Клировая ведомость церквей г. Калуги 1895 г.», сохранившаяся в библиотеке Калужской духовной семинарии и материалы, опубликованные в «Калужских епархиальных ведомостях».

Необходимо подчеркнуть, что клировые ведомости – ценный исторический источник, позволяющий анализировать основные характеристики приходского духовенства: образовательный уровень, возрастной состав, профессиональные навыки; уровень социальной, профессиональной и территориальной мобильности; материальное обеспечение, моральный облик. В указанной выше «Клировой ведомости церквей г. Калуги 1895 г.» сохранились записи, которые можно воспринимать как формуляр, своего рода послужной список священнослужителя.

Итак, нам становится известно, что Александр Григорьевич Волхонский был сыном причетника, родился он в 1840 г. Прошел курс в Калужской духовной семинарии, którą закончил в 1864-м году в 1-м разряде с стипендией студента. В семинарии он изучал историю церковную и гражданскую, словесность, философские, богословские, миссионерские предметы, а также физику, математику и языки: греческий, латинский и французский [21, л. 25]. Согласно собственному прошению был определён исправлять должность псаломщика при Спасской церкви, что в с. Березове Малоярославецкого уезда[2] (с 30 июня 1864 г. по 1866 г.).

В «Калужских епархиальных ведомостях» в 1865 г. была напечатана информация о вакантном месте священника в Богоявленском храме, в виду смерти 15 декабря 1865 г. священника Федора Бриллиантова [5, с. 200].

2 февраля 1866 г. Преосвященным Григорием (Миткевичем), епископом Калужским и Боровским был рукоположен в священнический сан, заняв должность в храме Богоявления Господня в Калуге. О чем тоже писали «Калужские епархиальные ведомости» [6, с. 16].

Нужно сказать, что каменная Богоявленская церковь[3] была построена в 1746 г., усердием прихожан и «сторонних доброхотных дателей». Каменную колокольню выстроили в 1832 г. на благотворительные средства, а паперть был пристроена в 1845 г., в 1849 г. расширили трапезную. В храме было три престола: холодный – во имя Богоявления Господня и в пределе теплом – на правой стороне во имя Святителя Афанасия Великого – на левой – во имя Богоматери «Всех скорбящих радостей» [21, л. 23]. Согласно штату, причт церкви состоял из священника и псаломщика. Священник жил в собственном деревянном доме на церковной земле, а пса-

[2] Ныне деревня Березовка, входящая в состав сельского поселения «Деревня Берèзовка» Малоярославецкого района.

[3] Храм находится на ул. Кутузова 23. Был закрыт в 1932 г., в нем находилось одно из подразделений Архива Калужской области. К 1991 году пришел в ветхое состояние, был произведен ремонт. В 2016 г. был передан Калужской епархии, в 2017 г. было совершено малое освящение храма, после чего в нем начались регулярные богослужения. Ремонт продолжается. Ныне настоятелем храма состоит о. Максим (Коновалов) [22].

ломщик в сане диакона на съемной квартире.

Александр Волхонский с усердием относился к обустройству храма. 15 февраля 1871 г. за отлично-усердную службу «при весьма хорошем поведении награжден набедренником». За труды по благоустройству церкви А.Г. Волхонскому была объявлена благодарность от Епархиального Начальства (15 февраля 1874 г). А 4 августа 1876 г. по ходатайству военного и гражданского начальства, с согласия епархиального начальства, ему Всемилостивейше была пожалована скуфья, о чем сообщалось в «Калужских епархиальных ведомостях» [8, с. 98]. Будучи добрым пастырем Александр Волхонский «за усердие и успехи в исполнении поручения епархиального начальства при увещании супругов, ищущих расторжения своего брака» в 1885 г. получил Архипастырское одобрение [12, с. 121]. А 12 декабря 1894 г. ему также преподано было Архипастырское благословение с выдачей свидетельства.

Выполняя свой священнический долг, Александр Григорьевич ещё не раз был отмечен высшим церковным начальством, так, например, в 1881 г. он Всемилостивейше награжден камилавкою, 15 июня 1883 г. удостоен благословения Св. Синода, а в 1887 г. получил золотой наперсный крест [21, л. 25]. А в 1891 г. (15 мая) он был отмечен императором одной из престижных наград Российской империи – став кавалером ордена Св. Анны III степени. Об этом событии в «Калужских епархиальных ведомостях» была опубликована соответствующая информация [13, с. 199].

Известно, что причт получал содержание от прихода за требоисполнение, проценты с капитала на 4976 руб. «положенного разными лицами в банковые учреждения на вечное время» и жалованье от казны – 400 руб. в год [21, л. 23об.].

За годы своего служения А.Г. Волхонский кроме своего прямого священнического долга выполнял большую общественную и попечительскую нагрузку. Известно, что он с 18 мая 1866 г. состоял увещателем при помощнике пристава 1-й части города Калуги, а 6 ноября 1866 г. был определен на ту же должность в Калужский Окружной суд. В 1876 г. «за постоянное, вполне добросовестное и безвозмездное... исполнение своих духовных обязанностей в сем Суде» на основании свидетельства председателя Калужского окружного суда А.Г. Волхонскому от епархиального начальства была объявлена благодарность [9, с. 230]. За труды по должности увещателя в Окружном суде двоекратно объявлена ему благодарность начальства (1888). В 1866–1868 г. состоял членом Ревизионного комитета для поверки денежных отчетов Консистории.

В 1874 г. вместе с другими священнослужителями г. Калуги: Георгиевской, что за верхом, церкви Иакова Извекова и Знаменской церкви Дмитрия Васильевского Александр Волхонский был утвержден депутатом на училищные съезды, о чем сообщалось в «Калужских епархиальных ведомостях». Кандидатами (т.е. возможными заместителями) к ним тогда стали – священник Казанской церкви Иоанн Февралев и священник Никитской церкви Дмитрий Рождественский [7, с. 213].

Достаточно долго законоучительствовал в Калужском детском приюте (с 13 мая 1868 г. по 13 сентября 1880 г.) и в Калужском Малютинском начальном училище (с 20 июня 1875 г. по 20 ноября 1883 г.) [21, л. 24об.].

Участвовал в Комитете по устройству дома Калужского Епархиального Женского училища (с 26 января 1878 г. по 12 ноября 1880 г.), а затем состоял экономом этого училища (с 3 октября 1879 г. по 1895 г.). В январе 1885 г. был в числе тех, кто устраивал больницы при Калужском духовном и Епархиальном женском училищах. Занимался устройством Калужского Архиерейского дома (с 12 апреля по 26 ноября 1882 г.) [21, л. 24об.–25]. За труды по благоустройству дома для Калужской духовной Консистории объявлена ему благодарность от епархиального начальства.

На протяжении почти 15 лет (с 1879 г. по 1893 г.) состоял гласным Городской думы[4].

Ещё одним благим делом А.Г. Волхонского стало открытие вместе с дворянкой, дочкой отставного поручика лейб-гвардии Кавалергардского полка Пелагеей Ивановной Храповицкой, которая «... обошла с ним всех бедных своего прихода, и, когда воочию убедилась в нищете и безысходном положении их» Богоявленского братства по примеру Георгиевской за верхом церкви [1, с. 264].

[4] «Гласный – так называются с 1785 г., члены городских дум, а со времени введения в действие земских учреждении – и члены земских собраний, уездных и губернских» [25].

В то время как Пелагея Ивановна собирала средства, необходимые для открытия братства, приходской священник А.Г. Волхонский, по советам Георгиевского протоиерея о. Извекова, разработал устав братства, который 31 июля 1873 г. был утвержден Калужской духовной консисторией [3, л. 4]. В первом параграфе устава записано: «Для вспоможения бедным Богоявленского прихода в их материальных и духовных нуждах учреждается при Богоявленской церкви братство» [3, л. 4].

Председателем Богоявленского братства стал священник храма Александр Григорьевич Волхонский. Главной целью братства была помощь «истинно нуждающимся хлебом и деньгами» [19, с. 44]. Газета «Калужские епархиальные ведомости» на своих страницах периодически публиковала краткие отчёты о деятельности Богоявленского братства в г. Калуге. Так, в отчете о его деятельности за 1875/1876 годы, представленным А.Г. Волхонским сообщалось: «В истекшем третьем году со времени своего открытия, Богоявленское братство, в составе 6 попечителей и 35 членов, продолжало свою благотворительную деятельность теми же способами, как и в предшествующие годы, имея при этом возможность возвысить сумму расходов для удовлетворения нужд приходских бедных на 130 р. 25 коп.» [10, с. 79]. Из краткого отчёта деятельности братства известно, что, членских взносов в дохож братства поступило 121 руб. 50 коп., пожертвований от разных лиц по – 115 руб., кружечного сбора – 96 руб. 69 коп., из доходов Малютинского Банка было выдвно 70 руб., кроме того 125 руб. было получено из общества взаимного кредита по текущим счетам. Всего же в доход братства поступило в тот год 548 руб. 19 коп., а с остаточными от прошлого года ещё 64 руб. 22 коп. Расходы Богоявленского в г.Калуге Братства за 1875/1876 гг. представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Расходы Богоявленского в г. Калуге Братства за 1875/1876 гг.

Статьи расходов	Сумма
Закупка ржаной муки для бедных в количестве 19 семейств, 204 пуд. 15 ф.	48 руб. 20 коп.
Закупка крупчатой муки к праздникам Рождества Христова и Пасхи 5 пуд. 4 ф.	10 руб. 86 коп.
На исправление жилья бедных	54 руб. 55 коп.
Квартирного пособия бедным	22 руб. 30 коп.
На отопление бедным	17 руб. 65 коп.
К праздникам Рождества Христова и Пасхи роздано	54 руб. 91 коп.
На лечение больных	25 руб. 5 коп.
Закупка ситца для бедных	22 руб.
На обувь учащимся детям и учебные вещи роздано	6 руб. 90 коп.
Пособия при замужестве двух бедных девиц	8 руб.
На похороны умерших	10 руб.
Роздано нуждающимся в долг	20 руб.
Мелкие расходы	7 руб. 58 коп.
Итого	408 руб.
Сверх этого обращено в капитал по билетам	175 руб.

Вещевые пожертвования состояли из 3-х номеров одежды, 2-х номеров обуви и 20 номеров учебных книг и учебных вещей. Отметим, что А.Г. Волхонский с оптимизмом был склонен смотреть на развитие «братского дела». В отчете указывалось, что «...Братство считает своим долгом объяснить всем благотворителям, что оно с полным сочувствием относясь к бедным со своими посильными вспомоществованиями в то же время стремится и к расширению запасного капитала, имея ввиду для искоренения бедности в будущем, – учреждение для этой цели ссудосберегательной кассы и приходской Братской школы. За благоволением Божием, вступая в четвёртый год своей деятельности, Братство надеется на полное сочувствие к своему делу и помощь православных христиан» [11, с. 79–80].

Однако через 2 года после открытия братства 9 февраля 1876 г. (ст. ст.) заразившись тифом при уходе за больной сестрой в возрасте 22 лет скончалась Пелагея Ивановна Храповицкая. Как писала газета «Калужские епархиальные ведомости», «многие нищие приходили толпами ми помолиться о ней и сопровождали ее гроб громкими возгласами "Не будет теперь у нас нашей кормилицы, нашего отлетевшего ангела"» [20, с. 514–517].

Можно сказать, что пока был жив Александр Волхонский как попечитель Богоявленского братства, доходы братства пополнялись. Так, известно, что в 1891 г. поступило 438 руб. 72 коп., а израсходовано – 422 руб. 65 коп. [14, с. 29–30]. При этом существовал неприкосновенный капитал в процентных бумагах в размере 840 руб. В 1895/96 году поступило вместе с остатком от предыдущего года 1404 руб. 58 коп. (из них членских взносов – 102 руб. и кружечных сборов – 59 руб. 2 коп). В течение 1895/96 г. из сей суммы израсходовано в помощь бедным 164 руб. 18 коп. [18, с. 24]. Следует сказать, что «за умение располагать лиц к пожертвованиям в свою приходскую церковь» А.Г. Волхонскому было преподано архипастырское благословение, о чем сообщалось в «Калужских епархиальных ведомостях» [16, с. 1].

Священник А.Г. Волхонский скончался 24 ноября 1896 г. и был исключен из штатов духовенства [17, с. 371], но дела начатое им и покойной Пелагеей Ивановной продолжилось. И как мы можем прочитать в одном из отчетов братства за 1896/97 (XXIII) братский год: «Вступая в XXIV год своего существования, Богоявленское Братство твердо уповает, что просвещённые и добрые люди, при помощи Божией и всемощном ходатайстве Царицы Небесной – Всех Скорбящих Радости, не оставят Братство в посильной помощи и дадут ему возможность продолжать благотворительную деятельность на пользу ближних. "Блажен разумевай на нища и убога: в день лют избавит его Господь"» [19, с. 44–46].

После его смерти Председателем совета стал сын священника Григорий Александрович Волхонский. Следует сказать, что в семье Александра Григорьевича и Елизаветы Фёдоровны (на 1895 г. ей было 49 л.) Волхонских росло шестеро детей – трое сыновей (Григорий, Михаил и Федор) и три дочери (Анна, Наталия, Ольга). Старшему Григорию в 1895 г. было 29 лет, он служил священником в селе Каменском Боровского уезда. Михаил по состоянию на 1895 г. достиг возраста 21 года и обучался в Калужской духовной семинарии, а тринадцатилетний Фёдор был воспитанником Калужском духовном училище. Дочь Анна (в 1895 г. – 18 лет) была замужем, Наталия и Ольга обучались в Епархиальном женском училище [21, л. 25].

На протяжении своей деятельности Богоявленским братством для оказания помощи прихожанам применялись следующие меры благотворительного характера: 1) ежемесячная выдача муки, в среднем от 30 ф. до 1,5 пуд. на семью (в разное время призревалось от 8 до 13 семей); 2) денежное пособие каждый месяц на наём квартир от 50 коп. до 1–2 руб. (на 4–6 семей); 3) денежная помощь бедным к праздникам Пасхи и Рождества, как правило, не свыше 1,5 руб. на семью и т.д. Известно, что в конце XIX в. братством призревалось 6 семейств и 5 одиноких престарелых бобылок [20, с. 514–517].

В последующие годы, несмотря на бедность и малочисленность прихода (в нем было 80 дворов и проживало около 400 человек), братство, созданное П.И. Храповицкой и священников А.Г. Волхонским, продолжало свою деятельность, и нуждающиеся прихожане получали ежемесячное пособие мукой (до 20 семей); деньгами к праздникам Рождества Христова и Пасхи; и не было отказа бедным на лечение, дрова, обувь и др.

Богоявленское братство при Богоявленском храме г. Калуги просуществовало до революционных событий 1917 г. В течение 45 лет оно неуклонно выполняло свою задачу – оказывало помощь бедным, нуждающимся прихожанам хлебом и деньгами.

Таким образом, вехи биографии, к сожалению, не очень долгой жизни приходского священника Александра Григоревича Волхонского свидетельствуют о немалых трудах его, проявлявшихся в благоустройстве Богоявленского храма, пасторском увещевании прихожан, оказании нуждающимся (бедным и обездоленным) посильной помощи через создание Богоявленского братства. Ну и конечно же, нельзя недооценивать тот вклад, который внес А.Г. Волхонский в становление Калужского отдела ИППО, выполняя в первые годы открытия отдела важную миссию по продаже паломнических книжек, содействуя тем самым развитию паломничества калужан на Святую землю.

Список литературы:

1. Анохина, Г.В. Пелагея Ивановна Храповицкая: из истории создания Богоявленского братства / Г.В. Анохина // Калуга в шести веках**:** материалы внеочередной 14-й городской краеведческой конференции. – Калуга: ИП Стрельцов И.А. (Изд-во «Эйдос»), 2022. С. 262–268.

2. Белоножко, Владимир, иерей. Книга клировых ведомостей Калужской епархии за 1895 год: исторический комментарий: выпускная квалификационная работа, направление подготовки 48.03.01 Теология / иерей Владимир Белоножко. – Калуга, 2020. – 242 с.

3. Государственный архив Калужской области. Ф. 32. Оп. 1. Д. 887. Л. 4.

4. Известие об избрании уполномоченным Императорского Православного Палестинского Общества по г. Калуге калужского вице-губернатора А.А. Офросимова и о калужанах, желающих вступить в члены общества // Калужские епархиальные ведомости (далее – КЕВ). 1894. № 4. Неоф. ч. С. 125–127.

5. Калужские епархиальные ведомости (далее – КЕВ). 1865. № 23. С. 200.

6. КЕВ. 1866. № 3. С. 16.

7. КЕВ. 1874. № 24. Оф. ч. С. 213.

8. КЕВ. 1876. № 10. Оф. ч. С. 98.

9. КЕВ. 1876. № 22. Оф. ч. С. 230.

10. КЕВ. 1877. № 5. Оф. ч. С. 79–80.

11. КЕВ. 1877. № 5. Оф. ч. С. 79

12. КЕВ. 1885. № 11. Оф. ч. С. 121.

13. КЕВ. 1891. № 10. Оф. ч. С. 199.

14. КЕВ. 1892. № 3. Оф. ч. С. 29-30.

15. КЕВ. 1894. № 4. Неоф. ч. С. 125;

16. КЕВ. 1895. № 1. Оф. ч. С. 1.

17. КЕВ. 1896. № 23. оф. ч. С. 371.

18. КЕВ. 1897. №2. оф. ч. С. 24.

19. КЕВ. 1898. № 3. оф. ч. С. 44-46.

20. КЕВ. 1899. № 19. С. 514–517.

21. Клировая ведомость церквей г. Калуги 1895 г. Л. 24об.–25.

22. О Богоявленском храме // Приходской сайт храма в честь Богоявления Господня, город Калуга. URL: http://teofaniya.cerkov.ru/ (дата обращения: 18.04.2026)].

23. Отчёт Калужского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за первый год его существования с 10 апреля 1894 г. по 1 марта 1895 года // КЕВ. 1895. № 12. Неоф. ч. С. 227–236. С. 236.

24. Отчёт Калужского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества с 1-го марта 1895 г. по 1-е марта 1896 г. // КЕВ. 1896. №14. Неоф. ч. С. 422–429. С. 429.

25. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. VIII^{A}. – СПб.: Типолитография И. А. Ефрона, 1893. – С. 825.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(460:470.318)"1938/1939":314.743

А.Н. Капалин
Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А.В. Штепа

«ДЕТИ ВОЙНЫ» НА СОВЕТСКОЙ ПЕРЕФЕРИИ: ПРЕБЫВАНИЕ ИСПАНСКОГО ДЕТСКОГО ДОМА № 3 В СЕЛЕ АХЛЕБИНИНО (1938–1939 ГГ.)

В статье рассматривается малоизученный эпизод истории испанской эмиграции в СССР – пребывание детского дома № 3 для испанских детей в селе Ахлебинино (весна 1938 – лето 1939 гг.). Опираясь на архивные документы (ГАРФ, ГАТО, РГАСПИ, ГАДНИКО) и материалы местной периодической печати, автор реконструирует условия жизни, особенности учебно-воспитательного процесса и повседневные практики юных испанцев в калужской глубинке. Анализируется реализация принципа «двойной ассимиляции» – сохранение национальной идентичности при одновременном воспитании «советских людей». Особое внимание уделяется кадровому составу детского дома, роли директоров и педагогов в адаптации детей, а также проблемам формирования гибридной идентичности воспитанников. Делается вывод о том, что ахлебининский период, несмотря на организационные трудности, стал ключевым этапом первичной социализации испанских детей и заложил основы их дальнейшей жизни в СССР.

Ключевые слова: история Испании; история СССР; Гражданская война в Испании; los niños de la guerra; испанские дети в СССР; детский дом; социальная адаптация; идентичность; региональная история.

A.N. Kapalin

"CHILDREN OF WAR" ON THE SOVIET PERIPHERY: THE STAY OF SPANISH ORPHANAGE NO. 3 IN THE VILLAGE OF AKHLEBININO (1938–1939)

The article examines a little-studied episode in the history of Spanish emigration to the USSR – the stay of orphanage No. 3 for Spanish children in the village of Akhlebinino (spring 1938 – summer 1939). Based on archival documents (GARF, GATO, RGASPI, GADNIKO) and materials from the local periodical press, the author reconstructs the living conditions, the features of the educational process, and the everyday practices of the young Spaniards in the Kaluga hinterland. The implementation of the principle of “dual assimilation” is analyzed – the preservation of national identity while simultaneously educating “Soviet people.” Special attention is paid to the staffing of the orphanage, the role of directors and teachers in the adaptation of children, as well as the problems of forming a hybrid identity among the pupils. It is concluded that the Akhlebinino period, despite organizational difficulties, became a key stage in the primary socialization of Spanish children and laid the foundations for their subsequent life in the USSR.

Keywords: History of Spain; History of the USSR; Spanish Civil War; los niños de la guerra; Spanish children in the USSR; children's home / orphanage; social adaptation; identity; regional history.

В ходе Гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.) страна столкнулась с массовой эмиграцией. Значительную часть беженцев составили дети, которые уезжали из страны организованными группами и без сопровождения родителей, в историографии их принято называть «los niños de la guerra» («дети войны»). Феномен испанской эмиграции в СССР представлен в историографии как классическими исследованиями [20; 49], так и работами, акцентирующими внимание на процессе социальной адаптации, а также повседневной жизни детей [2; 40–42; 48; 50; 52]. Образование и воспитание испанских детей рядом авторов анализируются в контексте национальной и образовательной политики СССР [22; 35; 42–44; 46; 51; 52]. Привлекает внимание региональная специфика организации размещения и проживания «детей войны» [21; 34; 35; 41].

Целью статьи является изучение повседневных практик и особенностей адаптации испанских «детей войны» в условиях советской

периферии. Реконструировать хронологию пребывания детского дома для испанских детей № 3 в с. Ахлебинино позволяет историко-генетический метод. Проблемно-хронологический метод способствует выделению ключевых проблем социальной адаптации испанских детей в СССР. Микроисторический подход позволяет проанализировать конкретные повседневные практики испанского дома № 3 в контексте исследуемой проблемы.

Стоит отметить, что к 1936 году в СССР существовал опыт совместного проживания и обучения детей-эмигрантов из различных стран. Так, 7 июня 1933 г., в Иванове открылся первый в стране международный интернациональный детский дом («Интердом») для детей политзаключенных и пролетарских революционеров зарубежных стран. Он стал учреждением закрытого типа, в который дети направлялись по путевкам ЦК МОПР[5]. В 1940 году в ивановском детском доме жили представители 27 стран в возрасте от 4 до 16 лет, были созданы китайский, болгарский, немецкий классы [39, Л.2].

В 1934 г. в Москве был открыт детский дом №6, который получил название «Дома шуцбундовцев»[6]. Помощь в организации и функционировании учреждения оказывал Московский отдел народного образования, Австрийская секция Коминтерна и Коммунистического интернационала молодежи (КИМ). Учились дети в немецкой школе имени Карла Либкнехта. Учебный план и содержание предметов полностью соответствовали обычной советской школе, учебники были переведены с русского языка на немецкий, преподавание велось на немецком. По достижении 15–16-летнего у подростков появлялась возможность работать на производстве. Отличники могли продолжить обучение в других заведениях, для этого направлялось соответствующее ходатайство в исполком КИМ [3; 22, с. 159–162; 33; 39, Л. 45].

Существовавший опыт несопоставим с испанской эмиграцией в СССР как по массовости, так и по международному резонансу. В период с 1937 по 1939 гг. из Испании в СССР были организованы 4 крупные экспедиции, к испанским детям было приковано внимание всего мира. По данным исполнительного комитета КИМ к 1940 году на территории СССР проживало 3028 испанских ребенка (в историографии принято говорить о 2895 детях в возрасте от 6 до 17 лет) [38, Л. 48-49]. В конце 1938 – начале 1939 года детские дома располагались в Ленинграде, Москве и Московской области, Куйбышеве, Киеве, Харькове, Одессе, Херсоне и Евпатории [8, л. 1]. На территории современной Калужской области в 1937–1941 гг. функционировало два специализированных детских дома для испанских детей: № 5 на станции Обнинское (1937–1941 гг.) и № 3 в селе Ахлебинино (1938–1939 гг.). Если о жизни испанцев в детском доме № 5 написано достаточно подробно [19; 21; 36; 37], то о калужском периоде детского дома № 3 написано не так много [4; 20, с. 138; 45; 49, p. 31].

Процесс адаптации испанских детей к советской действительности основывался на принципе двойной ассимиляции: стремлении воспитать их советскими людьми, при этом сохраняя региональную (в данном контексте-испанскую) идентичность. Реконструировав учебно-воспитательный процесс можно утверждать, что в его основе лежали принципы, выдвинутые А.С. Макаренко, основным из которых был принцип воспитания в детском коллективе [32, с. 81]. Дети учились по гибридным образовательным программам: содержание образования осталось советским, но с включением туда национальных элементов. Так до начала Великой Отечественной войны учебные планы школ для испанских детей в качестве обязательных предметов были включены испанский язык, история и география Испании. В годы войны основным языком обучения стал русский, а история Испании была включена в рамки курса Всеобщей истории [7, лл. 2, 5].

[5] Международная организация помощи борцам революции (МОПР) — коммунистическая благотворительная организация, созданная в 1922 году по решению Коминтерна в качестве коммунистического аналога Красному Кресту. Советская секция МОПР существовала до 1947 года.

[6] Республиканский шуцбунд (нем. Republikanischer Schutzbund – Союз обороны) – военизированная организация Социал-демократической партии Австрии, созданная в 1923 году и действовавшая до 1936 года. Избегая репрессий после неудачного вооруженного столкновения с правыми группировками (сторонники Э. Дольфуса) 12–16 февраля 1934 года, сторонники левых (социал-демократических) сил вынуждены были покинуть Австрийскую республику. Порядка 800 шуцбундовцев и членов их семей оказались в 1934 году в СССР.

Важно отметить, что дети учились как по переведенным на кастильский испанский советским учебникам, так и по учебникам, специально разработанным для советских детей.

Руководил детским домом директор, деятельность которого контролировали чиновники Наркомпроса, партийное руководство ВКП (б) и КПИ, а также комсомольская организация. Директор осуществлял общее руководство, занимался приемом технического персонала [6, л. 1об.] и технически-хозяйственной работой, поиском учебников и учебных программ и пособий для детей [6, л. 1об.; 9, л. 14]. Личность человека, стоящего во главе учреждения, имела важное значение в социализации испанских детей. Дети были лишены ежедневного общения со своими отцами, а директор, как наиболее авторитетный человек, восполнял эту социальную роль [44, с. 178–181]. Учителя и воспитатели назначались и увольнялись Отделом детдомов спецназначения Наркомпроса. В детских домах обычно работали как русскоязычные педагоги, так и испанцы. От русскоязычных педагогов специального знания иностранного языка не требовалось, но приветствовалось. При составлении учебного плана занятия и проведения урока педагоги пользовались помощью переводчиков, которые были закреплены за детским домом.

Для лишенных непосредственного родительского внимания и заботы испанцев детский дом становился «местом сборки», основной точкой начала отсчета сознательной жизни. Время, проведенное в детском доме, впоследствии становится ключевым воспоминанием и элементом для поддержания идентичности.

Первоначально детский дом для испанских детей № 3 располагался на станции Планерная к северу от Москвы. Местность, в которой первоначально располагался детский дом была признана малярийной и зимой 1937/38 года было принято решение о размещении испанских детей в доме отдыха ВЦСПС (село Ахлебинино Калужского района Тульской области). Организованный переезд планировался на 1 мая 1938 г. Однако сроки были перенесены на конец месяца. По случаю приезда 129 юных испанцев на привокзальной площади города 30 мая 1938 года был организован торжественный митинг (Фото 1).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНА

ОРГАН КАЛУЖСКОГО ГОРКОМА ВКП(б) И РАЙИСПОЛКОМА ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

№ 123 (7023). 1 ИЮНЯ 1938 ГОДА СРЕДА. Цена № 8 коп.

Шире большевистскую агитацию за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, за верных сынов народа, мужественных и стойких борцов за дело Ленина—Сталина!

30 мая, в 8 часов утра, в Калугу приехали дети героических борцов Испании

НА СНИМКЕ: На вокзальной площади трудящиеся города встречают дорогих гостей.

РАДОСТНАЯ, ТЕПЛАЯ ВСТРЕЧА

Всегда с массами, во главе масс

Фото 1. Торжественная встреча испанских детей в Калуге 30.05.1938 г. [Источник: 23]

После его завершения дети в легковых автомашинах, украшенных флагами, лентами и цветами, направились через весь город в село Ахлебинино, расположенное в 25 км от города [5, лл. 52–66]. В августе 1938 года, к этой группе детей присоединилась еще одна и, таким образом, к началу сентября максимальное число пребывающих в Ахлебинино юных испанцев достигло 270 детей [28].

Фото 2. Испанские дети в Ахлебинино [Источник: 4]

С самого начала пребывания испанских детей на калужской земле их жизнь широко освещалась в материалах местной прессы, что наряду с архивными источниками, позволяет реконструировать региональные особенности реализации масштабного советского проекта по социальной адаптации и обучению испанских эмигрантов.

Основным пространством обучения для испанских детей, как и у всех советских школьников, была классная комната, а главной формой организации учебного процесса был урок. Занятия начинались в 8.00, а заканчивались к 13.00. Таким образом, можно сделать вывод, что в среднем у детей было 5 уроков в день, что мало чем отличается от уклада жизни современного российского школьника. Так же, как и сегодня, обучение в две смены считалось отступлением от нормы, но практиковалось. В октябре 1938 г. проверка, проведенная тульскими чиновниками от просвещения в детском доме № 3 в Ахлебинино, установила факт обучения детей в две смены, что признавалось ненормальным явлением [18, л. 77].

При комплектации классов приходилось учитывать не только возраст учащихся, но и уровень их базовых знаний. С 1 по 5 классы параллель состояла из 2-3 классов, в 6-й параллели обучался один класс. Самыми многочисленными были первые классы (68 человек), самым малочисленным 6-й (14 человек). Средняя наполняемость классов составляла 17 человек, что признавалось советскими чиновниками от образования существенным упущением администрации детского дома. Интуитивно руководствуясь принципом селективного отбора руководство ахлебининского детского дома пошло по пути дробления учебных групп по принципу успеваемости. В класс под литерой «А» определялись более сильные дети, а в класс с литерой «С» – слабые.

Для повышения учебной мотивации среди классов устраивалось соревнование, в ходе которого во время ежедневной линейки успешным ученикам выдавались красные флажки. Если ученик начинал учиться хуже, этот флажок отбирали. По мнению педагогов, такая «борьба за красный флажок» снискала успех у детей и способствовала повышению мотивации в обучении. Лучшие классы получали на хранение Красное знамя и знамя республиканской Испании [18, лл. 23, 27, 77].

На наш взгляд, одними из ключевых проблем, возникающих у испанских детей при обучении, были проблемы коммуникативного характера. Испанцы в разной степени успешности усваивали русский язык. Прекрасным средством увеличения объема словарного запаса и совершенствования языковых навыков стал просмотр кинофильмов. Просмотр кинофиль-

мов становился важным воспитательным инструментом: исторические картины использовались учителями как наглядный материал на уроках, а фильмы о революции формировали у детей представление о преемственности борьбы Красной Армии и испанских республиканцев. Так в 1938 году учительница истории Ю. Левинсон при рассказе о битве на Чудском озере активно привлекала дополнительный материал в виде впечатлений от просмотра только что вышедшей кинокартины С. Эйзенштейна «Александр Невский» [18, л. 22]. Кино о революции и гражданской войне формировало представление испанских детей не только о недавнем прошлом СССР, но и настоящем в Испании. Бойцы республиканской армии становились прямыми продолжателями революционной борьбы Красной Армии. В июле 1939 года выходит документальный фильм Э. Шуб «Испания». Просмотр этого фильма давал детям понять, что революционная борьба не окончена, а после победы Франко будущее Испании теперь в их руках. В условиях надвигающейся мировой войны кинокартины были призваны мобилизовать общество, поэтому испанские дети и подростки испытывали от них на себе такое же влияние как тысячи их сверстников во всех концах СССР.

В организации жизни испанских детей существовала строгая регламентация дня. Предполагалось, что большую часть времени дети проводили вместе и были заняты совместным трудом. Повседневные ритуалы и атрибуты испанских детей не отличались от ритуалов основной массы советских школьников. Огромное значение уделялось регулярным линейкам, в процессе которых происходило поощрение и наказание, ставились задачи и подводились итоги. Ежедневная утренняя физическая зарядка, коллективный прием пищи, совместное чтение газет становилось для каждого советского испанца привычным занятием. Другим важным ритуалом, который не повторялся ежедневно, но носил не менее важный смысл, являлось совместное отмечание праздников. Помимо любимого всеми детьми и идеологически нейтрального Нового года в испанских детских домах отмечались государственные праздники СССР и республиканской Испании. Новый год обычно отмечался коллективной елкой для младших возрастов и баломмаскарадом для старших. Подготовка к маскараду детьми велась самостоятельно. Среди государственных праздников СССР главным являлся 7 ноября – День Великой Октябрьской социалистической революции, 1 мая – День международной солидарности трудящихся, 12 сентября – Международный юношеский день. Особенное внимание уделялось 14 апреля – дню установления Испанской республики, 18 июля – день начала Гражданской войны. Традиционно праздничные даты отмечались проведением торжественных митингов и демонстраций.

На примере плана проведения зимних каникул 1938–1939 учебного года представляется возможным реконструировать жизнь в детском доме [18, лл. 31–33]. Ежедневно после завтрака детей ждала двухчасовая прогулка, учащиеся 4–6 классов это время должны были заняться катанием на коньках. Практически ежедневно детей ждали экскурсии в музеи, на заводы, цирк, поездки в театры Калуги и Тулы, а отличников учебы отправляли в Москву. Для детей в детском доме были организованы просмотры кинофильмов, новогодняя елка и маскарад. Подготовка к данным мероприятиям носила коллективный характер и проходила под присмотром воспитателей. Отдельно можно отметить совместную практику чтения советских и испанских газет, на которую, согласно плану, ежедневно отводилось время с 5 до 6 вечера. Как таковое личное свободное время детей было сведено к минимуму, они постоянно находились в коллективе и были заняты совместной деятельностью. В детском доме обращалось особое внимание на трудовое воспитание. В материалах отчетов по детскому дому видно, что проверяющие отмечают факт того, что мальчики хотели стать шоферами, трактористами, столярами, а девочки портнихами и вышивальщицами [18, лл. 53–62]. Юные испанцы активно проявляли интерес к искусству и творчеству. В детском доме были организованы музыкальный кружок, кружок художественного рукоделия, балетный кружок и оркестр [29]. В региональной периодической прессе неоднократно отмечались успехи испанских школьников. Так в одном из номеров газеты была размещена фотография ученика 6 класса и по совместительству скульптора Леовихильдо Лопеса (Фото 3), который мастерски ваял бюст Фридриха Энгельса [36].

В ДОМЕ ИСПАНСКИХ ДЕТЕЙ

На снимке: Воспитанник детдома Лопес Леовихильдо за лепкой скульпту
ры Энгельса. (Фото Н. Можайкина).

Фото 3. Л. Леовихильдо за лепкой скульптуры Ф. Энгельса [Источник: 30]

Творческие успехи обитателей детского дома не остались без внимания калужан. Так 12 июня 1939 года в детском парке была организована выставка работ юных испанцев, среди которых был бюст Сталина работы 11-летнего Сантьяго Гарсия [37]. Взявший шефство над детским домом тульский Театр юного зрителя организовал под руководством своего представителя театральный кружок. Испанские ребята в начале 1939 года приступили к репетиции отрывков из пьесы Н. Погодина «Человек с ружьём», посвященной событиям октября 1917 года [30]. При детском доме был организован столярный кружок, техническая станция и кружок авиамоделирования [31]. В детском доме выпускалась стенгазета, как и во многих советских учреждениях существовали органы ученического самоуправления.

Испанские ребята активно принимали участие в физкультурных парадах, между испанцами и советскими школьниками устраивались соревнования и спартакиады. Много внимания уделялось спортивным играм - футболу, волейболу и баскетболу. Матчевые встречи по футболу между юными испанцами и их калужскими сверстниками пользовались большой популярностью, а память об этом местные жители сохранили сквозь года. Сохранилось имя капитана футбольной команды детского дома № 3 – им был Валентин Колеро [26; 27; 45].

Педагогический коллектив детского дома насчитывал 40 преподавателей и воспитателей. На первоначальном этапе руководить коллективом был поставлен Н.П. Скрипнев. О его биографии известно мало, но, по всей видимости, он был местным партийным активистом с незначительным педагогическим опытом и особых успехов в руководстве детским домом он не добился.

Учителями и воспитателями были как советские граждане, так и испанцы. Средний возраст работающих в детском доме советских педагогов составлял 19 лет. Самой опытной была учитель русского языка, завуч школы при детском доме 42-летняя А.А. Махаева (ее педагогический начинался в 1916 году), а самой молодой ее коллега 18-летняя М. Барабанова. Опытный учитель стала наставником для своей начинающей коллеги. Оба педагога проработали в детском доме до конца 1940-х годов. Махаева в дальнейшем стала руководить детским домом, Барабанова была отмечена за свой труд руководством Наркомпроса [15; 11, л. 18]. Воспитатель Г.М. Кояндер и пионервожатая Л.А. Макарова были местными жителями, которые продолжали жить в Калуге и после описываемых нами событий [24].

Всего в детском доме работало 13 испанских педагогов в возрасте от 18 до 28 лет (Э. Диас, Т. Арарес, А. Алонсо, М. Луиза, С. Алонсо, Кандида, Б. Вальярес, Р. Лопес, Л. Ви-

нейро Луиса, К. Херарес, П. Гарсия, А. Ибарра) [18, л. 83]. Испанские сотрудники детских домов зачастую не имели не только профессионального, но и общего образования вообще. Находясь под пристальным контролем со стороны испанского и советского руководства, они, зачастую, попросту не справлялись со своими обязанностями [12, л. 1]. Прямым следствием того, что правовое положение испанских граждан в СССР долгое время не было урегулировано, работа в детском доме для таких людей оставалась одним из немногих источников к существованию.

Профессиональная коммуникация испаноязычных и русскоязычных сотрудников проходила при помощи переводчика. Переводчики могли попросту не переводить детям то, что рассказывает учитель. Поэтому переводчика Аронсона часто обвиняли в политической ненадежности, а его коллегу по фамилии Бялик и вовсе уволили [18, л. 48; 17, лл. 56–58].

Анализ заработанной платы сотрудников детского дома № 3 выявляет интересную закономерность: нижний порог оплаты испанских педагогов был выше, чем у советских коллег (например, воспитатели-испанцы получали 350 руб. против 237–318 руб. у советских), что, вероятно, объяснялось компенсационными выплатами за жилье, которые полагались эмигрантам. При этом пионервожатые, отвечавшие за идеологическое воспитание, оплачивались выше обычных педагогов (до 520 руб.). Разница в материальных условиях порой приводила к мелким бытовым конфликтам, но не носили систематический характер [18, лл.12–19; 8, лл. 12–14].

Результаты работы педагогического коллектива по итогам первой четверти 1938/1939 учебного года показали, что педагогический коллектив школы при испанском детском доме испытывает трудности в преподавании. Поэтому для обмена опытом и повышения методической грамотности для испаноязычных учителей была организована поездка в калужскую среднюю школу № 7. Однако, по мнению администрации детского дома, «культурный потенциал» калужских учителей использовался слабо [16, лл. 23, 55, 37].

Адекватно оценивая сложившуюся ситуацию в ноябре 1938 года Калужское бюро райкома ВКП(б) взяло на себя функцию поиска заместителя директора по воспитательной работе и совместно с представителями Наркомпроса организовало проверку профессиональной компетентности сотрудников детского дома. По итогам этой проверки в январе 1939 года директор Скрипнев был смещен с занимаемого поста и перешел на работу учителем истории в ахлебининскую школу [16, л. 19; 17, л. 18].

В кратчайшие сроки была подобрана кандидатура нового руководителя детского дома – Н.В. Злыгорева, который к моменту назначения имел 30-летний педагогический стаж и 7 лет руководил Плавской средней школой. Вместо Л.П. Мирского заведующим учебной частью стал Г.Л. Агронский (Фото 4). До этого он работал директором средней школы в поселке Болохово Тульской области. Г.Л. Агронский был отличным организатором и педагогом, владел несколькими иностранными языками и вскоре сменил Н.В. Злыгорева на посту директора [14, л. 3; 17, л. 47]. В своих воспоминаниях воспитанник детского дома № 3 художник-реставратор Дионисио Гарсия вспоминал, что дети не боялись директора, а тот в свою очередь мог беседовать с ними о сложных вещах простым языком [4, с. 87].

Фото 4. Г.Л. Агронский [Источник: 13]

Зимой 1939 года в письме, адресованному своему знакомому Г.Л. Агронский сообщал, что состояние дел в детском доме удручающее и требует немедленного серьезного вмешательства по организации дисциплины. Проблемы организационного характера нарастали и в середине мая 1939 года был поставлен вопрос о поездке в Москву для определения дальнейшей судьбы детского дома [17, л. 14; 18, л. 74].

Окончательное решение о переезде детского дома № 3 для испанских детей на станцию Тарасовка Московской области было принято накануне нового 1939–1940 учебного года. Решением заседания бюро Калужского Райкома ВКП(б) от 21 сентября 1939 года Г.Л. Агронскому было разрешено открепиться из Калужской парторганизации и переехать в Мытищинский район Московской области в связи с его переездом по месту работы испанского детского дома № 3. В 1941 году Г.Л. Агронский руководил эвакуацией детского дома в село Галка Сталинградской области, а между 1942 и 1943 годом Агронский был переведён в Москву в отдел детских домов спецназначения Наркомпроса РСФСР, а в 1946 году стал директором детского дома № 2 для испанских детей [10, л. 1; 13].

Скоротечный опыт пребывания в Ахлебинино (весна 1938 – лето 1939 гг.) стал важным этапом социализации для группы испанских детей в СССР. Здесь начинали закладываться основы их будущей жизни на новой родине. Детский дом представлял собой «место сборки», где пересекались языки, культуры и педагогические подходы. Советско-испанское гибридное пространство формировало людей, обладающих двойной идентичностью. Советское не подменяло испанское, а становилось функциональной надстройкой, позволяющей быть успешными в новой среде, получать образование, строить карьеру, завоевывать авторитет среди сверстников. Практики повседневности испанских детей мало чем отличались от практик их сверстников, проживающих на всей территории СССР. Спустя многие годы в своих воспоминаниях повзрослевшие «дети войны» с неизменной теплотой и благодарностью отзывались о полученном в СССР образовании.

Удалённость от центра (Москва, Тула), слабая инфраструктура и недостаточная укомплектованность кадрами тормозили развитие учебного процесса. Педагоги и партийные работники учились методом проб и ошибок, что снижало эффективность адаптации испанских детей. Наличие партийного контроля и формальных отчетов не гарантировало качества воспитания. На первый план здесь выходили личные качества руководителя и педагогов, эмпатия и способность находить общий язык с детьми.

Переезд в Тарасовку стал признанием того, что периферия не способна обеспечить должный уровень выполнения поставленных задач. Тем не менее, именно на периферии была сформирована та модель воспитания, которая позволила детям в дальнейшем социализи-

роваться в советском обществе. Село Ахлебинино, таким образом, вошло не только в историю региона, но и в личную историю сотен людей, чьи судьбы оказались вписаны в большой контекст истории XX века.

Список литературы:

1. Артемова, Л. Комарадос Лида / Л. Артемова // Знамя. 06.06.1982. № 131.
2. Арутюнов, А.А. Испанские эмигранты в СССР (1936–1956 гг.): опыт интеграции и репатриации: дис. ... канд. ист. наук / А.А. Арутюнов. – М.: РГГУ, 2022. – 198 с.
3. Байес, Ф. Дети шуцбундовцев в Советском Союзе / Ф. Байес. – М.: Изд-во ЦК МОПР СССР, 1935. – 40 с.
4. Гарсия, Д. Жизнь испанца в России / Д. Гарсия. – Нижний Новгород: Вертикаль. XXI век, 2012. – 556 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А 2306. Оп. 69. Д. 2430.
6. ГАРФ. Ф. А 2306. Оп. 70. Д. 5998.
7. ГАРФ. Ф. А 2306. Оп. 70. Д. 6013.
8. ГАРФ. Ф. А 2306. Оп. 70. Д. 6146.
9. ГАРФ. Ф. А 2306. Оп. 75. Д. 2959.
10. ГАРФ. Ф. А 307. Оп. 1. Д. 185.
11. ГАРФ. Ф. А 307. Оп. 2. Д. 211.
12. ГАРФ. Ф. А 307. Оп. 2. Д. 407.
13. ГАРФ. Ф. А 307. Оп. 2. Д. 1570.
14. ГАРФ. Ф. А 307. Оп. 2. Д. 1746.
15. ГАРФ. Ф. А 307. Оп. 2. Д. 1881.
16. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО) Ф. 1249. Оп. 14. Д. 5
17. ГАДНИКО Ф. 1303. Оп. 1. Д. 2.
18. Государственный архив Тульской области. Ф. П-177. Оп. 3. Д. 116.
19. Гунин, Д.Д. Республика Неугомонных / Д.Д. Гунин. – М.: Молодая гвардия, 1975. – 271 с.
20. Елпатьевский, А.В. Испанская эмиграция в СССР. Историография и источники, попытка интерпретации / А.В. Елпатьевский. – Тверь: ТЕРС, 2002. – 290 с.
21. Ефимова, И.Л. Школа-колония «Бодрая жизнь». Испанский детский дом / И. Л. Ефимова. – Калининград: Аксиос, 2012. – 222 с.
22. Карасева, А.А. История функционирования и развития системы детских домов РСФСР в 1929–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук / А.А. Карасева. – М.: РУДН, 2015. – 429 с.
23. Коммуна (Калуга). 01.06.1938. № 123.
24. Коммуна (Калуга). 12.06.1938. № 133.
25. Коммуна (Калуга). 18.07.1938. № 161.
26. Коммуна (Калуга). 04.08.1938. № 185.
27. Коммуна (Калуга). 16.10.1938. № 238.
28. Коммуна (Калуга). 01.01.1939. № 1.
29. Коммуна (Калуга). 16.01.1939. № 13.
30. Коммуна (Калуга). 08.05.1939. № 103.
31. Коммуна (Калуга). 28.05.1939. № 159.
32. Макаренко, А.С. Воспитание детей в семье и школе / А. С. Макаренко. – Чкалов: ОГИЗ, 1941. – 150 с.
33. Мусиенко, Н.С., Ватлин, А.Ю. Репрессированная школа. История немецкой школы им. Карла Либкнехта в Москве, 1924–1938 / Н.С. Мусиенко, А.Ю. Ватлин. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 240 с.
34. Рокутова, О.А. Документы архивов Самарской области о деятельности детского дома для испанских детей в 1939–1940 гг. / О.А. Рокутова // Современная научная мысль. – 2022. – № 5. – С. 248–253.

35. Рокутова, О.А. Социальная защита испанских детей в СССР в конце 1930-х гг.: региональный аспект / О.А. Рокутова // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2023. – № 56. – С. 82–89.

36. Романова, Т. Обретенная родина / Т. Романова // Знамя. 28.09.1972. № 279.

37. Романова, Т. Обретенная родина / Т. Романова // Обнинская городская газета. 07.06.1973. № 67.

38. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 533. Оп. 9. Д. 60.

39. РГАСПИ. Ф. 533. Оп. 12. Д. 15.

40. Фернандес, А.П. «Заставить их полюбить эту жизнь...»: Испанские детские дома в СССР (1937–1939) / А.П. Фернандес // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – 2017. – № 1 (22). – С. 63–71.

41. Фернандес, А.П. История одной эвакуации: испанский детский дом № 1 в селе Куккус / А. П. Фернандес // Известия Саратовского университета. Новая серия. История. Международные отношения. – 2014. – Т. 14. – Вып. 2. – С. 115–129.

42. Фернандес, А.П. Социальная адаптация выпускников детских домов для испанских детей (1940–1947) / А.П. Фернандес // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – 2018. – № 5 (38). – С. 64–74.

43. Харитонова, Н.Ю. Система воспитания в детских домах для испанских детей в Советском Союзе: к истории педагогических идеологем / Н.Ю. Харитонова // Шаги/Steps. – 2015. – С. 74–93.

44. Харитонова, Н.Ю. Советские педагогические работники детских домов для испанских детей глазами бывших воспитанников / Н.Ю. Харитонова // Антропология советской школы: Культурные универсалии и провинциальные практики: сб. ст. / под ред. С.Г. Леонтьевой, К.А. Маслинского, М. В. Ромашовой. – Пермь, 2010. – С. 175–193.

45. Холопов, Ю. Товарищ Серхио / Ю. Холопов // Весть. 04.09.2008. URL. http://www.vest-news.ru/article/7727 (дата обращения 06.03.2026.)

46. Шмелева, М.А. Что роднее – Испания или Советский Союз? К истории учебников для «испанских детей» / М.А. Шмелева // Психолого-педагогический поиск. – 2018. – № 2 (46). – С. 68–81.

47. Alted Vigil, A., Nicolás, M., Martell, G. Los niños de la guerra de España en la Unión Soviética: de la evacuación al retorno (1937–1999) / A. Alted Vigil, M. Nicolás, G. Martell. – Madrid: Fundación Francisco Largo Caballero, 1999. – 361 p.

48. Devillard, M.J. Los niños españoles en la URSS (1937–1997): narración y memoria / M. J. Devillard. – Barcelona, 2001. – 262 p.

49. Encinas Moral, Á. Fuentes históricas para el estudio de la emigración española a la U.R.S.S. (1936–2007) / Á. Encinas Moral. – Madrid: Exterior XXI, 2008. – 587 p.

50. Limonero, I.C. Dos países, tres mil destinos. Vida y exilio de los niños de la guerra de España refugiados en la Unión Soviética / I.C. Limonero. – Madrid: Ediciones Cinca, 2010. – 275 p.

51. Qualls, K. D. Stalin's Niños: Educating Spanish Civil War Refugee Children in the Soviet Union, 1937–1951 / K.D. Qualls. – Toronto: University of Toronto Press, 2020. – 243 p.

52. Sierra Blas, V. Educating the communists of the future: notes on the educational life of the Spanish children evacuated to the USSR during the Spanish Civil War / V. Sierra Blas // Paedagogica Historica. – 2015. – Vol. 51, No. 4. – P. 496–519.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(470.318)"1890/1904":351.746.2 + 656.2 + 329

В.М. Кукушкин
Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А.В. Штепа

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЛУЖСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ И КАЛУЖСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ САМАРСКОГО ЖАНДАРМСКОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ ПО КОНТРОЛЮ НАД РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДВИЖЕНИЕМ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья посвящена анализу деятельности двух структурных подразделений политической полиции на территории Калужской губернии на рубеже XIX–XX веков – Калужского губернского жандармского управления и Калужского отделения Самарского жандармского полицейского управления железных дорог. На основе архивных материалов Государственного архива Калужской области реконструируются функции, кадровый состав и методы работы этих органов, их взаимодействие в вопросах выявления, учёта и пресечения деятельности политически неблагонадёжных лиц. Особое внимание уделяется процедуре допуска поднадзорных лиц на службу на железную дорогу, практике «условного допуска», механизмам оперативного реагирования на распространение прокламаций, а также расширению функций жандармерии в период русско-японской войны. Делается вывод о том, что Калужское губернское жандармское управление и Калужское отделение Самарского жандармского полицейского управления железных дорог, несмотря на различную подчинённость, действовали как единая система политического сыска, сочетавшая гласный и негласный надзор, административные высылки, давление на работодателей и агентурную работу.

Ключевые слова: Калужское губернское жандармское управление; Самарское жандармское полицейское управление железных дорог; политический сыск; железная дорога; поднадзорные лица; революционное движение; Калужская губерния; начало XX века.

V.M. Kukushkin
Scientific supervisor – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor A.V. Shtepa

ACTIVITIES OF THE KALUGA PROVINCIAL GENDARMERIE DEPARTMENT AND THE KALUGA BRANCH OF THE SAMARA GENDARMERIE POLICE DEPARTMENT OF RAILWAYS IN CONTROLLING THE REVOLUTIONARY MOVEMENT IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

The article analyzes the activities of two structural divisions of the political police in the Kaluga province at the turn of the 19th–20th centuries – the Kaluga Provincial Gendarmerie Department and the Kaluga Branch of the Samara Gendarmerie Police Railway Department. Based on archival materials from the State Archive of the Kaluga Region, the functions, personnel composition and working methods of these bodies, their interaction in identifying, registering and suppressing the activities of politically unreliable persons are reconstructed. Special attention is paid to the procedure for admitting supervised persons to railway service, the practice of "conditional admission", mechanisms for prompt response to the distribution of proclamations, as well as the expansion of gendarmerie functions during the Russo-Japanese War. It is concluded that the Kaluga Provincial Gendarmerie Department and the Kaluga Branch of the Samara Gendarmerie Police Railway Department, despite their different subordination, acted as a unified system of political investigation, combining open and covert surveillance, administrative exile, pressure on employers and agent work.

Keywords: Kaluga Provincial Gendarmerie Department; Samara Gendarmerie Police Railway Department; political investigation; railway; supervised persons; revolutionary movement; Kaluga province; early 20th century.

На рубеже XIX–XX веков контроль за политической благонадёжностью населения на территории Калужской губернии и на железнодорожных линиях осуществляли два структурно различных подразделения: Калужское губернское жандармское управление (КГЖУ), подчинявшееся начальнику Отдельного корпуса жандармов через губернское жандармское управление, и Калужское отделение Самарского жандармского полицейского управления железных дорог, находившееся в прямом подчинении начальника Самарского жандармского полицейского управления железных дорог [1, с. 43–44]. При этом оба подразделения взаимодействовали в вопросах выявления, учёта и пресечения деятельности лиц, заподозренных в политической неблагонадёжности [1, с. 43–44].

Калужское губернское жандармское управление было создано в 1867 году. К концу XIX – началу XX века КГЖУ представляло собой разветвлённую структуру, в состав которой входили начальник управления, его помощник, адъютанты и чины для поручений [17, с. 14].

На рубеже веков во главе Калужского губернского жандармского управления стоял полковник Виктор Павлович Шлейфер. Он возглавлял управление с 30 апреля 1901 года по 24 сентября 1907 года. В.П. Шлейфер родился 3 июля 1852 г., по вероисповеданию был лютеранином. Он окончил во Владимире военную гимназию, затем 1-е Павловское и Михайловское артиллерийские военные училища. В офицеры был произведён 10 августа 1873 года в чине подпоручика артиллерии. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 годов [2, с. 24–33]. В Отдельный корпус жандармов В.П. Шлейфер был зачислен 1 марта 1882 года. Служил адъютантом, затем – с 21 апреля 1884 г. – начальником Екатеринбургско-Камышловского отделения Екатеринбургского жандармского полицейского управления железных дорог, а с 8 августа 1886 года – начальником Брянского отделения Виленского ЖПУЖД. 1 января 1890 г. ему был присвоен чин подполковника, 26 мая 1901 года – полковника. 29 октября 1908 г. произведён в генерал-майоры «с увольнением от службы и пенсией». За годы службы В.П. Шлейфер был награждён пятью орденами: Св. Анны 4-й степени за храбрость (1878) и 3-й ст. (1891), Св. Станислава 3-й ст. (1882) и 2-й степени (1900), Св. Владимира 4-й ст. с бантом за 25 лет выслуги (1899). Был женат, воспитывал троих детей [2, с. 24–33].

Самарское жандармское полицейское управление железных дорог, которому подчинялось Калужское отделение, осуществляло контроль за политической благонадёжностью на железнодорожных линиях. В подчинении Самарского ЖПУЖД находились отделения в Бугуруслане, Калуге, Оренбурге, Туле и Моршанске [1, с. 43].

Информация о начальниках самого Самарского управления в рассматриваемый период является фрагментарной. Известно, что в первые годы после создания управления начальником был назначен подполковник Яков Петрович Сербин. В более поздний период, в частности в 1907 году, управление возглавлял полковник Левандовский [1, с. 43–44]. Именно Калужское отделение Самарского ЖПУЖД, в силу специфики своей работы на железнодорожном транспорте, играло ключевую роль в контроле за перемещением и трудоустройством политически неблагонадёжных лиц, так как большинство ссыльных стремились найти работу именно в железнодорожной сфере [19, с. 1].

На основании архивных материалов и справочных источников может быть установлена следующая хронологическая последовательность смены начальников Калужского отделения Самарского ЖПУЖД.

Ротмистр И. Л. Крамаренко занимал должность до назначения следующего начальника. Его фамилия фигурирует в связи с описанием событий, предшествовавших назначению В. Г. Туркестанова, следовательно, можно сделать вывод о том, что он возглавлял Калужское отделение Самарского ЖПУЖД до сентября 1902 года [9, л. 7].

Ротмистр, князь В.Г. Туркестанов – назначен начальником Калужского отделения Самарского ЖПУЖД 16 сентября 1902 г. и занимал эту должность до 24 февраля 1907 года [1, с. 44]. Таким образом, его руководство отделением началось задолго до событий революции 1905 года и охватывало почти весь пиковый период Первой русской революции. Именно в период его руководства были проведены основные дознания по деятельности калужских революционных кружков, зафиксированные в делах 1902–1904 годов. В.Г. Туркестанов, происходивший из княжеского рода, являлся одним из ключевых фигур в системе политического сыска на железнодорожном транспорте Калужской губернии в предреволюционные и революционные годы [1, с. 44–45].

Помимо начальников КГЖУ и Калужского отделения Самарского ЖПУЖД, в документах упоминаются и другие чины жандармского корпуса. Ротмистр Н.М. Никифоров стал первым заведующим политическим розыском и агентурой при жандармском управлении Калужской губернии [19, с. 5]. Его деятельность и деятельность его подчинённых, по оценке исследователей, «способствовала со своей стороны некоторому замедлению темпов развития революционного движения в Калужской губернии» [17, с. 6].

Важную роль в оперативной работе играли унтер-офицеры и вахмистры, осуществлявшие непосредственное наблюдение за поднадзорными лицами. Вахмистру Василию Кузьмичу, например, было поручено наблюдение за Григорием Курбатовым [6, с. 7–8].

Документы КГЖУ свидетельствуют, что Калужская губерния использовалась властями как место выдворения лиц, освобождённых из-под надзора полиции или высланных из столиц и крупных фабричных центров. Характерная запись в деле за 1899 год гласит: «Калуга находилась вне промышленных областей, и сюда можно было выехать под надзор полиции» [11, л. 38; 19, с. 1].

Архивные материалы Калужского отделения Самарского ЖПУЖД позволяют реконструировать процедуру постановки под надзор и механизмы контроля на примере Льва Александровича Печковского, потомственного дворянина, осуждённого в 1896 году по делу о народовольческой типографии в Петербурге [3, л. 76; 7, л. 229а-г; 15, л. 4; 1, с. 44]. Отбыв ссылку в Восточной Сибири, он был направлен в Калугу. При попытке устроиться на службу в Управление Сызрано-Вяземской железной дороги он указал на свой статус поднадзорного [11, л. 38; 19, с. 3]. Департамент полиции, разрешая приём, предписал: «при первом же замечании потребовать удаления с означенной службы. Об этом следует предупредить и Печковского» [7, л. 229а-г]. Калужское отделение фиксировало, что к концу ноября 1902 г. Печковский «ни в чём предосудительном замечен не был» [11, л. 316], однако позже был арестован по делу 24-х, и 3 января 1904 г. уволен со службы в Управлении СВЖД [12, л. 3].

Мещанин Михаил Еремеев, осуждённый за подстрекательство рабочих к стачке, отбывал гласный надзор в Тульской губернии. В 1899 г. начальник Самарского ЖПУЖД, которому подчинялось Калужское отделение, счёл «нежелательным» его допущение на службу [8, л. 53], а Департамент полиции признал его поступление нежелательным и добился его немедленного отстранения [8, л. 54]. Однако в 1900 г., когда формальных препятствий не осталось, Департамент разрешил работу, но с условием негласного наблюдения и немедленного увольнения при первом же подозрительном действии [7, л. 222а-б]. Характерно, что Еремеев «несколько раз приходил» к начальству, пытаясь добиться трудоустройства [8, л. 61].

В документах неоднократно фиксируются случаи категорического отказа в приёме на службу со ссылкой на «неблагоприятный отзыв» о благонадёжности. При этом применялась практика «условного допуска». Крестьянин Иван Иванов, состоявший под негласным надзором за государственное преступление, получил разрешение на службу, но с предупреждением: «при первом же замечании потребовать удаление. Об этом надобно предупредить и самого Иванова» [7, л. 211]. В отношении слесаря Алексея Можайского, у которого при обыске обнаружили гектографическое воззвание, было предписано до окончания дознания «отдать под особый надзор полиции» [12, л. 4].

Ярким примером оперативности реагирования является эпизод с распространением листовок в апреле 1901 года. 30 апреля начальник Калужского отделения ротмистр Крамаренко при получении сообщения о разбрасывании воззваний в мастерских лично явился к начальнику мастерских инженеру Горбацевичу и через выбранных рабочих добился добровольной сдачи четырёх листков. Всего было изъято около 50 экземпляров воззваний «Русского рабочего союза» с призывом к борьбе за 8-часовой рабочий день. Листовки были подброшены ночью на насыпи строящегося подъездного пути Московско-Киево-Воронежской железной дороги («Азаровской петле»), которым рабочие шли на станцию. В ходе дознания были установлены фамилии причастных, наиболее подозрительных предписано было поставить под усиленный надзор [9, л. 7, 10–13, 15; 19, с. 4].

При этом иногда жандармерии приходилось разбирать и курьёзные ложные сигналы. В делах жандармского управления за 1901 год фиксируется донос некоего Фельдштейна о «тайном заговоре» и «непонятных денежных махинациях» в железнодорожном управлении. Ротмистр Крамаренко, разбиравший донос, дал его автору уничижительную характеристику, назвав Фельдштейна

«человеком забавным», чьё «разностороннее воображение рисует разные картины», и признал донос следствием «богатого воображения» [5, л. 59-60]. Этот эпизод показывает, что жандармам приходилось иметь дело не только с реальным революционным движением, но и с клеветой [1, с. 43–44].

В документах также зафиксированы показания В.В. Песоченского (личного дворянина, служащего Управления СВЖД), подробно изложившего обстоятельства своей деятельности в кружке А.П. Татарова (студента, участника студенческих беспорядков в Москве в 1901 году. В 1902 году организовал собственный кружок, получивший название «Пустого комитета») [15, л. 21; 19, с. 5]. Вопрос о том, был ли он провокатором или просто дал показания после ареста, остаётся открытым [16, с. 281–308].

Летом 1904 г., на фоне русско-японской войны, в документах возникает новая тема – подозрения в уклонении от мобилизации. Так, 2 июня 1904 г. заместитель начальника управления Самарского ЖПУЖД полковник Васильев направил начальнику Калужского отделения предписание: «До моего сведения дошло, что на службу на железную дорогу в качестве низших агентов принимаются лица богатые, видимо уклоняющиеся от призыва по мобилизации. Между прочим, по слухам, принят на должность стрелочника некий Челышев, сын богатого самарского купца. Прошу тщательно проверить, не поступал ли в действительности на железную дорогу в вашем отделении названный Челышев, а также обратить строгое внимание на вновь определяющихся низших агентов, в предупреждении возможных случаев уклонения от призыва по мобилизации» [14, л. 138]. Функции жандармского надзора на транспорте в военное время расширялись: жандармы занимались не только политическим сыском, но и контролем за мобилизационными процессами. Это показатель попыток состоятельных слоёв использовать «бронированные» должности для уклонения от призыва [1, с. 45].

Жандармское управление вело систематический учёт поднадзорных. В списках 1903–1904 годов фигурируют Иван Блинов (негласный надзор), Анна Алтьева (особый надзор), Владимир Песоченский (негласное наблюдение) [12, л. 3]. В списке лиц, состоящих за государственные преступления под надзором полиции и служащих на СВЖД, значатся Можайский Алексей Иванович и Алтьева Анна Александровна [12, л. 71]. Среди поднадзорных были потомственные дворяне, почётные граждане, сыновья священников, крестьяне, мещане, студенты, инженеры, женщины [9, л. 2, 34, 53, 82, 120; 12, л. 3–8; 13, л. 73, 120, 170; 19, с. 3–4].

Проведённый анализ деятельности Калужского губернского жандармского управления и Калужского отделения Самарского жандармского полицейского управления железных дорог в конце XIX – начале XX века позволяет сделать следующие выводы.

Двойная структура политического сыска на территории Калужской губернии. На рубеже XIX–XX веков контроль за политической благонадёжностью населения осуществлялся двумя параллельными структурами: КГЖУ (территориальный надзор) и Калужским отделением Самарского ЖПУЖД (надзор на железнодорожном транспорте). Несмотря на различную подчинённость, они действовали как единая система, дополняя друг друга в вопросах выявления, учёта и пресечения деятельности революционеров [1, с. 43–44].

Ключевая роль в революционном движении принадлежала железнодорожникам. Именно железная дорога была главной сферой приложения труда ссыльных и поднадзорных лиц, что делало Калужское отделение Самарского ЖПУЖД центральным звеном в системе контроля за политически неблагонадёжными элементами [19, с. 1; 17, с. 15]. Эволюцию функций жандармерии можно наблюдать в период русско-японской войны: контроль за мобилизационными процессами, выявление лиц, уклоняющихся от призыва через устройство на «бронированные» должности. Это свидетельствует о попытках государства использовать жандармский аппарат не только для политического сыска, но и для обеспечения мобилизационной готовности страны [14, л. 138].

Исследование позволило реконструировать процедуру постановки под надзор и трудоустройства на железную дорогу. Департамент полиции и жандармские управления применяли комплекс мер: гласный и негласный надзор, категорические отказы в приёме на службу, практику «условного допуска» (с предупреждением о немедленном увольнении при первом подозрении), административные высылки и давление на работодателей [7, л. 211, 222а-б, 229а-г; 8, л. 53–54, 61]. Система была достаточно гибкой, чтобы реагировать на конкретные обстоятельства, но при этом жёстко пресекала любые попытки проникно-

вения «неблагонадёжных» в среду железнодорожников.

Можно констатировать, что жандармский надзор носил всеобъемлющий характер. Под наблюдением находились представители всех сословий: потомственные дворяне, потомственные почётные граждане, сыновья священников, крестьяне, мещане, студенты, инженеры, женщины [9, л. 2, 34, 53, 82, 120; 12, л. 3–8; 13, л. 73, 120, 170; 19, с. 3–4]. Калужская губерния использовалась властями как место выдворения лиц, освобождённых из-под надзора полиции или высланных из столиц [11, л. 38], что делало её важным звеном в общеимперской си41520120стеме политического контроля.

Несмотря на отдельные просчёты, проволочки и курьёзные инциденты, система политического сыска в Калужской губернии демонстрировала способность к адаптации и оперативному реагированию на новые вызовы, что позволило властям замедлить темпы развития революционного движения в регионе. Однако сам масштаб зафиксированной в документах деятельности свидетельствует о нарастании революционного напряжения, которое система контроля не могла подавить окончательно [17, с. 6; 19, с. 5].

Таким образом, исследование деятельности КГЖУ и Калужского отделения Самарского ЖПУЖД позволяет реконструировать механизмы функционирования политической полиции в провинции, выявить методы работы и кадровый состав, а также проследить эволюцию жандармского надзора на железнодорожном транспорте в преддверии, а затем и в период Первой русской революции [1, с. 43–51].

Список литературы:

1. Власов, А.Е., Штепа, А.В. «У жандармов… переполох»: из опыта работы политической полиции г. Калуги по пресечению деятельности революционных кружков в конце XIX – начале XX веков / А.Е. Власов, А.В. Штепа // Вестник Калужского университета. – 2020. – № 4 (49). – С. 43–51.
2. Власов, А.Е., Штепа, А.В. Начальствующий состав корпуса жандармов в Калужской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. / А.Е. Власов, А.В. Штепа // Вестник Брянского государственного университета. – 2021. – № 3. – С. 24–33.
3. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 784. Оп. 1. Д. 91. Лл. 76, 98, 164.
4. ГАКО. Ф. 784. Оп. 1. Д. 134. Лл. 1–4, 9–13, 16–17, 21, 23, 162–163.
5. ГАКО. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 3. Лл. 59–60.
6. ГАКО. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 5. С. 7–8.
7. ГАКО. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 6. Лл. 211, 222а-б, 229а-г.
8. ГАКО. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 7. Лл. 53, 54, 61.
9. ГАКО. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 9. Лл. 7, 10–13, 15.
10. ГАКО. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 11. Лл. 38, 316.
11. ГАКО. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 14. Лл. 3, 4, 3–8, 71.
12. ГАКО. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 16. Лл. 73, 120, 170.
13. ГАКО. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 17. Л. 138.
14. Из партийного прошлого. – Вып. 1. – Калуга, 1921.
15. Из партийного прошлого. – Вып. 2. – Калуга, 1923.
16. Калужская губерния в 1905 году: сборник статей, воспоминаний и материалов / под ред. С.Б. Херсонского и Б.И. Тихомирова. – Калуга, 1925.
17. Очерки истории калужской организации КПСС / общ. ред. А. Ф. Сладкова. – Тула: Приокское книжное издательство, 1967. – 410 с.
18. Революционные события в Калужской губернии 1905–1907 гг. – Калуга: Издательство газеты «Знамя», 1956. – 112 с.
19. Романова, Т.В. В борьбе за рабочее дело / Т. В. Романова. – Тула: Приокское книжное издательство, 1983. – 159 с.
20. Спивак, В.И., Шуркин, П.А. Очерки истории Калужской организации КПСС. Ч. 1: (90-е гг. XIX в. – 1918 г.) / В.И. Спивак, П.А. Шуркин. – Калуга: Книжное издательство, 1959. – 247 с.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(470.318)"1890/1904":930.1 + 329.14

В.М. Кукушкин
Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А.В. Штепа

ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РАННЕГО ЭТАПА РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В КАЛУГЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

В центре настоящего исследования находятся концептуальные проблемы и противоречия, накопившиеся в советской историографии при описании раннего этапа деятельности калужского революционного подполья. Хронологические рамки исследования охватывают период с середины 1890-х годов по 1904 год – время складывания первых революционных кружков в Калуге, активизации ссыльных революционеров и формирования той общественной атмосферы, которая в полной мере проявит себя в годы Первой русской революции.

Ключевые слова: Калуга; революционное движение; историография; социал-демократы; эсеры; политический сыск; провокация.

V.M. Kukushkin
Scientific supervisor – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor A.V. Shtepa

CONTRADICTIONS OF SOVIET HISTORIOGRAPHY OF THE EARLY STAGE OF THE REVOLUTIONARY MOVEMENT IN KALUGA (LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

The focus of this study is on the conceptual problems and contradictions that have accumulated in Soviet historiography in describing the early stage of the revolutionary underground activities in Kaluga. The chronological framework of the study covers the period from the mid-1890s to 1904, which was the time of the formation of the first revolutionary circles in Kaluga, the activation of exiled revolutionaries, and the development of the social atmosphere that would fully manifest itself during the years of the First Russian Revolution.

Keywords: Kaluga; revolutionary movement; historiography; Social Democrats; Socialist Revolutionaries; political investigation; provocation.

Особое место в историографии раннего революционного движения в Калуге занимают сборники, изданные в 1920-е годы местным отделением Истпарта – Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) [6; 7; 8]. В тот период участники событий ещё были живы и могли засвидетельствовать детали, ускользающие от официальных документов, а сама память о недавних событиях не была подвергнута жёсткой цензуре и идеологической обработке. Первым опытом систематизации воспоминаний стал двухтомник «Из партийного прошлого», выпущенный в Калуге в 1921–1923 годах. Второй выпуск сборника, опубликованный в 1923 году, включил свидетельства о партийной работе в Калуге, охватывающие период становления социал-демократических кружков. Однако наиболее значимым и объёмным изданием стал сборник «Калужская губерния в 1905 году», вышедший в 1925 году под редакцией С.Б. Херсонского и Б.И. Тихомирова [8]. Этот труд был подготовлен Литературной подкомиссией Губернской комиссии по празднованию 20-летия революции 1905 года совместно с Калужским Истпартотделом. Ценность данного издания заключается прежде всего в том, что в нём приведены воспоминания непосредственных участников событий, проливающие свет на атмосферу, в которой формировались первые революционные кружки Калуги. При всей субъективности мемуаров как источников личного происхождения они позволяют реконструировать не только фактическую канву событий, но и то, как сами участники осмысливали происходившее, что нередко расходится с позднейшими официальными трактовками [6; 8].

Наиболее ранние из рассмотренных работ послевоенного периода – сборник «Революционные события в Калужской губернии 1905–1907 гг.» (1956) и «Очерки истории калужской организации КПСС» (1959; переиздание 1967) демонстрируют подход, во многом характерный для своего времени [9; 10; 12]. Акцент делается на «передовых» и «сознательных» рабочих, на «видных деятелях» социал-демократии, пребывавших в калуж-

ской ссылке. При этом сами кружки описываются скорее как звенья единой цепи, нежели как разрозненные группы с различной идеологической ориентацией. Стоит отметить тот факт, что в более поздних «Очерках» 1967 года встречается важное признание: «Все социал-демократические кружки Калуги были связаны между собой, обменивались литературой, их члены собирались за городом. Но все же они не представляли единой организации. Социал-демократическая работа в Калуге не направлялась тогда еще из центра» [9, с. 6]. Это упоминание стало первым официальным признанием разрозненности революционного движения в Калужской губернии в конце XIX – начале XX века.

Наиболее систематизированное исследование интересующего нас периода принадлежит Т.В. Романовой. В работе 1983 года она впервые предпринимает попытку дать относительно полный перечень действовавших в Калуге кружков: доброхотовский, кружок Л.А. Печковского и супругов Кролевец, кружок в духовной семинарии, в Калужском железнодорожном техническом училище и рабочий кружок в железнодорожных мастерских [11, с. 4]. Однако, при всей несомненной ценности этой систематизации, работа Романовой не свободна от недостатков. Во-первых, вопрос о количестве кружков остаётся открытым – сама автор признаёт фрагментарность сведений [11, с. 4–5]. Во-вторых, идеологические предпочтения участников описываются с известной долей схематизма. Т.В. Романова, в отличие от предшественников, делает первые шаги к более осторожной интерпретации идеологических предпочтений деятелей калужского революционного движения.

Центральным для понимания идеологической неоднородности калужского подполья является вопрос о политической принадлежности Льва Александровича Печковского. Потомственный дворянин, он был арестован в 1896 году по делу о нелегальной типографии в Петербурге и по приговору Особого совещания сослан в Восточную Сибирь (Якутскую область) на три года, позднее срок был продлён [2, л. 76; 3, л. 4; 4, л. 229а-г;]. После отбытия ссылки он, как и многие другие неблагонадёжные лица, выбрал для проживания непромышленную Калугу [5, л. 38]. В более ранних работах в случаях, если упоминался Печковский, он безоговорочно причислялся к социал-демократическому крылу [9, 12]. Т.В. Романова ограничивается констатацией существования «кружка Печковского и Кролевец» без указания его идеологических предпочтений [11, с. 4]. Между тем в воспоминаниях участников революционного движения и в делопроизводственной документации Калужского губернского жандармского управления и Калужского отделения Самарского жандармского полицейского управления железных дорог он трактуется как социалист-революционер (эсер). В характеристике кружка прямо указано: «Лев Печковский – эсер, привлекался в Петербурге по делу о народовольческой типографии в Лахте» [3, л. 4]. Агентские наблюдения фиксировали, что Печковский «сам признавался, что он "социал-революционер"» [3, л. 17], и планировался как председатель Комитета именно эсеровской организации [3, л. 4]. Эти данные в совокупности с мемуарными свидетельствами Адамович и Титова не оставляют сомнений в идеологической принадлежности Печковского. В воспоминаниях Адамович, опубликованных в сборнике 1925 года, Печковский, наряду с некоторыми другими деятелями (в частности, Высоцким), прямо именуется эсером [8, с. 295]. Она упоминает, что вокруг него группировалась молодёжь, тяготевшая к эсерам, а сам Печковский, несмотря на конспиративную опытность, допускал оплошности в общении с подозрительными лицами [8, с. 295–296]. Рабочий калужских мастерских Титов (Титыч) в своих воспоминаниях также однозначно характеризует Печковского как эсера [8]. Упоминания о социал-демократических взглядах Печковского в воспоминаниях участников революционного движения в Калуге конца XIX – начала XX века не встречаются вовсе.

Существенное число вопросов связано с деятельностью Е. Н. Адамович. В её собственных воспоминаниях, опубликованных в 1925 году, содержится множество деталей, не вошедших в позднейшие советские издания [8, с. 281–308]. Т.В. Романова, опираясь в своей работе на источники делопроизводственной документации КГЖУ, которые не были подвергнуты достаточной исторической критике, рассматривает Е.Н. Адамович как человека, активно выступавшего за объединение Комитета [11, с. 5–6]. В характеристике Адамович жандармы отмечают, что, прибыв в Калугу, она «тотчас перезнакомилась со всеми неблагонадежными лицами» и активно выступала за объединение кружков и создание единого Комитета [3, л. 2, 3]. Она играла главенствующую роль в кружке Д.В. Разло-

малина, затем вошла в кружок Печковского, начав активную пропаганду среди рабочих Сызрано-Вяземской железной дороги [3, л. 3, 16]. Её квартира стала местом встреч, где «бывало много рабочих» [3, л. 16], а собрания в лесу с участием Печковского, Песоченского и Доброхотовых, а также доклады приезжего Н.П. Авилова, обсуждавшего стратегию, свидетельствуют о попытках придать разрозненной деятельности системный характер [3, л. 11]. Адамович показывает растерянность и отсутствие чёткого плана у калужских социал-демократов. Она подробно описывает, как в начале 1903 г. в кругу калужских социал-демократов появились железнодорожный служащий Песоченский и студент Татаров. Они изготовили печать «Калужский Комитет РСДРП» и собирались выпустить от его имени майский листок. Адамович лично вела переговоры с Татаровым, чтобы предотвратить этот шаг, и в итоге печать была разломана [8, с. 291–292]. Этот «Комитет» получил среди местных работников ироничное прозвище «Пустой Комитет» [3, л. 1]. Адамович описывает принципиальный спор внутри группы. Имея опыт работы в Екатеринославе, она предлагала перейти к массовой агитации через прокламации. Однако рабочие Титов и Александр возражали, что в мастерских их так мало, что появление прокламации немедленно приведёт к аресту «последних сознательных единиц» [8, с. 287].

Неоднозначна интерпретация роли «знаменитых ссыльных» в деятельности калужского революционного подполья. Н.П. Авилов, прибыв в Калугу 1 июля 1902 г. [1, л. 26], на собрании в лесу характеризовал Калугу как «отсталый противоправительственный центр» [3, л. 11], что отражало его разочарование в местных возможностях. При этом в стенограмме допроса Д. Разломалин отмечает тот факт, что Михаил Доброхотов «был очень доволен» выступлением Авилова и выделил из кассы кружка тому 25 рублей [3, л. 11]. Роль Авилова можно рассматривать как консолидирующую, но о его реальном влиянии на деятельность революционного подполья стоит говорить крайне осторожно.

Допрос арестованного Д.В. Разломалина, стенограмма которого содержится в документах КГЖУ, переворачивает устоявшийся в советской историографии тезис о роли А.В. Луначарского и его влиянии на деятельность калужских кружков. Бесспорно, что в рассматриваемый период Луначарский находился в ссылке в Калуге. В донесении губернского жандармского управления 1903 г. прямо указывалось: «Под влиянием Луначарского, происходивших у него чтений и бесед у ряда лиц, бывших и ранее между собой знакомыми, возникла мысль создать кружок самообразования и организовать правильные чтения книг» [5, л. 13–15]. В более поздних по отношению к допросу воспоминаниях Д.В. Разломалин пишет о том, что Луначарский поселился на Успенской улице, в квартире учителя танцев Васильева, и вёл внешне «довольно рассеянную жизнь» [6, с. 42]. Однако, по его мнению, за этой внешностью скрывалась интенсивная интеллектуальная работа: он участвовал в переводах фундаментальных трудов по истории рабочего движения, написал собственную драматическую поэму «Искушение» [6, с. 42, 46]. В конце 1900 г. на конспиративной квартире А.А. Богданова Луначарский выступил с докладом «О философии и эстетике в XIX веке», вызвавшим оживлённое обсуждение [6, с. 42–43]. Далее Разломалин крайне аккуратно говорит о том, что позднее, при содействии фабриканта Д.Д. Гончарова, Луначарский перебрался в Полотняный Завод, где пытался участвовать в управлении фабрикой, но из-за начавшихся забастовок и полицейских преследований вынужден был отказаться от этих планов и сосредоточиться на литературной работе [6, с. 45]. В копии стенограммы допроса, произведённого после задержания Д.В. Разломалина Киевским губернским жандармским управлением, он свидетельствует о том, что члены кружка Доброхотовых, обратившись к нему за советом по выработке программы, «получили от Луначарского отказ дать им какие-либо указания на этот счёт» [3, л. 10, 162–163]. Значительно большее влияние на кружок оказала Екатерина Рерих. Именно она «помогла с составлением программы и определила основные цели» – завести знакомство с рабочими и вести пропаганду [3, л. 10]. Роль Рерих как реального наставника кружка, в отличие от Луначарского, полностью игнорируется в советской историографии.

В этой же стенограмме можно проследить внутриличностные взаимоотношения в рамках кружка Доброхотова (в делопроизводственной документации КГЖУ упоминается и как кружок Разломалина). Так, Баташов жаловался аптекарю Каннингу на высокомерное отношение к нему со стороны членов кружка Доброхотова; Голубев отказался дать ему гектограф, «пожелав лично отредактировать его писание» [3, л. 9]. Сам Каннинг

в сохранившейся стенограмме допроса говорит о том, что не имел отношения к революционному движению, а был влюблён в Веру Доброхотову, пытаясь поменять её взгляды на более умеренные [3, л. 9]. Видя, что она сходится с Разломалиным (который и станет её мужем в дальнейшем), он всё меньше времени проводил в доме Доброхотовых. Разломалин, разочаровавшись в революционной деятельности в Киеве, разошёлся с Рерих, которая уничижительно именовала его после высказанного нежелания продолжать революционную работу «получеловеком» [3, л. 12]. Вера Разломалина, как свидетельствует её муж, также разочаровалась в революционной работе к весне 1903 года [3, л. 12].

Проведённый историографический анализ, дополненный введёнными в научный оборот архивными материалами Калужского губернского жандармского управления и Калужского отделения Самарского жандармского полицейского управления железных дорог, позволяет сформулировать несколько принципиальных выводов.

В советской историографии можно проследить определённую эволюцию в осмыслении раннего этапа калужского революционного подполья. Работы 1950-х гг. тяготели к унификации и созданию образа «единой организации» с чёткой идеологической линией социал-демократии конца XIX – начала XX века [10, с. 38–41]. К 1960–1980-м гг. исследователи были вынуждены признать разрозненность кружков и отсутствие координирующего центра. Наиболее показательно в этом смысле признание «Очерков» 1967 года: «Все социал-демократические кружки Калуги были связаны между собой, обменивались литературой, их члены собирались за городом. Но всё же они не представляли единой организации. Социал-демократическая работа в Калуге не направлялась тогда еще из центра» [9, с. 6]. Работа Т. В. Романовой 1983 г. стала шагом вперёд в систематизации сведений о различных кружках, однако и она не свободна от недомолвок, особенно в части идеологической идентификации [8, с. 4–6].

Новые архивные материалы позволяют не просто констатировать разрозненность, но и документально подтвердить, что в Калуге параллельно действовали как минимум три различных кружка. Это социал-демократический кружок Доброхотовых — Разломалина (осень 1901 года), эсеровский (либо же тяготевший к эсерам) кружок с участием Печковского, Кролевца, Чистяковой и Дурасова (1902 год), а также кружок Татарова (декабрь 1902 года) [3, л. 1]. Каждый из них имел собственный состав, методы работы и, что принципиально важно, идеологическую направленность, которая в советской историографии в ряде случаев либо замалчивалась, либо искажалась.

Ключевым противоречием историографии остаётся вопрос о мере влияния отдельных деятелей на калужские кружки. Наиболее дискуссионен вопрос о роли А.В. Луначарского. Критическое сопоставление мемуарных свидетельств, особенно воспоминаний Адамович и Разломалина и стенограммы допроса последнего, с работами позднесоветского периода позволяет утверждать, что реальное влияние А.В. Луначарского и Н.П. Авилова, при всей его несомненности, было менее систематическим и более опосредованным, чем это представлено в работах 1950–1970-х гг. [3; 6, с.41-46; 8, с. 281–308; 9; 11].

Новые материалы позволяют также существенно скорректировать представление о роли Е. Н. Адамович. Несомненна её ключевая организационная роль в подпольной работе в г. Калуге в начале XX века. При этом тезис, сохранившийся в жандармских документах о том, что Адамович «выступала за объединение кружков» [3, л. 2], стоит подвергнуть определённой доле критики. В своих воспоминаниях Адамович опровергает данное высказывание [8, с. 285–286]. Аналогичные данные сохранились и в стенограмме допроса Адамович. История с «Пустым комитетом» Татарова, подробно описанная Адамович в мемуарах и подтверждённая архивными документами [3, л. 1], демонстрирует реальные механизмы функционирования подполья – внутренние конфликты, борьбу за влияние и отсутствие чёткой организационной структуры, что кардинально расходится с образом «монолитной» партийной организации, созданным советской историографией 1950-х годов.

Введение в научный оборот новых архивных материалов позволяет утверждать, что калужское революционное подполье рубежа XIX–XX веков представляло собой совокупность разрозненных, идеологически неоднородных кружков. В рамках деятельности подполья многие знали друг друга, общались, обменивались нелегальной литературой, но при этом существовали обособленно, как кружки с разными целями и методами работы. Это была живая, противоречивая среда с внутренними конфликтами, разочаро-

ваниями, провокациями и своеобразными механизмами функционирования. Историки советского периода в силу идеологических обстоятельств вынужденно упрощали эту картину.

Список литературы:

1. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 784. Оп. 1. Д. 79. Материалы о лицах, состоящих под гласным надзором полиции, обвиняемых в государственных преступлениях

2. ГАКО. Ф. 784. Оп. 1. Дело 91. Следствия по подозрению в принадлежности к партии социалистов – революционеров группы лиц, состоящей из 24-х человек.

3. ГАКО. Ф. 784. Оп. 1. Дело 134. Агентурные сведения о политкружках, организовавшихся в г. Калуге в период 1901–1903 гг. с указанием членов указанных кружков.

4. ГАКО. Ф. 1329. Калужское отделение Самарского жандармского полицейского управления железных дорог. Оп. 1. Дело 6. Переписка с Тульским губернским жандармским управлением, С- Петербургским градоначальником и другими о политической благонадёжности лиц, поступающих на службу на железную дорогу.

5. ГАКО. Ф. 1329. Оп. 1. Дело 11. Циркуляры департамента полиции о розыске лиц, обвиняемых в политических и государственных преступлениях.

6. Из партийного прошлого: сборник воспоминаний о партийной работе в Калуге: под ред. Калужской комиссии по истории Октябрьской революции и РКП: Вып. I. – Калуга: Государственное издательство, 1921. – 363 с.

7. Из партийного прошлого: сборник воспоминаний о партийной работе в Калуге: под ред. Калужской комиссии по истории Октябрьской революции и РКП: Вып. 2. – Калуга: Государственное издательство, 1923. – 203 с.

8. Калужская губерния в 1905 году: сборник статей, воспоминаний и материалов / под ред. С.Б. Херсонского и Б.И. Тихомирова. Литературная подкомиссия Губкомиссии по празднованию 20-летия революции 1905 г. и Калужский Истпартотдел. – Калуга: [1-я Гос. типо-лит. ГСНХ], 1925. – 450 с.

9. Очерки истории калужской организации КПСС / общ. ред. А. Ф. Сладкова. – Тула: Приокское книжное издательство, 1967. – 410 с.

10. Революционные события в Калужской губернии 1905–1907 гг. – Калуга: Издательство газеты «Знамя», 1956. – 112 с.

11. Романова, Т. В. В борьбе за рабочее дело / Т. В. Романова. – Тула: Приокское книжное издательство, 1983. – 159 с.

12. Спивак, В.И., Шуркин, П.А. Очерки истории Калужской организации КПСС. Ч. 1: (90-е гг. XIX в. – 1918 г.) / В.И. Спивак, П.А. Шуркин. – Калуга: Книжное издательство, 1959. – 247 с.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 791.221.9:821.161.1-311.6

А.А. Манин
Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А.В. Штепа

«МОМЕНТ ИСТИНЫ» НА КИНОЭКРАНЕ: ОТ ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРВОИСТОЧНИКА К СОВРЕМЕННОЙ ЭКРАНИЗАЦИИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФИЛЬМОВ 2001 И 2025 ГГ.)

Статья посвящена сравнительному анализу двух экранизаций романа Владимира Богомолова «Момент истины» – фильма Михаила Пташука 2001 года и новой постановки, вышедшей в 2025 году. Автор рассматривает, насколько удачно режиссёрам удалось передать на экране сложную художественную структуру литературного первоисточника (внутренние монологи, вкрапления оперативных документов, психологизм персонажей), а также воссоздать атмосферу и исторический контекст событий Великой Отечественной войны. В статье отмечаются сильные стороны картины М. Пташука (актёрский ансамбль, воссоздание масштаба операции «Багратион», аутентичный антураж), анализируются её недостатки (скомканное повествование, потеря литературной глубины). Основное внимание уделено критическому разбору новой экранизации: сценарные просчёты (алогичное встраивание флешбэков, отход от сюжета романа, появление избыточных второстепенных линий), режиссёрские и операторские ошибки, слабая актёрская игра, историческая недостоверность в изображении немецких войск летом 1944 г. Делается вывод, что новая экранизация не достигает уровня литературного источника, уступая в художественном и смысловом отношении как роману, так и предыдущей экранизации.

Ключевые слова: Смерш; Красная Армия; военное кино; рецензия; военная проза; Владимир Богомолов; «Момент истины»; экранизация; историческая достоверность; Великая Отечественная война; операция «Багратион»; контрразведка.

A.A. Manin
Scientific supervisor – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor A.V. Shtepa

“THE MOMENT OF TRUTH” ON THE SCREEN: FROM THE LITERARY SOURCE TO THE MODERN FILM ADAPTATION (A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE 2001 AND 2025 FILMS)

The article offers a comparative analysis of two film adaptations of Vladimir Bogomolov's novel "The Moment of Truth" – Mikhail Ptashuk's 2001 film and the new adaptation released in 2025. The author examines how successfully the directors managed to convey on screen the complex artistic structure of the literary original (internal monologues, interpolations of operational documents, psychological depth of the characters), as well as to recreate the atmosphere and historical context of the Great Patriotic War. The article highlights the strengths of Ptashuk's film (the ensemble cast, re-creation of the scale of Operation Bagration, authentic period detail) and analyzes its shortcomings (abbreviated narrative, loss of literary depth). The main focus is on the critical assessment of the new adaptation: miscalculations in the script (illogical insertion of flashbacks, deviation from the novel's plot, the introduction of excessive secondary storylines), directorial and cinematographic errors, weak acting, and historical inaccuracy in depicting German troops in the summer of 1944. The conclusion is drawn that the new adaptation fails to reach the level of the literary original, falling short artistically and thematically compared to both the novel and the earlier film.

Keywords: SMERSH; Red Army; war cinema; review; war prose; Vladimir Bogomolov; “The Moment of Truth”; film adaptation; historical authenticity; Great Patriotic War; Operation Bagration; counterintelligence.

Роман Владимира Богомолова «Момент истины» является классикой военной прозы и одним из наиболее значимых произведений советской литературы в целом. Однако у него непростая история экранизаций. Постановка 1975 г. так и не была завершена, а фильм белорусского режиссёра Михаила Пташука 2001 г., имея ряд положительных сторон, получил неоднозначные отзывы критиков. Новая экранизация, несмотря на именитый актёрский состав и внушительный бюджет, получилась ещё менее удачной: стилистика и переработанный сценаристами сюжет потерял присущую роману стройность повествования и приобрёл немалое количество логических дыр.

О съёмках нового фильма по роману Владимира Богомолова «Момент истины» стало известно ещё в 2022 году [11], и многие зрители, выражавшие значительный скепсис по отношению к современным фильмам о Великой Отечественной войне, возлагали на экранизацию большие надежды. Причин тому несколько. Во-первых, это любовь к литературному первоисточнику, который за последние несколько десятилетий завоевал симпатии читателей, выдержал десятки изданий и стал классикой военной прозы. Во-вторых, сыграл немаловажную роль тот факт, что произведение В. Богомолова до сих пор не получило экранизации, которая стала бы общепризнанной среди зрителей и кинокритиков. Первая попытка экранизировать роман о буднях советской контрразведки была предпринята ещё в 1975 году режиссёром В. Жалакявичусом, однако картина так и не была закончена в связи со смертью одного из актёров, а отснятый материал получил негативные отзывы у таких деятелей культуры, как Сергей Бондарчук и Борис Васильев [2].

Оставила ощущение недосказанности и картина белорусского режиссёра Михаила Пташука, вышедшая на экраны в 2001 году. Повествование выглядит довольно скомканным, в результате чего огромный потенциал детективной истории, оживающей на страницах романа, на киноплёнке остаётся не до конца раскрытым. В. Богомолов вовсе подверг резкой критике работу М. Пташука, заявив, что из-за «непродуманных импровизаций режиссёра оказалось проваленным большинство эпизодов, в том числе и узловые, наиболее важные», а сам фильм назвал «примитивным боевичком» [6].

Стоит заметить, что роман крайне непрост для экранизации в силу ряда художественных приёмов, к которым прибегает автор: повествование разбавляется «оперативными документами» (что позволяет отнести произведение к жанру «мокьюментари» – направлению в кино и литературе, когда благодаря вымышленным документам, использованных в повествовании, художественное произведение приобретает внешний стиль документального), вкраплениями воспоминаний главных героев, их внутренними монологами, полными рефлексии. Последнее является одной из сильнейших сторон книги, благодаря которой персонажи обретают столь необходимую для книг такого жанра фактуру.

С задачей перенести всё это на киноэкран М. Пташук справился не в полной мере, в результате чего творение белорусского режиссёра оказалось беднее литературного произведения. Тем не менее, за счёт сильных сторон фильма это не так бросалось в глаза. А их было много. В первую очередь, это крепкий актёрский ансамбль, который справился с задачей на твёрдую пятёрку. Большинство сцен очень хорошо разыграны, актёры сумели, что называется, передать нерв эпизода. Следствием этого является хорошо переданная атмосфера: зритель погружается в оперативную работу контрразведки, будничную и кропотливую, где от сотрудников требуется внимание к каждой детали и развитые аналитические способности (последнее – наиболее важное качество разведчика и контрразведчика).

Наконец, в фильме 2001 г. прекрасно воссоздан антураж – огромная многомиллионная армия движется на Запад по пыльным дорогам летней Белоруссии, и расследование дела «Неман» ведётся именно в такой обстановке. Напомним, что действие фильма происходит на завершающем этапе операции «Багратион» – самого масштабного советского наступления всей кампании 1944 года, для которого были выделены огромные силы и средства: четыре советских фронта, задействованных в операции, имели в своём составе 1 211 тыс. чел., 4 тыс. танков и САУ и около 5.3 тыс. самолётов [7, с. 294].

Для такой армады потребовалось соответствующее тыловое обеспечение – одного лишь горючего было затрачено намного больше, чем в других наступлениях 1944 года [3, с. 24].

Режиссёр мастерски передал размах операции «Багратион»: идёт пехота, едут колонны навьюченных грузовиков, паровозы тянут на себе эшелоны к линии фронта, раз-

ворачиваются продсклады и т.д. Никакой местечковости нет и в помине, есть военный механизм, маховик которого крутится на полную мощность, и главные герои – винтики этого механизма. Эти слагаемые обеспечили успех фильма сразу после выхода на экраны: кино полюбилось зрителю и прочно застолбило за собой место в телеэфире на главный праздник страны.

Если размышлять, чего не хватило экранизации М. Пташука, можно выделить два основных момента. Во-первых, хотелось бы видеть персонажей с более ярким бэкграундом, как это было в романе. Фильму не хватило и агронома Алёхина, и лихого пограничника Таманцева, прошедшего через безнадёгу и неразбериху 41-го, и матёрого капитана Аникушина, боевого офицера, попавшего в комендатуру лишь после того, как комиссия признала его негодным к строевой. Второе – это более внятно выстроенный сюжет, где события не придётся додумывать за сценаристов.

Способны ли были К. Эрнст и его команда восполнить эти пробелы, воссоздав сильные стороны старого фильма и трепетно отнестись к литературному первоисточнику? Учитывая скандальную репутацию многих художественных исторических фильмов, которые за последние годы вышли на большой экран, скорее напрашивается отрицательный ответ. Тем не менее, было всё же любопытно, как видят современные кинематографисты роман, ставший классикой, и что они предложат зрителю. Переходим к новому фильму.

Новая экранизация начинается со сцены, выдержанной в духе «дизельпанка»: ламповые приборы, выпуклые экраны, тусклый свет. Курсант Алёхин проходит обучение в школе контрразведки. Однако практически сразу невольно закрадывается впечатление, будто он сотрудник контрразведки некой Калифорнийской республики, которого натаскивают на выявление агентов Легиона Цезаря. Для полного антуража не хватило крышечек и бутылки Ядер-Колы (или Сансет-Саспариллы, кому как больше нравится) в руке преподавателя. Пятидесятилетний С. Безруков, пытающийся воспроизвести Алёхина, которому на момент событий романа около тридцати (а если учесть, что сцена происходит не раньше января 1943 г., судя по кубарям и петлицам на форме Алёхина, и того меньше), выглядит несуразно. Но дело даже не в огромной разнице в возрасте между персонажем и актёром. Сам по себе сценарный ход с добавлением сцены обучения имеет большой потенциал в разрезе погружения зрителя в исторический контекст. У сценаристов появлялась возможность продемонстрировать подноготную такого необычного заведения, как школа контрразведки во время войны, показать особенности обучения тех самых пресловутых «особистов». Ветераны Смерша вспоминали, что основной упор в скоротечном курсе подготовки делался на методах сбора информации о подозреваемых, вербовке информаторов, причём как среди военных, так и гражданских [5, с. 33.]. Также имелась возможность показать, насколько пёстрым был курсантский состав: обучение проходили и люди с фронтовым опытом, и военнослужащие НКВД и погранвойск, и те, кто ещё вовсе был недавно мобилизован [4]. Последнее особенно важно в свете того, что по сюжету романа Алёхин по специальности был агрономом, а вовсе не «натасканным» сотрудником органов госбезопасности. Ничего из этого на экране показано не было. Наконец, заслуживает критики эта сцена и с чисто художественной стороны. Она не работает на раскрытие персонажа и не добавляет значимых деталей к его образу.

Затем зрителя резко переносят в лето 1944 года. Авторы фильма добавляют сцену из воспоминаний Таманцева о начале войны непосредственно в сюжет. Зачем это было делать, тем более так бездарно – непонятно. Контекст событий 1941-го и 1944-го годов совершенно разный, от этого и совершенно разный эффект в воздействии на зрителя. Так, если в романе воспоминания Таманцева являют собой прекрасную иллюстрацию выучки и стойкости наших пограничников, которые в обстановке всеобщей паники, неразберихи и смятения сумели «расколоть» и ликвидировать немецкую разведгруппу, то здесь всё напоминает унылую перестрелку из очередного криминального сериала. На дворе уже 1944-й год, никаких слухов «о десантах и диверсантах» [1, с. 207] и речи не может быть, мирно плетущиеся к мосту красноармейцы и регулировщицы в синих беретках придают сцене окончательно идиллический антураж, который нарушается выстрелами. У сцены напрочь отсутствует нерв, она не держит в напряжении, как рассказ Таманцева. Фраза Безрукова «Спокойно. Работает Смерш» совсем не оставляет никаких сомнений: если реквизит сцены поменять на кожаные куртки вместо гимнастёрок, ТТ в руках персонажей поменять на пистолет Макарова,

а их головные уборы заменить короткими стрижками, возникнет впечатление, будто перед нами типичное творение «золотой» эпохи телеканала НТВ. Сравните это с эпизодом из старого фильма, где Алёхин без лишнего шума показывает напыщенному майору танковых войск своё удостоверение. Просто сравните. Вам сразу всё станет ясно.

После этого начинается само расследование. Герои разделяются и начинают искать следы диверсантов в лесу размером с Францию (sic!). У авторов были все возможности фоном продемонстрировать на экране разорение и опустошение, которые принесла война на земли Белоруссии, и авторы эту работу благополучно завалили. Вместо этого нам подсовывают пейзажи северного леса, который ну никак не похож на природу средней полосы. Сосны, мох, камни и даже водопады (!!!) – что всё это такое? Можно подумать, что главные герои разыскивают агентов Ане-нербе, пытающихся призвать в этом лесу скандинавских богов на помощь Тысячелетнему Рейху? Пейзажи, достойные экранизации «Песни о Нибелунгах», обильно приправлены перестрелкой Таманцева с каким-то полицаем, которого берут в плен, а затем быстро убивают после того, как по недосмотру к нему вновь попадает автомат. Зачем его вообще вводили в сюжет? Чтобы Таманцев продемонстрировал свои навыки смастерить воротковый жгут из подручных материалов? После этого фильм окончательно начинает расползаться на отдельные эпизоды без внятной взаимосвязи.

Петляния Блинова по лесу выводят его на офицеров, которые первыми попадают под подозрение (как далее выяснится, ложное), и эта сюжетная линия встроена столь же топорно, как в старом фильме. Ко всему прочему, она зачем-то развёрнута, и подозреваемые становятся полноправными второстепенными персонажами. Все эти нагромождения рушат и без того очень нестройное повествование, нить которого окончательно теряется где-то к середине фильма. Апогеем становится появление в сцене на вокзале старухи-диверсантки, что также является переработкой флешбэков, только на сей раз Алёхина.

Стремление сценаристов встроить воспоминания героев романа в экранизацию можно понять – в книге эти сцены являются одни из самых сочных и запоминающихся. Однако органично встроить их в экранизацию – задача совсем не из лёгких, и не удивительно, что Пташук от них отказался в старом фильме. Идея же тащить их в 1944-й год и делать элементами повествования выглядит совсем уж безумной. При обыске у старухи оказываются какие-то шифры для разыскиваемой диверсионной группы, и на этом её присутствие в фильме обрывается. Словно рукав, который в очередной раз не удаётся пришить.

Отдельного упоминания заслуживает переработка образа лейтенанта Блинова. В новом фильме он является олицетворением киноштампа – «зелёный новобранец», который запарывает любое порученное ему дело. На страницах книги (да и в старом фильме) фигура этого персонажа гораздо более многогранна: отправленный со строевой службы в контрразведку после ранения, он тяготится рутинной работой, которая кажется ему совершенно малозначимой в сравнении с боевой работой непосредственно на передовой, однако она с самого начала является важным звеном оперативной группы. Здесь же всё наоборот – его карьера в Смерше начинается с неоправданной пальбы по подозреваемым, которая оборачивается для оперативников массой потерянного времени и сил. В 2007 году роман был впервые издан вместе с дневниковыми записями В. Богомолова, посвящёнными его работе над произведением. На фоне экранизации 2025 года местами они выглядят просто иронично: «Избегать штампов – седовласый генерал, выступающий в роли, так сказать, духовного отца; полковник – передаточная инстанция; капитан (или майор) – основное исполняющее лицо и лейтенант – начинающий и ошибающийся чекист, образно выражаясь, на «подхвате» [8, с. 675]. Как мы видим, подобная деконструкция образа одного из главных персонажей вряд ли могла бы обрадовать автора первоисточника

В последней трети фильма градус абсурда подбирается к критически высоким показателям. Выясняется, что немецкая разведгруппа заброшена в советский тыл не просто так, а с целью наладить связь с остатками немецких дивизий, разгромленных в результате операции «Багратион» и осевших в белорусских лесах, чтобы, в свою очередь, организовать совместный удар на Лиду с фронта и с тыла ради её захвата. Сценаристы окончательно отходят от первоисточника под начинают нагромождать сюжет. И если в возможностях вермахта проводить крупные наступления силами танковых дивизий летом 1944 года сомневаться не приходится (достаточно вспомнить встречное танковое сраже-

ние под Радзимином в августе, стоившее 2-й гвардейской танковой армии генерала Радзиевского 234 потерянных танков [9, с. 223]), то немцы, атакующие аэродром из белорусских лесов, заслуживают отдельного рассмотрения.

Напомним, что по сюжету фильма на дворе август 1944-го года, позади тяжелейшие бои, в ходе которых главные силы группы армий «Центр» оказались раздроблены и заперты в нескольких котлах. Казалось бы, остатки немецких дивизий, скрывшиеся в лесах, должны иметь крайне потрёпанный вид и испытывать большие проблемы с боезапасом. Однако сценаристы думают иначе: солдаты вермахта несутся в атаку одетыми в анораки, подпоясанные портупеями и в полной выкладке! Их натиск поддерживает миномётный огонь, а пулемётчики в чистеньких кителях цвета фельдграу несут с собой по несколько коробов с пулемётными лентами. Примерно так немецкий солдат смотрелся летом 1943 года на Курской дуге, перед операцией «Цитадель». Оторванный от своих тылов немецкий солдат образца лета 1944-го г. подобным образом выглядеть не мог при всём желании. Слово майору Вурдаку из 383-й пехотной дивизии, который летом 1944 г. прорывался из Бобруйского котла: «Собственные потери чудовищны и постоянно растут. Люди, большей частью находятся с 26.6 с боями на марше, до сих пор ничего не ели и ни одного часа не спали. Вот уже несколько дней стоит изнуряющая жара. Не хватает даже болотной воды. Люди находятся на пределе своих сил и подвергают себя апатично любой опасности. Людей приходится всё время подгонять и приводить их в чувство» [10, с. 67].

Немецкий военный историк, офицер вермахта Вернер Хаупт дал следующую оценку состоянию немецких войск: «…под Минском бои ещё продолжались. В густых лесах и топких болотах восточнее города продолжали истекать кровью 28 дивизий и 350 000 их солдат. Силы группы армий «Центр» иссякли» [12, с. 149].

Оба приведённых источника свидетельствуют о крайне тяжёлом положении немецких войск, попавших под удар Красной Армии в Белоруссии. Крайне сомнительно, что разбитые и лишённые управления остатки частей и соединений вермахта были способны на нечто большее, нежели окольными путями пробиваться на Запад в призрачной надежде выйти к своим. Но даже не вдаваясь в такие подробности, хочется спросить: стоило ли вообще лепить из детективного романа про «Смерш» военный боевик и заменять ключевую сцену книги невнятно снятым побоищем за аэродром, являющим собой аляпистую и сумбурную экшен-сцену? Ответ на этот вопрос очевиден всем, кроме самих создателей фильма.

Последнее время в интернете стало очень модным критиковать фильмы с точки зрения исторической достоверности. Популярные в интернете историки и эксперты досконально разбирают «заклёпочную» сторону того или иного кинотворения, выискивая изъяны и неточности. На наш взгляд, это не столь существенно. Обсуждать и критиковать прежде всего стоит художественную составляющую, и у «Августа» она «хромает на обе ноги».

Провалена режиссёрская работа: военный антураж в фильме создать не удалось, эстетика сталинского времени напрочь отсутствует, и здесь не спасают ни наркомовские лампы, ни столы с зелёным сукном, которые столь активно тащат в кадр по поводу и без. Эстетика – она про другое, и внешняя атрибутика может сыграть лишь тогда, когда есть содержание.

Ещё менее лестных слов заслуживает работа сценариста. Сюжет потрясает своей сумбурностью, обрывочностью и алогичностью. Флешбеки из романа, куча второстепенных персонажей, которым уделено чересчур много экранного времени, битва с немецкими окруженцами, никак не вытекающая из логики повествования. Всё невпопад, что усугубляется ко всему прочему чудовищным монтажом.

Актёрская игра слаба и невыразительна. Операторская работа выглядит банально и скучно – со зрителем общаются на примитивном мейнстримном киноязыке, напичканном приевшимися фильтрами и общими планами, без внятной композиции в кадре. По итогам просмотра возникло скорбное впечатление, что кино в нашей стране возродится не скоро, если возродится вообще. Художественных сил, способных потянуть экранизацию серьёзного литературного произведения, в стране просто нет. Зато к той пресловутой «заклёпочной части» претензий нет: гимнастёрки, фуражки и пилотки все те, какие надо. Похоже, что к съёмкам были привлечены реконструкторские клубы. Последние годы создаётся впечатление, что фильмы снимают исключительно для них, и пока не видно никаких тенденций к изменению.

Список литературы:

1. Богомолов, В. О. Момент Истины: Повесть, роман / В. О Богомолов. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 479 с.
2. Богомолов, В. Я решил свести до минимума контакты с государством / В. Богомолов // Новая газета. – 2004. – № 33. - 17 мая. URL: https://web.archive.org/web/20070511210634/http://2004.novayagazeta.ru/nomer/2004/33n/n33n-s25.shtml (дата обращения: 07.08.2026).
3. Ворсин, В.Ф., Жуматий, В.И. Организация тылового обеспечения войск в Белорусской стратегической наступательной операции (с 23 июня по 29 августа 1944 г.) / В.Ф. Ворсин, В.И. Жуматий // Военно-исторический журнал. – 2020. – № 3. – С. 21–27.
4. Гераскин, Б.В. «СМЕРШ» без грифа «Секретно» / Б.В. Гераскин // Красная звезда. – 2013. – 18 апреля. URL: http://archive.redstar.ru/index.php/avdeev/item/8710-smersh-bez-grifa-sekretno (дата обращения: 07.08.2026).
5. Мзареулов, В.К. СМЕРШ: По законам военного времени: [сборник] / В.К. Мзареулов. – М.: Родина, 2023. – 272 с.
6. Мы снова побывали «в августе 44-го...» (Контрразведчики и спецназовцы разных войн обсуждают в Голубом зале «КП» фильм, снятый по великолепному роману писателя-фронтовика Владимира Богомолова) // Комсомольская правда. – 2001. – 22 мая. URL: https://www.kp.ru/daily/22554/9373/ (дата обращения: 07.08.2026).
7. Операции Советских Вооружённых Сил в период решающих побед: январь – декабрь 1944 г. / сост. А. Н. Грылев, И. Е. Зайцев, В. П. Истомин и др. – М.: Воениздат, 1958. – 840 с.
8. «Пишется тяжело…»: Из архива писателя // Богомолов В.О. Момент Истины. – М.: ЗАО «Вагриус», 2007. – С. 677–704.
9. Радзиевский, А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны / А.И. Радзиевский. – М.: Воениздат, 1977. – 290 с.
10. Синицын, М.В. Воспоминания немецкого офицера о боях по прорыву из Бобруйского котла / М.В. Синицын // Новые исторические перспективы. – 2016. – № 1 (2). – С. 64–70.
11. Съёмки картины «Момент истины» начнутся в середине августа // Телеканал RT. 20.07. 2022.: офиц. сайт. URL: https://russian.rt.com/nopolitics/news/1028016-moment-istiny-film-syomki (дата обращения: 07.08.2026).
12. Хаупт, В. Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта / В. Хаупт. – М.: Яуза: Эксмо, 2006. – 352 с.

https://nsi.bg/sites/default/files/files/pressreleases/Census2021_ethnos.pdf

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 274/278(497.2+498)"18/20"

Н.А. Мязин

ПРОТЕСТАНТИЗМ В БОЛГАРИИ И РУМЫНИИ: ВЕРА С ЦЫГАНСКИМ КОЛОРИТОМ

В статье рассматривается распространение новых протестантских деноминаций в Румынии и Болгарии во второй половине XIX – начале XXI вв. В настоящее время протестанты составляют 6,2 % населения Румынии и 1,1% Болгарии. Проанализированы особенности протестантского движения в обеих странах. Сделан вывод, что рост протестантизма в Болгарии связан преимущественно с цыганскими церквями пятидесятнического направления, исследованы причины обособления цыганских церквей от национальных протестантских союзов.

Ключевые слова: Болгария; Румыния; протестантизм; пятидесятничество; цыгане.

N.A. Myazin

PROTESTANTISM IN BULGARIA AND ROMANIA: FAITH WITH A ROM FLAVOR

This article examines the spread of new Protestant denominations in Romania and Bulgaria from the second half of the 19th to the early 21st centuries. Currently, Protestants constitute 6,2% of the population in Romania and 1,1% in Bulgaria. The characteristics of the Protestant movement in both countries are analyzed. It concludes that the growth of Protestantism in Bulgaria is primarily associated with Roma churches of the Pentecostal persuasion. The reasons for the separation of Roma churches from national Protestant unions are explored.

Keywords: Bulgaria; Romania; Protestantism; Pentecostalism; Roma.

Христианство пришло на румынские земли, входившие в Римскую империю в IV в. В Болгарии христианство утвердилось в качестве государственной религии в 867–873 гг. В результате завоевания Болгария почти на пять столетий была включена в состав Османской империи. В период османского владычества православная церковь выполняла функции института самоуправления христианского населения. Дунайские княжества Валахия и Молдавия попали в вассальную зависимость, церковь взаимодействовала с национальной элитой, это способствовало обретению румынской православной церковью большей самостоятельности.

После обретения независимости во второй половине XIX в. православная церковь получила статус государственной. Она рассматривалась как часть национальной идентичности, а приходские священники – в качестве помощников в коммуникации с деревней [1, с. 39–40].

Во второй половине XIX в. при участии миссионеров из Великобритании и США в южной части Восточной Европы начали распространяться баптизм, адвентизм, конгрегационализм и методизм. Подчеркнём, что баптизм распространялся во многом не деятельностью миссионерских обществ, а усилиями новообращённых. Первоначально евангелические деноминации занимались прозелитизмом среди исторических протестантов, на рубеже XX в. новые учения стали распространяться среди православных. Этому способствовал перевод Библии на новоболгарский язык, завершённый американскими протестантами в 1871 г. (собственный перевод православная церковь завершила спустя пятьдесят лет) [16, p. 88–90]. В 1918 г. в состав Румынии вошла Трансильвания со значительным венгерским меньшинством, принадлежащим к реформатской церкви и частью румын-униатов.

В послевоенный период после установления социалистических режимов в Румынии и Болгарии православие подверглось репрессиям, но постепенно заняло нишу в рамках выстраивания культа нации. Румынская православная церковь являлась в некоторой степени духовной альтернативой режиму, при этом деятельность греко-католической церкви была запрещена [1, с. 55–56].

Конфессиональный состав населения

На основании данных переписей, рассмотрим изменение конфессионального состава населения после падения социалистических режимов, а также сравним число респондентов, заявляющих об участии в богослужениях раз в неделю и чаще, по данным Всемирного обзора ценностей [19]. Ответы о

регулярности посещения богослужений представляются завышенными, поскольку респондентам свойственно выбирать социально желательные ответы, но они показывают разницу в степени практической религиозности между странами и деноминациями. В отношении Болгарии вследствие недостаточной выборки используются данные о воцерковленности в целом (См. Табл. 1).

Таблица № 1.

Протестантское население Болгарии и Румынии

	1992 г.	2001 г.	2011 г.	2021 г.	Еженедельное участие в богослужении
Болгария					
Население	8,5 млн	7,9 млн	7,4 млн [9]	6,5 млн [2, с. 8]	9 %
Протестанты	0,3 %	0,5 %	0,9 %	1,1 %	
Румыния					
Население	22,8 млн	21,7 млн	20,1 млн [17, p. 43, 46]	19,1 млн [20]	29 %
Протестанты	6,1 %	6,5 %	6,9 %	6,2 %	55 %
реформаты	*3,5 %*	*3,2 %*	*3,2 %*	*2,6 %*	
баптисты	*0,5 %*	*0,6 %*	*0,6 %*	*0,5 %*	
пятидесятники	*1 %*	*1,5 %*	*1,9 %*	*2,1 %*	

Анализ данных показывает, что доля протестантов в Румынии в постсоциалистический период увеличилась, достигнув почти 7% в 2011 г., а в 2021 г. вернулась к 6%. За 30 лет доля последователей реформатских церквей уменьшилась, а пятидесятников увеличилась с 1% до 2,1%. Единственная мегацерковь макрорегиона расположена г. Орадя в Трансильвании, баптистская община насчитывает 2,4 тыс. верующих [7]. Протестантское сообщество Болгарии выросло почти в 4 раза до 1,1 %, рост связан прежде всего с обращением цыган в пятидесятничество.

Число людей, не ассоциирующих себя с религией за последние три десятилетия увеличилось в Румынии (15%) и особенно в Болгарии (25%). При этом по данным Всемирного опроса ценностей доля жителей Румынии, регулярно участвующих в богослужении более чем в 3 раза превосходит показатели Болгарии, воцерковленность которой сопоставима с показателями России и Белоруссии. В Болгарии деноминационная принадлежность воспринимается прежде всего, как ключевой элемент этнической идентичности [15, p. 40]. Доля воцерковленных католиков и протестантов существенно больше, чем православных. При этом, по данным опроса Aufbruch, прошедшего в 2007 г. в 14 постсоциалистических странах, православные оценивали свою церковь выше, чем католики – католическую [1, с. 32–33].

Рассмотрим национальный состав протестантов. Представители титульной нации реже являются протестантами. В Болгарии эта доля составляет 0,7% (в среднем по стране – 1,1%), в Румынии 3,4% (6,2%). На примере Румынии можно увидеть, что среди этнических православных более популярен переход в мистическое пятидесятничество, среди этнических протестантов – в рациональный баптизм.

В рассматриваемых странах проживает значительное число цыган: в Болгарии 290 тыс. (4,4% населения) и Румынии 570 тыс. (3%). Религией большинства этнических групп цыган Западной и Восточной Европы является христианство, в Южной Европе получил распространение ислам [4, с. 362]. Балканские исследователи отмечали религиозный плюрализм цыган, связанный с отсутствием у них этнической религиозной традиции [15, p. 36]. В последние десятилетия протестантизм, преимущественно в форме пятидесятничества широко распространился среди цыган. К протестантизму принадлежат:

– 23% румынских цыган (17% пятидесятники, 2% реформаты, 2% баптисты, 1% адвентисты); каждый 9-й протестант является цыганом [20, p. 16–17];

– 12% болгарских цыган [2, с. 10], они составляют половину всех протестантов Болгарии.

Рассмотрим развитие пятидесятнических церквей в Румынии и Болгарии и роль цыган в этом процессе.

Пятидесятничество в Румынии

Первопроходцем румынского пятидесятничества являлся трансильванский крестьянин Георге Брадин, который молился за выздоровление жены, используя брошюру, изданную эмигрантской общиной в США. В 1922 г. Брадин основал пятидесятническую общину и установил контакты с «Церковью Бога», два года спустя из США прибыл миссионер этой организации. Во время фашистской диктатуры Антонеску пятидесятники подвергались преследованиям. В 1950 г. была зарегистрирована «Апостольская церковь Божья», насчитывающая 26 тыс. членов [13], независимые общины пятидесятников были вынуждены войти в её состав в рамках политики по укрупнению религиозных организаций [18].

В 1986 г. численность апостольской церкви выросла до 95 тыс. членов, 80% из них проживали в исторической области Трансильвания. К настоящему времени «Апостольская церковь Божья» выросла до 3,4 тыс. общин [21], она объединяет 90% румынских пятидесятников. В 1990-е гг. созданы независимые объединения пятидесятников: «Ассамблеи Бога», «Церковь четырехугольного Евангелия» и церковь «Агапе», каждое из которых состоит из нескольких десятков общин. Большинство пятидесятников Румынии проживают на севере и северо-западе страны; 60% – в сельской местности (что несколько превышает долю сельского населения). «Апостольская церковь» отличается консервативным характером – только мужчины могут становиться пасторами и дьяконами. Молитвы «на языках» используются редко, исцеление практически не практикуется [11, p. 57–58].

Пятидесятничество получило значительное распространение среди цыган, проживающих в сельской местности. Деревенские цыгане были менее вовлечены в жизнь православной церкви, чем городские соплеменники, что являлось следствием большего этнического размежевания в сельской местности. В сёлах с большим числом цыган с 1990-х гг. создавались цыганские церкви, которые отличались харизматическим характером служения. Цыгане объясняли причиной создания своих церквей бытовую дискриминацию [12, p. 96, 102, 104], но, по нашему мнению, создание независимых цыганских церквей является в большей степени проектом цыганской элиты.

Рассмотрим развитие церквей в сельской местности на примере д. Урсарени, в которой проживают 1,2 тыс. цыган и имеются две пятидесятнические общины. Первая основана в начале 1990-х гг. цыганом, который обратился, находясь на заработках. Община входит в состав региональной организации «Апостольской церкви». В 2014 г. один из представителей цыганской элиты при поддержке местных уроженцев, переехавших в Северную Европу, построил вторую церковь. Новая церковь вошла в состав цыганского объединения, также входящего в «Апостольскую церковь». В деревне работает благотворительный фонд, созданный при поддержке шведских пятидесятников, он поддерживает получение цыганами образования. Цыгане-пятидесятники, подобно соплеменникам иного вероисповедания придают особое внимание толкованию снов и видений. В каждой из церквей двое мужчин выполняют роль пророка и экзорциста.

Обращение в пятидесятничество способствовало отказу от алкоголя и табака и улучшению семейных отношений. В тоже время образ жизни радикально не изменился. Для многих основным источником доходов остаются поездки в Северную или Западную Европу с целью попрошайничества. Попрошайничество считается грехом, за которое накладывается наказание – членство в общине приостанавливается на три месяца, но цыгане-пятидесятники считают, что попрошайничество – вынужденный грех. Получение вида на жительство в более благополучной стране и жизнь за счёт социальных выплат [14], по-видимому, считается безгрешным доходом.

Пятидесятничество в Болгарии

В 1907 г. благодаря распространению движения возрождения, под влиянием проповеди Стояна Тинчева в среде методистов произошёл раскол и были созданы независимые общины, которые постепенно стали использовать пятидесятническую теологию. Движение носило крайне консервативный характер: запрещалось пользоваться радиоприёмниками, читать переводную литературу и общаться с иностранными миссионерами и сохраняло обособленность до 1981 г., когда в результате контактов с единоверцами из

Югославии вошло в состав международного объединения «Церковь Бога». В 1990-е гг. проводились массовые евангелизационные мероприятия с участием иностранных миссионеров, были открыты социальные центры [6, p. 137–139].

В 1920 г. миссионеры «Ассамблеи Бога» Дионисий Заплишни и Иван Воронаев прибыли в Болгарию, за короткий период они создали около 80 церквей, за счёт прозелитизма, преимущественно в баптистской среде [5, p. 18]. Воронаев в следующем году переехал в Одессу и стал основателем пятидесятнического движения в СССР. В 1928 г. родственник Заплишни, миссионер «Ассамблеи Бога» Николай Николов создал «Союз евангельских пятидесятнических церквей», который стал основным пятидесятническим объединением Болгарии.

В настоящее время пятидесятники составляют около половины болгарских протестантов. Союз евангельских пятидесятнических церквей насчитывает 25 тыс. верующих в 500 общинах, и принадлежит к «Ассамблеи Бога» [3]. Известно, что 3,6 тыс. верующих в 180 общинах состоят в «Церкви Бога.

Развитие пятидесятничества в Болгарии связано с миссией среди цыган. Первая семья цыган-музыкантов, по рождению мусульман, перешла в пятидесятничество в 1979 г. [8, p. 42-44]. В конце 1990-х гг. стала происходить автономизация цыганских церквей. В 2005 г. цыганский пастор избран главным старейшиной «Церкви Бога» [6, p. 141]. Несколько раз союз покидали группы общин, недовольные эволюцией церкви в харизматическом направлении, а также усилением влияния цыган. Цыганские пасторы, обращённые в 1980-х гг., руководствовались представлениями о необходимости модернизации и интеграции цыган в болгарское общество. Новое поколение цыганских пасторов, которые присоединились к «Церкви Бога» после конца 1990-х гг. не стремятся к такому «прогрессорству». Процесс автономизации цыганских церквей связан с желанием цыганских пасторов напрямую общаться с зарубежными спонсорами, без посредничества руководителей деноминации, это поддерживаются цыганскими пасторами, проживающими в Западной Европе. Во время парламентских выборов 2005 г. в Болгарии, политическая партия – ЕвроРома использовала протестантские церкви в качестве мест агитации [6, p. 148].

Подводя итоги, обратим внимание на следующие моменты. Религия в Болгарии в большей степени связана с этническим происхождением, в Румынии эта взаимосвязь менее выраженная. Новый протестантизм получил значительное распространение в Румынии, что связано, прежде всего, с высокой религиозностью населения. Пятидесятничество распространялось преимущественно за счёт обращения православных, а баптизм – реформатов. Пятидесятничество получило значительное распространение среди цыган. В последние десятилетия наблюдается тенденция образования этнически однородных цыганских церквей, которые объединяются в цыганские ассоциации. Это характерно и для Болгарии. Распространение пятидесятничества среди цыган, по-видимому, связано с зачарованным мировоззрением цыган, эмоциональный характер служения и вера в возможность совершения чудес в обычной жизни оказалась для них привлекательна. Также отметим, что среди болгарских цыган получил распространение переход из ислама в пятидесятничество (исследователи выявили эту тенденцию и среди цыган в Аджарии в Грузии) [10, p. 1]. В других этнических группах переход между мировыми религиями происходит значительно реже. Можно предположить, что распространение пятидесятничества среди цыган Болгарии и Румынии продолжится, рост протестантизма среди других этнических групп маловероятен в связи со связью этнической принадлежности и религии и что более важно с секуляризацией населения.

Список литературы:

1. Бухенау, К. Религия и нация в Сербии, Болгарии, Румынии: три православные модели / К. Бухенау // Государство, религия, церковь. – 2014. – № 4. – С. 28–61.

2. Етнокултурни характеристики на населението към 7 септември 2021 година. Преброяване 2021. 15 p. URL: https://nsi.bg/sites/default/files/files/pressreleases/Census2021_ethnos.pdf (in Bulg.) (дата обращения: 25.08.2026).

3. Съюз на евангелските петдесятни църкви. Обединени Евангелски Църкви. URL: https://eabulgaria.org/?page=about&id=9 (дата обращения: 25.08.2026).

4. Черных, А.В., Кожанов, К.А. Религиозно-мифологические представления / А.В. Черных, К.А. Кожанов // Цыгане / под ред. Н.Г. Деметер, А.В. Черных. – М.: Наука, 2018. – С. 362–391.

5. Altanov, V. Religious Revitalization among Bulgarians during and after the Communist Time / V. Altanov // Occasional Papers on Religion in Eastern Europe. – 2012. – N 3(32). – P. 13–22.

6. Benovska-Sabkova, M., Altanov, V. Evangelical Conversion among the Roma in Bulgaria / M. Benovska-Sabkova, V. Altanov // Transitions. – 2009. – Vol. XLVIII. – Nouvelles identités rom en Europe centrale & orientale. – P. 133–156.

7. Bird, W. 2026 Global Megachurches – World's Largest Churches / W. Bird. – URL: www.exponential.org/world (дата обращения: 25.08.2026).

8. Bogomilova, N. God of the Social Outcast: the Religion of the Romas in Bulgaria / N. Bogomilova // Roma Religious Culture / ed. D. Dordevic. – Niš, 2003. – P. 41–46.

9. Census Religion in Bulgaria. 1887–2011. The Foreign Policy Centre. URL: https://fpc.org.uk/wp-content/uploads/2020/07/Bulgaria-Table-2.png (дата обращения: 25.08.2026).

10. Chitanava, E. Between Sinful and Righteous: Conversion to Pentecostalism in a Roma Community in Georgia / E. Chitanava. – Master of Arts thesis. – Budapest: Central European University, 2013. – 45 p.

11. Foszto, L., Kiss, D. Pentecostalism in Romania: The Impact of Pentecostal Communities on the Lifestyle of the Members / L. Foszto, D. Kiss // La Ricerca Folklorica. – 2012. – N 65. – P. 51–64.

12. Gog, S. Post-socialist Religious Pluralism how do Religious Conversions of Roma Fit into the Wider Landscape? / S. Gog // Transitions. – 2009. – Vol. XLVIII. – Nouvelles identités rom en Europe centrale & orientale. – P. 93–108.

13. Lethel, P. Migration and Pentecostalism in a Mendicant Roma Community in Eastern Moldavia / P. Lethel // Acta Ethnographica Hungarica. – 2018. – N 1(63). – P. 83–106.

14. Matetskaya, A. Religion and Secularism in Modern Bulgaria / A. Matetskaya // Научный альманах стран Причерноморья. – 2017. – № 4(12). – С. 33–41.

15. Moga, D. The Baptist Movement in Romania in its Historical and Religious Context / D. Moga // Semănătorul. – 2021. – N 2. – P. 75–99.

16. Negruti, S. The Evolution of the Religious Structure in Romania since 1859 to the Present Day / S. Negruti // Romanian Statistical Review. – 2014. – N 6. – P. 39–47.

17. Pop, R. Un nou cult religios va fi recunoscut oficial în România / R. Pop // Stripesure.ro. 16.03.2022. URL: https://www.stiripesurse.ro/un-nou-cult-religios-va-fi-recunoscut-oficial-in-romania-cine-sunt-adunarile-lui-dumnezeu-din-romania_2293190.html (дата обращения: 25.08.2026).

18. Q171. How often do you attend religious services? // World Values Survey. Wave 7: 2017–2022. URL: https://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp (дата обращения: 25.08.2026).

19. Recensământului Populației și Locuințelor runda 2021. – 22 p. URL: https://insse.ro/cms/sites/default/files/com_presa/com_pdf/cp-date-provizorii-rpl2021.pdf (in Roman.) (дата обращения: 25.08.2026).

20. Un Scurt Istoric al Cultului Crestin Penticostal // Cultului Creștin Penticostal din România. URL: https://cultulpenticostal.ro/istoric/ (дата обращения: 25.08.2026).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(470.318)"1909":631.155

В.В. Панасюк

АГРОНОМИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ЕДИНОЛИЧНЫМ ДОМОХОЗЯЙСТВАМ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ ПЕРИОДА СТОЛЫПИНСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ОТРАЖЕНИИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1909 г.

Объектом исследования является внутренняя политика Российского государства в начале XX в., предмет изучения – агрономическая помощь единоличным домохозяйствам Калужской губернии периода столыпинских преобразований в отражении периодической печати 1909 г. Методологическую основу статьи составляют принципы историзма, научной объективности, системности, что позволяет изучать события, явления и процессы в их развитии. Источниковая база исследования состоит из материалов центральной и местной периодической печати, что позволяет проанализировать как данная проблематика нашла отражение в СМИ. Автор впервые в отечественной историографии на основе опубликованных материалов поставил задачу раскрыть данную проблематику на примере изучаемого региона. В статье подробно рассматривается позиция земств Калужской губернии на известное предложение П.А. Столыпина в сентябре 1909 г. об оказании адресной агрономической помощи единоличным домохозяйствам, приводятся мнения и аргументы сторонников и противников этой идеи среди представителей земских кругов. В качестве примера также приведена позиция по данному вопросу местных чиновников, ответственных за ход аграрной реформы. В публикации перечислены различные формы земской агрономической помощи, рекомендованные для хозяйственной деятельности хуторян Калужской губернии. Материалы и выводы исследования могут быть использованы при подготовке лекций по истории сельского хозяйства страны, проведении практических занятий, написании учебных пособий и пр.

Ключевые слова: агрономическая помощь; столыпинские преобразования; Калужская губерния; хуторяне; единоличные домохозяйства.

V.V. Panasyuk

AGRONOMIC ASSISTANCE TO INDIVIDUAL HOUSEHOLDS OF THE KALUGA PROVINCE DURING THE STOLYPIN REFORMS IN THE REFLECTION OF THE PERIODICAL PRESS OF 1909

The object of the research is the internal policy of the Russian state at the beginning of the 20th century. The subject of the study is agronomic assistance to individual households of the Kaluga province during the Stolypin reforms in the periodical press of 1909. The methodological basis of the article is the principles of historicism, scientific objectivity, and consistency, which makes it possible to study events, phenomena, and processes in their development. The research's source base consists of materials from the central and local periodicals, which allows us to analyze how this issue has been reflected in the media. For the first time in Russian historiography, based on published materials, the author set the task of revealing this problem using the example of the region under study. The article examines in detail the position of the zemstvos of Kaluga province on the well-known proposal of P.A. Stolypin in September 1909 to provide targeted agronomic assistance to individual households, and provides opinions and arguments of supporters and opponents of this idea among representatives of the zemstvo circles. The position of local officials responsible for the course of agrarian reform on this issue is also given as an example. The publication lists various forms of rural agronomic assistance recommended for the economic activities of farmers in Kaluga province. The materials and conclusions of the study can be used in preparing lectures on the history of agriculture in the country, conducting practical exercises, writing textbooks, etc.

Key words: agronomic assistance; Stolypin transformations; Kaluga province; the farmers; individual households.

Календарь нашей страны насчитывает множество памятных и юбилейных дат богатой на события многовековой российской истории. Это обычно вызывает повышенный интерес к поднятой тематике в научной среде отечественных исследователей и в общественных кругах. В этой связи обратим внимание, что в ноябре 2026 г. исполняется 120 лет с начала столыпинских аграрных преобразований в России. Задуманная имперскими властями как комплексная реформа сельского хозяйства начала XX в., она была направлена на модернизацию этого сектора экономики на основе развития, в первую очередь, единоличных домохозяйств.

За более чем вековой период с момента её проведения и до настоящего времени в отечественной историографии сложилась устойчивая традиция изучения аграрной реформы, о чём свидетельствуют многочисленные публикации дореволюционных, советских и современных российских исследователей [1; 2; 3; 4; 11; 21]. Однако несмотря на большое количество таких трудов, вопросы, связанные с изучением становления и развития агрономической помощи в губерниях России, по существу ещё полностью не исследованы. В частности, вопросы оказания агрономической помощи единоличным домохозяйствам Калужской губернии в отражении периодической печати в начальный период реформы, не получили должного освещения. Это определяет актуальность и научную значимость данного вопроса, поскольку впервые становится объектом специального изучения.

9 ноября 1906 г., в четверг, император Николай II в резиденции Царское Село подписал именной указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», заложивший правовую основу столыпинской аграрной реформы. Нормативный акт был опубликован в центральной и региональной прессе, например, в «Калужских губернских ведомостях» документ появился на первой и второй полосах издания через полторы недели после его подписания – 18 ноября. Указ предусматривал право каждого домохозяина выйти из общины, укрепив в личную собственность причитающийся за ним надел, а также сверстать земельные полосы в один участок, образовав отрубное или хуторское домовладение с установленными границами [8, с. 779–781; 9, с. 1–2]. Однако заметим, что статьи нормативного акта вовсе не касались вопроса агрономической помощи выделившимся на участки домохозяевам.

Обратим внимание, что ещё ранее указом Николая II от 4 марта 1906 г. в губерниях и уездах страны учреждались землеустроительные комиссии, к задачам которых относились, в том числе, «содействие сельским обществам в улучшении условий землевладения и порядков землепользования и в установлении более совершенных способов ведения хозяйства на надельных землях» [10, с. 1]. Спустя два года Департамент земледелия Главного управления землеустройства и земледелия (далее – ГУЗиЗ) в апреле 1908 г. издал циркуляр, который заложил основы землеустроительной агрономической помощи единоличным домохозяйствам в стране. Документ устанавливал 3 группы агрономических мероприятий: показательные хозяйства, показательные поля и показательные участки, на реализацию которых на местах была теперь нацелена деятельность землеустроительных комиссий [22, с. 372–374].

Рост числа хуторов и отрубов в губерниях страны поставил перед правительством вопрос о том, чтобы привлечь представителей земской среды к целевой агрономической помощи зарождающемуся классу крестьян-собственников. Так, накануне открытия новой сессии земских собраний в России 19 сентября 1909 г. председатель Совета министров П.А. Столыпин обратился с циркулярной телеграммой к калужскому губернскому и уездным предводителям дворянства с предложением рассмотреть на заседаниях собраний вопрос о необходимости «…принять организацию агрономической помощи к Вашему особливому попечению… ибо без интенсивного хозяйства прочность и устойчивость единоличной собственности не мыслимо» [23, с. 979–980].

В сентябре–октябре 1909 г. прошли очередные заседания уездных земских собраний Калужской губернии, на которых были приняты постановления, касающиеся различных сторон земского хозяйства, в том числе, по поводу инициативы, предложенной главой российского правительства. В материалах центральной и местной печати нашли отражение те решения, которые были приняты земцами по данному вопросу. Далее, опираясь на эти источники, приведем примеры соответствующих постановлений земцев.

Так, 8 октября 1909 г. «Калужский курьер» информировал читателей о том, что Боровское уездное земское собрание откло-

нило предложение министра внутренних дел об организации земством агрономической помощи хуторянам [6, с. 3]. Далее, 13 октября 1909 г. «Калужские губернские ведомости» сообщали, что Жиздринское уездное земское собрание выступило с идеей о том, что агрономическая помощь необходима всем крестьянам – как хуторянам, так и общинникам. Земство не отказывалось от предложения оказывать агрономическую помощь единоличникам, но из-за недостатка бюджетных средств, самостоятельно заниматься этим вопросом не было возможности. В этой связи земцы обратились в ГУЗиЗ с ходатайством о выделении им на эти цели субсидии в размере 50 000 руб. [12, с. 3]. Затем, 15 октября 1909 г. «Калужские губернские ведомости» опубликовали новое сообщение, в котором говорилось, что Лихвинское уездное земское собрание высказалось за принятие губернской агрономической организации, постановило учредить должность агронома с высшим сельскохозяйственным образованием [13, с. 3]. Как отмечало другое издание «Калужский курьер», за принятие этого решения «вотировали главным образом гласные-крестьяне» [6, с. 3]. В номере от 17 октября 1909 г. «Калужские губернские ведомости» информировали читателей о постановлениях, принятых уездными земцами двух собраний – Калужского и Перемышльского. Например, Калужское уездное земство заявило о важности оказания агрономической помощи всему крестьянскому населению независимо от формы собственности на землю. Однако недостаток земских средств не позволяет им расширить объемы агрономической помощи. Поэтому земцы обратились за финансовой помощью к правительству с просьбой о выделении 15 000 руб. в виде субсидии для поднятия сельскохозяйственной культуры населения уезда в целом и ссуды 25 000 руб. исключительно для агрономической помощи единоличным домохозяйствам. Земцы Перемышльского уезда постановили ходатайствовать, во-первых, об открытии на средства казны сельскохозяйственной школы в с. Никольское, рядом с которым обустроилась группа хуторов. Новое учебное заведение должно было служить показательным примером ведения образцового хозяйства, в первую очередь, для хуторян, а в будущем выпускать квалифицированных специалистов, обладающих широкими знаниями в сфере сельского хозяйства. Во-вторых, предусмотреть возможность выдачи беспроцентных ссуд на сумму 300 руб. за счет земских средств сроком на три года для приобретения земледельческих орудий владельцами хуторских участков по указанию непременного члена местной землеустроительной комиссии [14, с. 3].

Более детальный план организации агрономической помощи единоличным домохозяйствам был представлен земцами Медынского уезда, о чем сообщали «Калужские губернские ведомости» 12 ноября 1909 г. По данным газеты, земское собрание ранее инициировало создание специальной комиссии, в состав которой вошли представители земства и местной землеустроительной комиссии, которой было поручено создание этого плана. 6 ноября 1909 г. на заседании чрезвычайного земского собрания документ был утвержден. План предусматривал ходатайство перед ГУЗиЗ о выделении крупного безвозвратного пособия на следующие цели: во-первых, 1 800 руб. на приглашение второго земского агронома, во-вторых, 500 руб. на осуществление капитального ремонта Медынского уездного сельскохозяйственного склада, в-третьих, 3 000 руб. для увеличения оборотного капитала сельскохозяйственного склада в целях приобретения необходимых для хуторского хозяйства земледельческих орудий, машин, удобрительных туков и семян, в-четвертых, до 300 руб. на приглашение специального мастера при местном сельскохозяйственном складе для ремонта и сборки техники хуторян, в-пятых, 300 руб. на организацию показательных полей на хуторских и отрубных хозяйствах, и, в-шестых, до 1 500 руб. на устройство 3 случных пунктов – для рогатого скота, коневодства и овцеводства [15, с. 3].

О принятых постановлениях земцев в других уездах Калужской губернии можно также узнать из материалов центральной прессы. Например, в статье «Из деятельности земств», опубликованной 15 ноября 1909 г. в «Известиях Главного управления землеустройства и земледелия», приводятся такие сведения. Малоярославецкое и Мещовское уездные земства постановили, например, учредить должность агронома с высшим сельскохозяйственным образованием. Мосальское уездное земство выступило с идеей о необходимости распространения более широких форм агрономической помощи населению уезда, прежде всего, путём развития сельскохозяйственных знаний, учреждений мелкого кредита и опытного дела [7, с. 1034–1035]. Анализ вышеуказанных постановлений

земских собраний показал, что в Калужском, Перемышльском и особенно в Медынском уездах были выработаны практические действия по оказанию агрономической помощи единоличным домохозяйствам. Это имело вполне закономерное объяснение. К концу 1909 г. в данных местностях Калужской губернии сложились центры хуторского расселения в регионе и с этим обстоятельством земцы не могли не считаться.

После проведения осенних сессий уездных земский собраний в Калужской губернии под председательством губернатора С.Д. Горчакова 4 ноября 1909 г. состоялось большое совещание, в котором приняли участие представители земств, землеустроительных комиссий и других правительственных учреждений региона. Темой совещания стало обсуждение тех конкретных мер, которые могли быть приняты губернским и уездными земствами по оказанию адресной агрономической помощи единоличным домохозяйствам согласно циркулярной телеграмме П.А. Столыпина от 19 сентября 1909 г. Основным докладчиком на этом совещании выступил исполняющий обязанности непременного члена Калужской губернской землеустроительной комиссии С.Ф. Трухачев, который подвел итоги работы уездных земских собраний региона, привёл примеры решений земств других губерний страны по поддержке хуторских хозяйств. Но главное – в докладе чиновника землеустроительного ведомства был представлен план конкретных действий по оказанию агрономической помощи единоличным домохозяевам, разработанный для земств Калужской губернии [20, с. 3].

Доклад С.Ф. Трухачева вызвал активную дискуссию между членами совещания, где были высказаны различные аргументы, точки зрения по обсуждаемому кругу вопросов. Так, председатель Калужской губернской земской управы К.А. Шумовский заявил, что земства не праве оказывать предпочтительную агрономическую помощь хуторянам перед общинниками и другими земскими налогоплательщиками, т.к. перед земством все они равны и всем земство обязано оказывать в равной степени помощь, но при этом земство не имеет собственных средств к оказанию исключительной помощи хуторянам. С этой точкой зрения были солидарны гласный Калужского губернского земского собрания Л.Н. Новосильцев, член губернской земской управы С.Н. Аксаков. Последний, в частности, пояснил, что приглашение агрономов в состав уездных землеустроительных комиссий является неверным решением, поскольку вся агрономическая помощь должна быть сосредоточена в руках земства. Агроном Калужского губернского земства П.Д. Копылов подчеркнул, что выделить агрономическую помощь одним хуторянам от общих агрономических мероприятий населению земству крайне трудно. Опыты по применению искусственного удобрения в 1909 г. ставились в разных местах губернии, включая земли хуторян и общинников. Запланированные на 1910 г. агрономические мероприятия также касаются всех крестьян независимо от формы собственности на землю [5, с. 3].

Им возражал непременный член Калужского отделения Крестьянского поземельного банка граф И.Л. Толстой, который аргументировал свою позицию следующим образом. Нельзя смешивать общую агрономическую помощь с частной помощью хуторянам, т.к. они находятся в различных положениях – общинники имеют дело с культурными землями, хуторянам же приходится иметь дело с некультурными землями (бывшими под лесами), которые им приходится обращать в культурные, вот поэтому им и должна оказываться преимущественно помощь. Рассуждая на эту тему, член Калужской губернской земской управы А.М. Желябужский заявил, что появившиеся хутора – это новый вид хозяйства на некультурных землях, а поэтому требует особой агрономической помощи со стороны земства. Дело в том, что вести культурное хозяйство возможно только на хуторах. Оказывая предметную помощь единоличным домохозяйствам, ничем не нарушается принцип равномерности помощи населению со стороны земства. Он подчеркнул, что строительство земских школ и больниц осуществляется на средства всех налогоплательщиков, а пользуются ими в разной степени. Непременный член Перемышльской уездной землеустроительной комиссии Н.В. Олив, критикуя позицию С.Н. Аксакова, заявил, что уездные землеустроительные комиссии остро нуждаются в агрономах, т.к. хуторянам помощь крайне важна. В целом, в поддержку оказания адресной агрономической помощи единоличным хозяйствам также высказались непременный член Калужской губернской землеустроительной комиссии С.Ф. Трухачев, непременный член Козельской уездной землеустроительной комиссии Б.А. Ялозо, земский начальник 6-го

участка Жиздринского уезда Д.А. Кренке и др. [5, с. 3]

В целом, в ходе дискуссии, как видим, сформировались две основные позиции, противопоставленные друг другу. Так, представители государственных учреждений, принимавших активное участие в проведении столыпинской аграрной реформы, считали необходимым выделение целевой агрономической помощи единоличным домохозяйствам. А местные земцы в основном отстаивали другую позицию – агрономическое обслуживание для всех крестьянских домохозяйств региона.

В конце работы члены совещания, детально изучив план С.Ф. Трухачева, признали целесообразным рекомендовать земским учреждениям следующие формы агрономических мероприятий для хуторян: 1) упразднение уездной агрономии и переход к участковой, чтобы «приблизить» работу агронома к домохозяевам; 2) провести обследование единоличных хозяйств; 3) организовать чтения по сельскому хозяйству; 4) открыть при земских управах кассы мелкого кредита; 5) устройство образцовых показательных хозяйств и опытных станций; 6) организация рассадников племенных животных; 7) продажа в кредит орудий, семян и минеральных удобрений из земских складов; 8) организация сети зерноочистительных пунктов; 9) страхование на льготных условиях единоличных домохозяйств; 10) установление премий образцовым хозяйствам; 11) организация сбыта продуктов, произведённых на хуторских участках; 12) открытие низших сельскохозяйственных школ; 13) устройство сельскохозяйственных выставок [5, с. 4]. Интересно, что последнее предложение не было в плане С.Ф. Трухачева, а было личной инициативой Б.А. Ялозо, являвшегося также гласным Козельского уездного земского собрания. В этом уезде с начала XX в. при поддержке местного земства ежегодно летом проводились выставки рогатого скота, имевшие популярность и интерес у населения [17, с. 287–296]. Если проанализировать вышеперечисленное, то можно уверенно сказать, что данный план, охватывавший различные стороны крестьянского единоличного хозяйства, имел комплексный характер, цель которого – создание в калужской деревне крепкого слоя домохозяев собственников. В этой связи отметим, что губернатор С.Д. Горчаков, являясь по должности также председателем губернской землеустроительной комиссии, а значит, и ответственным лицом за проведение столыпинских аграрных преобразований в регионе, «просил членов совещания из числа губернских гласных, поддержать высказанные пожелания» [5, с. 4].

12 декабря 1909 г. «Калужский курьер» информировал читателей, что в четверг 10 декабря открылась очередная сессия губернского земского собрания, на которой с речью выступил губернатор С.Д. Горчаков. В своём выступлении он обратил внимание «на важность предлагаемого к обсуждению вопроса об организации помощи хуторянам… убеждал земское собрание идти в этом деле рука об руку с правительством…» [16, с. 2]. 17 декабря 1909 г. газета сообщала, что прошедшее заседание 15 декабря гласные собрания полностью посвятили обсуждению вопроса о постановке агрономического обслуживания хуторян [18, с. 2]. С докладом по этой теме, подготовленным Калужской губернской земской управой, выступил гласный собрания Л.Н. Новосильцев. Основная идея доклада заключалась в том, что земская агрономическая помощь должна оказываться всему крестьянскому населению губернии в равной степени в целом. Доклад губернской земской управы вызвал бурную дискуссию среди земцев и для итогового голосования были предложены три различные резолюции: первая Л.Н. Новосильцева, которая отражала позицию губернской земской управы; вторая князя А.Д. Оболенского – земство оказывает общее содействие хуторянам за счёт собственных средств; третья В.Н. Тетеревенкова – необходима исключительная агрономическая помощь единоличным домохозяйствам. В конечном счёте, официальная позиция калужских земцев была выражена в принятии резолюции Л.Н. Новосильцева, в которой отмечалось, что при проведении агрономической помощи различным группам крестьянского населения не следует отдавать «предпочтения отдельным из них» [19, с. 2].

В заключение настоящей статьи отметим, что столыпинские аграрные преобразования начала XX в. стали новым вызовом для жителей калужской деревни, той её части, кто решился на ломку архаичного общинного землевладения при переходе к новому типу хозяйствования – на хутора. Центральные власти, ставя перед собой амбициозные задачи по переустройству земельных отношений, решили привлечь к этой деятельности в 1909 г. земства Калужской губернии, которые не понаслышке знали о проблемах местного

сельского хозяйства. По сути правительство позволило земцам пойти по пути совместной деятельности в решении вопроса агрономической помощи хуторянам, предложив земству взять на себя роль инициатора в этом деле. Однако результат оказался противоречивым, одни земства, ставшие центрами хуторского расселения в регионе, поддержали правительственную инициативу, другая часть – отвергли эту идею или попросту свели свою деятельность в этом вопросе к минимуму. При этом надо отметить, что многие уездные земства и даже те, кто поддержал предложение П.А. Столыпина о целевой помощи хуторянам, заявляли о дефиците бюджетных средств. Поэтому рассчитывать на проведение новых форм земских агрономических мероприятий можно было только при наличии устойчивого, полного софинансирования на эти цели со стороны государства.

Список литературы:

1. Герасименко, Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики / Г.А. Герасименко. – Саратов: издательство Саратовского университета, 1985. – 343 с.

2. Давыдов, М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина / М.А. Давыдов. – СПб.: Алетейя, 2014. – 784 с.

3. Дроздов, В.П. Около земли. Очерки по землеустройству / В.П. Дроздов. – М.: издание М. и С. Сабашниковых, 1909. – 71 с.

4. Дубровский, С.М. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века / С.М. Дубровский. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – 599 с.

5. Журнал особого совещания, созванного г. губернатором по телеграмме г. министра внутренних дел, о постановке дела агрономической помощи единоличным хозяйствам в Калужской губернии при участии земства 4 сего ноября // Калужские губернские ведомости. – 1909. – № 122. – 17 ноября. – С. 3–4.

6. Земские собрания // Калужский курьер. – 1909. – № 112. – 8 октября. – С. 3.

7. Из деятельности земств // Известия Главного управления землеустройства и земледелия. – 1909. – № 46. – 15 ноября. – С. 1034–1035.

8. Именной Высочайший указ о дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования. Правительствующему Сенату // Известия Главного управления землеустройства и земледелия. – 1906. – № 46. – 19 ноября. – С. 779–781.

9. Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату // Калужские губернские ведомости. – 1906. – № 129. – 18 ноября. – С. 1–2.

10. Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату // Правительственный вестник. – 1906. –№ 54. – 8 марта. – С. 1.

11. Лосицкий, А.Е. Распадение общины до указа 9 ноября. Укрепление наделов в личную собственность. Выходы на хутора и отруба / А.Е. Лосицкий. – СПб.: типо-литография Н.Л. Ныркина, 1912. – 65 с.

12. Местная хроника // Калужские губернские ведомости. – 1909. – № 108. – 13 октября. – С. 3.

13. Местная хроника // Калужские губернские ведомости. – 1909. – № 109. – 15 октября. – С. 3.

14. Местная хроника // Калужские губернские ведомости. – 1909. – № 110. – 17 октября. – С. 3.

15. Местная хроника // Калужские губернские ведомости. – 1909. – № 120. – 12 ноября. – С. 3.

16. Открытие земского собрания // Калужский курьер. – 1909. – № 140. – 12 декабря. – С. 2.

17. Панасюк, В.В. Организация первых местных сельскохозяйственных выставок в Калужской губернии в начале XX в. (по материалам центральной периодической печати) / В.В. Панасюк // Альманах Казачество. – 2025. – № 89 (8). – С. 287 – 296.

18. Помощь хуторянам // Калужский курьер. – 1909. – № 142. – 17 декабря. – С. 2.

19. Помощь хуторянам (из зала губернского земского собрания) // Калужский курьер. – 1909. – № 143. – 19 декабря. – С. 2.

20. Трухачев, С.Ф. Доклад и. об. непременного члена Калужской губернской землеустроительной комиссии Сергея Федоровича Трухачева, представленный особому совещанию, созванному г. губернатором по телеграмме г. министра внутренних дел о постановке дела агрономической помощи единоличным хозяйствам Калужской губернии, при участии земства / С.Ф. Трухачев // Калужские губернские ведомости. – 1909. – № 123. – 19 ноября. – С. 3.

21. Тюкавкин, В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа / В.Г. Тюкавкин. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 304 с.

22. Циркуляр гг. губернаторам по Канцелярии Комитета по Землеустроительным Делам от 25 апреля 1908 года, №15. О показательных хуторских хозяйствах // Известия Главного управления землеустройства и земледелия. – 1908. – № 19. – 11 мая. – С. 372–374.

23. Циркулярная телеграмма министра внутренних дел губернским и уездным предводителям дворянства, от 19 сентября 1909 г. за № 1565 // Известия Главного управления землеустройства и земледелия. – 1909. – № 44. – 1 ноября. – С. 979–980.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(470.318)"1906/1915":631.15

В.В. Панасюк, М.А. Штепа

СЛУЖЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АГРОНОМА АНАТОЛИЯ ГОДИСЛАВОВИЧА МИЛЬКОВСКОГО В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД СТОЛЫПИНСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ НАЧАЛА XX в.

Объектом исследования настоящей работы является внутренняя политика Российской империи в предреволюционное время, предметом изучения – служебная деятельность агронома Анатолия Годиславовича Мильковского в Калужской губернии в период столыпинских преобразований начала XX в. Методологическую основу статьи составляют принципы историзма, системности, научной объективности, а также общенаучные (анализ, синтез и пр.) и специально исторические (биографический, историко-сравнительный, проблемно-хронологический и др.) методы исследования. Источниковой базой публикации послужили материалы делопроизводственной документации, выявленные в Государственном архиве Калужской области, часть которых впервые вводится в научный оборот, а также материалы периодической печати и справочно-статистические издания. В статье приводятся данные, обосновывающие необходимость проведения аграрной реформы и оказания агрономической помощи единоличным домохозяйствам, представлены биографические данные А.Г. Мильковского, анализируется его профессиональный путь как агронома в Мещовской уездной и Калужской губернской землеустроительных комиссиях, приведены примеры форм организации агрономической работы специалиста. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке лекций и практических занятий по истории сельского хозяйства страны, написании учебных пособий и т.д.

Ключевые слова: столыпинские преобразования; агрономическая помощь; Калужская губерния; землеустроительный агроном; землеустроительная комиссия; единоличные домохозяйства.

V.V. Panasyuk, M.A..Shtepa

THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF AGRONOMIST ANATOLY GODISLAVOVICH MILKOVSKY IN THE KALUGA GUBERNIA DURING THE PERIOD OF STALLIN'S REFORMS IN THE EARLY 20TH CENTURY.

The object of study in this work is the domestic policy of the Russian Empire in the pre-revolutionary period; the subject of study is the professional activities of the agronomist Anatoly Godislavovich Milkovsky in the Kaluga Governorate during the period of Stolypin's reforms at the beginning of the 20th century. The methodological basis of the article consists of the principles of historicism, systematization, and scientific objectivity, as well as general scientific methods (analysis, synthesis, etc.) and specifically historical methods (biographical, historical-comparative, problem-chronological, etc.). The publication is based on materials from office documentation identified in the State Archive of the Kaluga Region, some of which are being introduced into scientific circulation for the first time, as well as materials from periodicals and reference and statistical publications. The article presents data substantiating the need to carry out agrarian reform and provide agronomic assistance to individual households, provides biographical data on A. G. Milkovsky, analyses his professional path as an agronomist in the Meshchovsky District and Kaluga Provincial Land Management Commissions, and gives examples of the forms of organizing the specialist's agronomic work. The research results can be used in preparing lectures and practical classes on the history of the country's agriculture, writing textbooks, etc.

Key words: Stolypin's reforms; agronomic assistance; Kaluga province; land management agronomist; land management commission; individual households.

Актуальность темы столыпинских аграрных преобразований в России в начале XX в. не оставляет никаких сомнений. Данная проблематика имеет богатую историографическую традицию, насчитывающую множество публикаций в научных кругах исследователей XX – начало XXI вв., предметом изучения которых стали различные аспекты аграрного реформирования как в общенациональном, так и на региональном уровнях [5;

6; 9; 11; 18; 24]. Вместе с тем одним из слабоизученных вопросов до настоящего времени остаётся анализ служебной деятельности агрономов землеустроительных комиссий, т.е. именно тех работников, кто непосредственно на местах реализовывали аграрную реформу, оказывая агрономическую помощь единоличным домохозяйствам. Одним из таких специалистов, в частности, являлся Анатолий Годиславович Мильковский, служебная деятельность которого на протяжении неполных трёх лет была связана с Калужской губернией. Раскрытию этого вопроса и посвящена настоящая статья.

Прежде чем приступить к анализу поднятой проблематики, рассмотрим вопрос о состоянии местного сельского хозяйства накануне столыпинских аграрных преобразований. Для этого обратимся к изданию «Статистический обзор Калужской губернии за 1901 год», подготовленного местным статистическим комитетом. Так, к началу XX в. в сельскохозяйственном секторе региона отчётливо наблюдались негативные тенденции его развития, которые свидетельствовали о кризисном состоянии. В крестьянском общинном хозяйстве практически повсеместно господствовала примитивная трёхпольная система севооборота, в то время как использование современной сельскохозяйственной техники и применение минеральных удобрений оставалось редким исключением. Скотоводство вследствие недостатка пастбищных угодий и кормовой базы находилось в упадке. Это усугублялось острым недостатком сельскохозяйственных знаний в основной массе крестьян, снижения в целом интереса к земле как источнику своего благосостояния. В результате, это привело к широкому распространению в местной деревне такого явления как активное развитие отхожих неземледельческих промыслов, значение которых в хозяйственной деятельности крестьян постепенно увеличивалось [21, с. 1]. Всё это вместе взятое отчётливо свидетельствовало о необходимости со стороны властей перейти к более активным действиям по решению обозначенных проблем, а также разработать и реализовать на практике комплексный подход по реформированию сельского хозяйства страны.

Новый этап в развитии аграрной политики российского правительства в начале XX в. традиционно в историографии связывают с именем председателя Совета министров П.А. Столыпина. Так, одним из ключевых инструментов начавшейся аграрной реформы стала деятельность губернских и уездных землеустроительных комиссий на местах, образованных указом императора Николая II от 4 марта 1906 г. Они находились в ведомственном подчинении Главного управления землеустройства и земледелия (далее – ГУЗиЗ), были наделены различными функциями, одной из которых являлось «содействие сельским обществам в улучшении условий землевладения и порядков землепользования и в установлении более совершенных спосо-бов ведения хозяйства на надельных зем-лях» [10, с. 1]. Так, одной из первых в Калужской губернии в апреле 1907 г. была учреждена Мещовская уездная землеустроительная комиссия [1, л. 4 об.]. А спустя год в центральной газете «Сельский вестник» появилось сообщение о том, что «в Калуге, 1 апреля, губернатором, после молебствия, открыта губернская земле-устроительная комиссия» [8, с. 3].

3 ноября 1909 г. на заседании Калужской губернской землеустроительной комиссии было принято постановление о приглашении агрономов в ведомственные комиссии. Это решение было продиктовано тем обстоятельством, что к концу года в регионе появилось несколько центров хуторского расселения – в Калужском, Козельском, Медынском, Мосальском и Пе-ремышльском уездах [17, с. 132]. На следующий день 4 ноября 1909 г. на совещании в г. Калуге, созванного по инициативе губернатора С.Д. Горчакова, где обсуждался вопрос о постановке земской агрономической помощи хуторянам, глава региона прямо заявил: «агрономы в комиссию приглашены потому, что хутора уже существуют. У меня уже есть сведения, что некоторые гибнут, нужна им немедленная помощь…» [7, с. 3].

В материалах личного дела агронома А.Г. Мильковского, хранящегося в фонде «Калужская губернская землеустроительная комиссия» Государственного архива Калужской области, содержатся ценные данные личного характера специалиста и сведения о его служебной деятельности. Так, из материалов личного дела следует, что 1 февраля 1913 г. А.Г. Мильковский обратился с прошением на имя калужского губернатора С.Д. Горчакова для рассмотрения его кандидатуры на замещение новой должности – агронома губернской землеустроительной комиссии. Соискатель на редкость для того времени имел три профильных образования. Так, он окончил Московскую земледельческую шко-

лу – старейшее среднее специальное учебное заведение России, а высшее образование получил в сельскохозяйственном институте при Лейпцигском университете в Германии и Московском сельскохозяйственном институте (далее – МСХИ), являвшемся к началу XX в. главной кузницей кадров для аграрного сектора экономики страны. А.Г. Мильковский имел большой опыт практической работы, в частности, был управляющим в имениях Е.И. Чертковой Воронежской губернии, а также работал в этой же должности у графа Гогенталь в саксонском Бергене и пр. На момент подачи прошения А.Г. Мильковский являлся помощником редактора «Журнала землепашца», а также имел дружеские знакомства с чиновниками высокого ранга ГУЗиЗ П.П. Зубовским, Б.Н. Демчинским и А.П. Афанасенко, что для специалиста, претендующего на должность губернского землеустроительного агронома, могло иметь большое значение для завязывания деловых отношений [4, лл. 1–2].

Обратим также внимание, что на сайте «Архивный поиск по Москве и Московской области» приводятся ещё личные данные о А.Г. Мильковском. Известно, что он родился в 1882 г. в семье московских потомственных дворян, его отец – Мильковский Годислав Иванович, мать – Анна Валентиновна Мильковская. В Московской земледельческой школе он учился на протяжении 7 лет, закончив учебное заведение в 1903 г. [20].

Далее, перейдем непосредственно к анализу служебной деятельности А.Г. Мильковского в Калужской губернии. Так, в конце февраля 1913 г. он направил письмо непременному члену губернской землеустроительной комиссии С.Ф. Трухачеву, из которого следует, что автор письма готов занять должность агронома Мещовской уездной землеустроительной комиссии на временной основе с последующим переводом на должность губернского землеустроительного агронома. Однако А.Г. Мильковский выражал большую обеспокоенность тем обстоятельством, что распространение информации о его соискательстве на более высокую административную должность может негативно отразиться на его личных и деловых взаимоотношениях с коллегами уездными агрономами. Поэтому, обращаясь к С.Ф. Трухачеву, он просил не разглашать о своём соискательстве. Так на письме появилась отметка «секретно». Позже калужский губернатор С.Д. Горчаков затребовал от подчинённых лиц «сведения о наличии благонадежности А.Г. Мильковского» [4, л. 3].

Вскоре из канцелярии губернатора последовал ответ в Калужскую губернскую землеустроительную комиссию, что А.Г. Мильковский «ни в чём предосудительном, как в нравственном, так и в политическом отношении не замечался» [4, л. 10]. Далее, 27 марта 1913 г. приказом калужского вице-губернатора В.А. Оленина временно исполнять обязанности агронома Мещовской уездной землеустроительной комиссии было поручено А.Г. Мильковскому. Спустя почти два месяца он был утверждён в этой должности на постоянной основе с местопребыванием в г. Мещовске [4, лл. 7, 11]. Заняв новую должность, А.Г. Мильковский пришёл на смену А.Г. Фофанову, выполнявшего обязанности агронома в 1911–1913 гг., который перевёлся в Медынскую уездную землеустроительную комиссию [3, лл. 6, 32].

Отметим, что замещение должности агронома землеустроительной комиссии не считалось равным прохождению государственной службы в Российской империи, а осуществлялось по вольному найму, т.е. должность агронома относилась к техническому составу комиссии наряду, например, с землемерами [10, л. 13]. В то время как должность непременного члена уездной землеустроительной комиссии, осуществлявшей организацию и контроль землеустроительных работ в уезде, являлась должностью государственной, имеющей свои привилегии. Тем временем, в июне 1913 г. Особое совещание при Калужской губернской землеустроительной комиссии при составлении сметы расходов на 1914 г. приняло следующее решение: «Озабочиваясь организацией более устойчивого персонала агрономов, что необходимо при развитии столь важного дела, как агрономическая помощь единоличным владельцам, высказалось за необходимость предоставления агрономам прав государственной службы с увеличением содержания до 1800 руб. в год, … и установить периодические прибавки за каждые 3 года службы – 10% получаемого содержания …» [23, с. 2].

В период с 13 по 17 сентября 1913 г. в губернской столице проводилась ежегодная осенняя сельскохозяйственная выставка, организованная Калужским обществом сельского хозяйства. В этом году она имела отличительную особенность. Впервые здесь был представлен хуторской отдел, где экспонировалась продукция единоличных домохозяйств

из различных мест региона. Приведём примеры по Мещовскому уезду. Так, хуторянин А.Н. Потапов представил посетителям выставки выращенную капусту, свеклу, морковь, редьку, томаты; братья С. и И. Калачевы представили образцы льна; братья Б.А. Лозовых – семена и растения овса, ржи, гречихи, картофеля и др. Интересно, что экспертная комиссия выставки наградила братьев Б.А. Лозовых похвальными листами от Калужского общества сельского хозяйства. Мещовский агроном А.Г. Мильковский продемонстрировал перед публикой образцы разбросного, ленточного и рядового посевов с показательных полей хуторян, семена с опытных делянок, наглядные таблицы с результатами достижений на показательных полях единоличников, привел примеры севооборота на общинных и хуторских участках, представил фотографии хуторов. За активное участие в работе выставке А.Г. Мильковскому была объявлена благодарность от ГУЗиЗ [14, с. 2].

Проработав Мещовским уездным землеустроительным агрономом больше полугода, А.Г. Мильковский с 1 января 1914 г. ушёл на повышение – назначен на должность агронома Калужской губернской землеустроительной комиссии [4, л. 12]. В его задачи входило общее руководство агрономическим персоналом региона, состоящего из уездных землеустроительных агрономов, агрономических старост и других специалистов, составление плана оказания агрономической помощи единоличным домохозяйствам в губернии, контроль за его исполнением и др. [22, с. 47; 19]. Так, в январе 1914 г. исполняющий обязанности помощника непременного члена губернской землеустроительной комиссии В.К. Томашев направил письмо в Калужскую уездную землеустроительную комиссию, в котором разъяснял статус нового губернского агронома: «… при посещениях Мильковским уездной комиссии, для ознакомления с ходом дела по осуществлению отчётности агрономических мероприятий, оказывать ему содействие к сему, а агроному уездной комиссии предложить – давать Мильковскому на все предлагаемые им лично вопросы и в порядке переписки ответы, относящиеся к агрономическому делу» [4, л. 14].

В конце июля 1914 г. Россия вступила в новый политический конфликт глобального масштаба – Первую мировую войну, которая стала тяжёлым, судьбоносный периодом в развитии нашей страны. Это совпало с временем пребывания А.Г. Мильковского в должности Калужского губернского землеустроительного агронома. К сожалению, в материалах его личного дела не обнаружено никаких сведений о профессиональной деятельности специалиста в условиях военного конфликта. В тоже время из материалов личного дела следует, что А.Г. Мильковский проработал в должности губернского землеустроительного агронома непродолжительный срок – менее 1,5 лет. В конце февраля 1915 г. он подал на имя губернатора прошение об отставке, мотивируя свое решение резким ухудшением состояния здоровья. Вице-губернатор В.А. Оленин на прошении сделал следующую запись: «Предоставить отпуск на один месяц, а с 1 апреля отдать приказ об увольнении в отставку» [4, л. 15]. Так и было сделано, а спустя три месяца после увольнения агронома в июле 1915 г. из губернской землеустроительной комиссии в канцелярию калужского губернатора Н.С. Ченыкаева поступило секретное донесение. В документе имеется запись о том, что «неблагоприятных сведений о личности Мильковского в делопроизводстве губернской комиссии не имеется» [4, л. 21].

Краткие сведения о служебной деятельности А.Г. Мильковского в Калужской губернии приводятся в различных справочно-статистических сборниках предреволюционного времени. Так, фамилия этого специалиста упоминается среди служащих Мещовской уездной землеустроительной комиссии в провинциальном издании «Памятной книжке и адрес-календаре Калужской губернии на 1914 год», в справочнике Департамента земледелия «Местный агрономический персонал, состоявший на правительственной и общественной службе 1 января 1914 г.» Здесь было также указано, что А.Г. Мильковский закончил МСХИ в 1911 г. [5, с. 124; 12, с. 121] В изданиях «Местный агрономический персонал, состоявший на правительственной и общественной службе 1 января 1915 г.» и «Памятной книжке и адрес-календаре Калужской губернии на 1915 год» А.Г. Мильковский представлен в статусе губернского землеустроительного агронома, проживавшего в г. Калуге [13, с. 128; 16, с. 29].

В заключение настоящей работы отметим следующее. Анализ служебной деятельности агронома А.Г. Мильковского в Калужской губернии, несмотря на непродолжительный период его пребывания здесь, представляет собой интересный с исследовательской

точки зрения пример изучения на микроуровне столыпинских аграрных преобразований начала XX в. Привлечение архивных материалов и других исторических источников, раскрывающих повседневную жизнь А.Г. Мильковского на профессиональном поприще в изучаемом регионе, расширяют представления исследователей о тех специалистах, кто связал свою судьбу с сельским хозяйством в сложный, неоднозначный период его реформирования предреволюционной России.

Список литературы:

1. Государственный архив Калужской области (далее – ГАКО). Ф. 430. Оп. 1. Д. 453.
2. ГАКО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 10.
3. ГАКО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 15.
4. ГАКО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 64.
5. Давыдов, М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина / М.А. Давыдов. – СПб.: Алетейя, 2014. – 784 с.
6. Дубровский, С.М. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века / С.М. Дубровский. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – 599 с.
7. Журнал особого совещания, созванного г. губернатором по телеграмме г. министра внутренних дел, о постановке дела агрономической помощи единоличным хозяйствам в Калужской губернии при участии земства 4 сего ноября // Калужские губернские ведомости. – 1909. – № 122. – 17 ноября. – С. 3–4.
8. Землеустройство // Сельский вестник. – 1906. – № 79. – 4 апреля. – С. 3.
9. Зоркова, Н.Н. Столыпинская аграрная реформа в Мордовском крае (1906–1914) / Н.Н. Зоркова – Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве республики Мордовии, 2023. – 160 с.
10. Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату // Правительственный вестник. – 1906. –№ 54. – 8 марта. – С. 1.
11. Лосицкий, А.Е. Распадение общины до указа 9 ноября. Укрепление наделов в личную собственность. Выходы на хутора и отруба / А.Е. Лосицкий. – СПб.: типо-литография Н.Л. Ныркина, 1912. – 65 с.
12. Местный агрономический персонал, состоявший на правительственной и общественной службе 1 января 1914 г. Справочник. – Пг.: типография В.Ф. Киршбаума, 1914. – 576 с., прил.
13. Местный агрономический персонал, состоявший на правительственной и общественной службе 1 января 1915 г. Справочник. – Пг.: типография В.Ф. Киршбаума, 1915. – 565 с., прил.
14. Обзор XXI очередной выставки Калужского общества сельского хозяйства, бывшей с 13 по 17 сентября 1913 г. в г. Калуге // Калужские губернские ведомости. – 1913. – № 84. – 2 ноября. – С. 2.
15. Памятная книжка и адрес календарь Калужской губернии на 1914 год / Под ред. Ф.Ф. Кадобнова. – Калуга: типо-литография губернского правления, 1914. – 420 с.
16. Памятная книжка и адрес календарь Калужской губернии на 1915 год. – Калуга: типо-литография губернского правления, 1915. – 289 с.
17. Панасюк, В.В. Отношение земских учреждений Калужской губернии к столыпинской аграрной реформе / В.В. Панасюк // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 7 (33). Часть II. – С. 131 – 136.
18. Петровичева, Е.М. Агрономическая помощь Владимирского земства населению в годы столыпинской аграрной реформы / Е.М. Петровичева // Вестник Костромского государственного университета. – 2024. – Том 30. – № 2. – С. 7–14.
19. План агрономических мероприятий в районах землеустройства на 1914 год по Калужской губернии. – Калуга: типография губернского правления, 1914. – 99 с.
20. Список выпускников Московской земледельческой школы. URL: http://www.genarh.ru/Mosk_zeml_shkola.html (дата обращения 15.05.2026)
21. Статистический обзор Калужской губернии за 1901 год. – Калуга: типография Калужского губернского правления, 1902. – 44 с., прил.

22. Статистический обзор Калужской губернии за 1914 год. – Калуга: типо-литография губернского правления, 1915. – 52 с., прил.

23. Трухачев, С.Ф. Агрономическая помощь хозяйствам единоличного владения на 1914 год / С.Ф. Трухачев // Калужские губернские ведомости. – 1913. – № 56. – 27 июля. – С. 2.

24. Тюкавкин, В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа / В.Г. Тюкавкин. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 304 с.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(470.318)“1945/1953”:343.16

А.Ю. Панферова
Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А. В. Штепа

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В РСФСР В 1945–1953 ГГ.

В статье анализируется современное состояние историографии органов советской прокуратуры в первое послевоенное десятилетие (1945–1953 гг.). Рассматриваются основные направления исследований: организационно-правовые основы деятельности, кадровый состав, борьба с преступностью. На основе материалов Государственного архива Калужской области и региональной историографии раскрывается специфика становления и деятельности прокуратуры Калужской области в указанный период. Выявляются слабоизученные аспекты проблемы, требующие дальнейшего исследования.

Ключевые слова: историография; органы прокуратуры; Калужская область; послевоенный период; поздний сталинизм; прокурорский надзор; региональная история.

A.Y. Panferova
Scientific supervisor – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor A.V. Shtepa

HISTORIOGRAPHICAL ASPECTS OF STUDYING TERRITORIAL PROSECUTOR'S OFFICES IN THE RSFSR IN 1945–1953

The article analyzes the current state of historiography of the Soviet prosecutor's offices in the first post-war decade (1945–1953). The main research areas are considered: organizational and legal foundations of activity, personnel composition, fight against crime. Based on materials from the State Archive of the Kaluga Region and regional historiography, the specifics of the formation and activity of the prosecutor's office of the Kaluga Region in the specified period are revealed. The understudied aspects of the problem requiring further research are identified.

Keywords: historiography; prosecutor's offices; Kaluga region; post-war period; late Stalinism; prosecutorial supervision; regional history.

История советской прокуратуры в послевоенный период длительное время оставалась на периферии исследовательского внимания. Как справедливо отмечает современный исследователь, кандидат исторических наук В.В. Фролов, автор нескольких статей, посвящённых анализу отечественной историографии проблемы функционирования органов прокурорского надзора [20; 21], с крушением Советского Союза у юристов, историков, необоснованно, но несколько снизился интерес к советскому периоду в деятельности прокуратуры нашей страны [21, с. 176]. Между тем, как подчёркивает исследователь, чтобы успешно реализовывать проводимые в России реформы, затрагивающие не только правоохранительные органы, но и всю судебно-правовую систему в целом, «необходим не только поиск новых идей, но и использование государственно-правовых традиций прошлого, в том числе советского периода» [20, с. 190].

Следует подчеркнуть, что без использования государственно-правовых традиций и историко-правового наследия нельзя создать по-настоящему эффективную современную модель государственного аппарата.

Историографический анализ проблемы позволяет выделить несколько ключевых направлений исследований, сформировавшихся в отечественной науке.

Первое направление представлено фундаментальными обобщающими трудами по истории прокуратуры СССР. Известно, что правовой статус прокуратуры определялся Положением о Прокуратуре Союза ССР от 17 декабря 1933 г., которое оставалось основополагающим документом и в послевоенные годы. В марте 1946 г. должность Прокурора СССР получила наименование Генеральный прокурор СССР, что отражало общую тенденцию к унификации государственных институтов [23, с. 28].

Ещё в 1945 году М.В. Кожевников защитил докторскую диссертацию «История советской прокуратуры» [11], заложив основы для дальнейших исследований. В одной из своих работ учёный отстаивал точку зрения о

том, что роль советской прокуратуры в целом и в период послевоенного восстановления хозяйства «правопорядка заключается в осуществлении высшего надзора за точным исполнением законов» [10, с. 11].

В 1970–1980-е годы появились коллективные монографии, в частности «Советская прокуратура: история и современность» и «Советская прокуратура» под редакцией А.М. Рекункова [13] и «Советская прокуратура: История и современность», в которой главным редактором выступил Р.А. Руденко [14]. Эти работы, несмотря на идеологическую обусловленность, содержат богатый фактологический материал о становлении и развитии прокурорских органов.

Как уже было сказано ранее, в течение длительного времени история территориальных органов прокуратуры оставалась на периферии исследовательского внимания. Основные причины этого – закрытость архивных фондов, идеологическая ангажированность и приоритетное изучение центральных органов надзора. Однако в постсоветский период ситуация кардинально изменилась: расширение источниковой базы позволило перейти к комплексному изучению региональной специфики прокурорской деятельности.

Второе направление составляют диссертационные исследования, непосредственно посвящённые территориальным органам прокуратуры. Здесь следует выделить работу С.С. Бобровского [4] и Кирячева М.В. [9], защищённые в Курске соответственно в 2003 и 2006 годах на материалах Центрального Черноземья. Автор первого исследования анализирует процесс становления территориальных органов прокуратуры Воронежской, Курской и Тамбовской областей в 1934–1953 гг., уделяя особое внимание материально-техническому оснащению, кадровой политике и организационным проблемам [4]. В свою очередь М.В. Кирячев делает в своей диссертации тоже самое, только в ином хронологическом отрезке – 1953–1964 гг., акцентируя внимание, в частности на улучшение качественного уровня работников советской прокуратуры во второе послевоенное десятилетие. Так, согласно приводимым исследователем данным, в Тамбовской области за период с 1954 до 1961 г. доля работников прокуратуры, имевших высшее образование выросло с 41% до 72%, а в Воронежской области – с 42% до 81% [9, с. 16].

Значительный вклад в изучение региональных аспектов проблемы внёс уже упоминавшийся ранее В.В. Фролов, защитивший в 2015 году диссертацию о становлении и деятельности прокуратуры Псковской области в 1944–1955 гг. Исследование основано на широком круге архивных источников и позволяет реконструировать процесс создания псковской областной прокуратуры в условиях послевоенного восстановления [17].

Если опять же остановится на проблеме укомплектованности псковской областной прокуратуры кадрами в изучаемый В.В. Фроловым период, то можно, основываясь на данных, приводимых автором утверждать, что в конце 1940-х гг. недоукомплектованность оперативного штата работников органов прокуратуры Псковской области составляла (от двух до восьми человек: 2,5% – 8,8%); в центральном аппарате областной прокуратуры в 1945–1947 гг. юридическое образование было только у 25% сотрудников, а в районных прокуратурах – у 28,4%. Однако в следующее десятилетие эти проблемы удалось существенно исправить, по сравнению с 1949 г., когда юридическое образование имели 55% работников прокуратуры Псковской области, к 1955 г. таких насчитывалось уже 88% [17, с. 16].

В тоже время в своих статьях В.В. Фролов исследует различные аспекты, связанные с функционированием советской прокуратуры, среди них – организационная структура региональных прокуратур РСФСР в 1945–1955 гг., борьба следственных органов советской прокуратуры со взяточничеством в период «позднего сталинизма» и др. [18; 19].

Следует подчеркнуть, что упомянутые выше диссертационные исследования одни из немногих выявленных нами современных диссертационных работ, специально посвященных деятельности региональных прокуратур в первое послевоенное десятилетие. В этой связи отметим ещё одно близкое по затрагиваемому хронологическому отрезку диссертационное исследование И.Д. Шмит, посвящённое истории образования и развития органов прокуратуры в Туве в 1935 – 1961 гг. [24].

Третье направление связано с изучением роли прокуратуры в борьбе с преступностью в послевоенный период. В современ-

ной России по этой проблематике были кандидатские защищены диссертации А.С. Беркутовым на материалах Молотовской области в 1945 – 1953 гг. (г. Молотов, ныне – Пермь) [2], А.П. Бескоровайным на материалах послевоенного ССР в целом [3].

Докторская диссертация С.А. Федина (2012), выполненная на материалах Нижнего Поволжья, посвящена историческому опыту разработки и реализации государственной политики по борьбе с уголовной преступностью в 1945–1953 гг. В работе анализируются проблемы кадрового состава прокуратуры (низкий образовательный уровень сотрудников, недостаточная штатная численность), деформации принципа законности, а также трудности в осуществлении надзора за следствием и судами [16].

В свою очередь И.В. Говоров в пятой главе своей докторской диссертации, посвящённой участию органов уголовной юстиции Ленинграда и области в борьбе с преступностью, характеризует содержание работы прокуратуры в послевоенные годы, анализирует практику уголовного судопроизводства и её результативность, оценивает возможности реального воплощение права граждан на защиту» [7].

Четвёртое направление – историко-правовые исследования, акцентирующие внимание на эволюции правовых основ деятельности прокуратуры. К.Ю. Балабан в своей работе 2011 года рассматривает правовые основы взаимодействия прокуратуры и судебной системы в 1922–1959 гг. [1]. В.Н. Струков в диссертации 2019 года прослеживает становление советской модели прокуратуры, включая оформление её как единой централизованной системы в 1933–1955 гг. [15].

Таким образом упомянутые исследования, проведённые на материалах Ленинграда, Центрального Черноземья, Псковской и Молотовской областей, Нижнего Поволжья и Тувы показывают, что региональные особенности существенно влияли на организацию работы, кадровый состав и эффективность деятельности прокуратуры. Однако комплексного исследования территориальных органов прокуратуры РСФСР в 1945–1953 гг. на региональном уровне до настоящего времени предпринималось недостаточно.

В связи с этим особый интерес представляет опыт Калужской области. Область была образована 5 июля 1944 г. Приказом Прокурора СССР от 27 июля 1944 г. № 777 первым прокурором Калужской области был назначен Василий Семенович Перов. 31 июля 1944 г. им был подписан приказ № 8, согласно которому с 1 августа 1944 г. областная прокуратура объявляется организованной [5, с. 101].

Становление прокуратуры Калужской области происходило в условиях завершающего этапа Великой Отечественной войны, когда приоритетными направлениями деятельности являлись: обеспечение обороноспособности фронта и прочности тыла; контроль функционирования промышленных предприятий и транспорта для точной и своевременной доставки армии боеприпасов, вооружения и продовольствия.

Особое внимание уделялось борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью. В соответствии с приказом исполняющего обязанности прокурора области Потапаева от 20 сентября 1944 г. прокурорам г. Калуги и Калужского района было запрещено давать разрешение на арест несовершеннолетних. Как отмечается в одной из работ, посвящённой краткой истории калужской прокуратуры «…санкции давались только прокурором области, а в его отсутствие – заместителем. Прокуроры остальных районов должны были немедленно осведомлять областную прокуратуру о санкциях на арест несовершеннолетних и принимать участие в их допросе для выявления организаторов детской преступности» [5, с. 102].

С момента образования прокуратуры Калужской области на заключительном этапе Великой Отечественной войны (август 1944 г. – май 1945 г.), следователи этого надзорного органа было закончено и направлено в суд 1458 уголовных дел. Государственные обвинители приняли участие в рассмотрении 1731 уголовного дела, опротестовали 36 незаконных приговоров, рассмотрели 2491 обращение граждан [5, с. 103]. Эти данные являются показателем эффективности работы системы прокуратуры Калужской области в первое послевоенное десятилетие.

В Государственном архиве Калужской области хранится фонд прокуратуры Калужской области (Ф. Р-1626), содержащий документы за 1944–2014 гг. В фонде представлены отделы: оперативного учёта, общего надзора, уголовно-судебный, гражданско-судебный, следственный, по надзору за рассмотрением в судах гражданских дел, по надзору за местами заключения, кадров. Ар-

хивные материалы включают приказы и распоряжения прокурора, протоколы коллегий и оперативных совещаний, отчёты о работе, доклады и обзоры о прокурорской и следственной работе, статистическую отчётность, переписку [8].

В 2002 г. была опубликована книга «Во имя закона и справедливости: история прокуратуры Калужской области» под редакцией Н.В. Солнцевой, ставшая важным источником по истории ведомства [6. Прокуратура Калужской области также ведёт активную работу по сохранению памяти о ветеранах прокуратуры, участниках Великой Отечественной войны [12].

Таким образом, современная историография органов советской прокуратуры в 1945–1953 гг. представлена преимущественно работами В.В. Фролова, Шеуджена Н.А. и Яблонского И.В., а также диссертационными исследованиями С.А. Федина и К.Ю. Балабана. Однако изучение региональной специфики территориальных органов прокуратуры РСФСР в рассматриваемый период остаётся недостаточным. Назрела необходимость в комплексном историческом исследовании территориальных органов прокуратуры с акцентом на региональную специфику, в том числе с использованием материалов Калужской области.

Список литературы:

1. Балабан, К.Ю. Правовые основы взаимодействия прокуратуры и судебной системы в советском государстве (1922–1959 годы): дис. … канд. юрид. наук / К.Ю. Балабан. – Саратов, 2011. – 27 с.

2. Беркутов, А.С. Борьба с уголовной преступностью в Молотовской области в послевоенные годы: 1945–1953 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.С. Беркутов. – Пермь, 2004. – 27 с.

3. Бескоровайный, А.П. Борьба с преступностью и обеспечение общественного порядка в послевоенном СССР: 1945–1953 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 /А.П. Бескоровайный. – М., 2008. – 17 с.

4. Бобровский, С.С. Становление и развитие территориальных органов прокуратуры СССР в Центральном Черноземье (1934–1953 годы): автореф. дис… канд. ист. наук: 07.00.02 / С.С. Бобровский Сергей Степанович. – Курск, 2003. – 27 с.

5. Бойков, А.А., Гульчак, А.П., Жуйко, А.И., Коротков, Н.В., Сингатуллин, И.А. Прокуратура Калужской области / А.А. Бойков, А.П. Гульчак, А.И. Жуйко, Н.В. Коротков, И.А. Сингатуллин // Патриотическое воспитание в современном обществе: традиции и задачи: сборник научных трудов по итогам I Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов «Патриотическое воспитание в современном обществе: традиции и задачи» (г. Саратов, 28 апреля 2023 г.) / [редкол.: С. А. Белоусов и др.]. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2024. – С. 97–103.

6. Во имя закона и справедливости: история прокуратуры Калужской области / ред. Н.В. Солнцева. – Калуга: Золотая аллея, 2002. – 159 с.

7. Говоров, И.В. Государство и преступность в Советской России 1945–1953 гг.: На материалах Ленинграда и Ленинградской области: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – СПб., 2004. – 43 с.

8. Государственный архив Калужской области. Ф. Р-1626. Прокуратура Калужской области (г. Калуга Калужской области). URL: https://archive.admoblkaluga.ru (дата обращения: 06.08.2026).

9. Кирячев, М.В. История территориальных органов прокуратуры СССР в 1953–1964 гг. (на материалах Центрального Черноземья): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / М.В. Кирячев. – Курск, 2006. – 20 с.

10. Кожевников, М.В. Пути развития советской прокуратуры / М.В. Кожевников // Учёные записки МГУ. – 1950. – № 147. – С. 17–145.

11. Кожевников, М.В. История советской прокуратуры: дис. … д-ра юрид. наук / М.В. Кожевников. – М., 1945. – 595 с.

12. Прокуратура Калужской области. О прокурорах – участниках Великой Отечественной войны. – URL: https://epp.genproc.gov.ru (дата обращения: 06.08.2026).

13. Советская прокуратура / Предисл. А.М. Рекункова]. – М.: Юрид. лит., 1982. – 350 с.

14. Советская прокуратура: История и современность / Гл. ред. Р. А. Руденко. – М.: Юрид. лит., 1977. – 286 с.

15. Струков, В.Н. Становление и развитие советской прокуратуры в 1917–1955 гг.: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.0 / В.Н. Струков. – Белгород, 2019. – 23 с.

16. Федин, С.А. Исторический опыт разработки и реализации государственной политики СССР по борьбе с уголовной преступностью в 1945–1953 годах: на материалах Нижнего Поволжья: автореф. дис. ... д-ра ист.: 07.00.02 / С.А. Федин. – Астрахань, 2012. – 51 с.

17. Фролов, В.В. Становление и деятельность органов прокуратуры Псковской области в 1944–1955 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.В. Фролов. – Псков, 2015. – 27 с.

18. Фролов, В.В. Борьба следственных органов советской прокуратуры со взяточничеством в период «позднего сталинизма» (1945–1953 гг.) / В.В. Фролов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – Т. 3. – С. 3251–3255.

19. Фролов, В.В. Организационная структура региональных прокуратур РСФСР в 1945–1955 гг. (по материалам прокуратуры Псковской области) / В.В. Фролов // История государства и права. – 2012. – № 2. – С. 24–27.

20. Фролов, В.В. Органы прокуратуры СССР в первое послевоенное десятилетие (1945–1955): советская историография проблемы / В.В. Фролов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 4 (10). – Ч. 1. – С. 189–193.

21. Фролов, В.В. Органы советской прокуратуры в первые послевоенные годы (1945–1955): современная историография проблемы / В.В. Фролов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 3 (9). – Ч. 3. – С. 176–179.

22. Фролов, В.В. Становление и деятельность органов прокуратуры Псковской области в 1944–1955 гг.: исторический аспект исследования / В.В. Фролов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 11. – С. 1–5.

23. Шеуджен, Н.А. Организационно-правовые основы деятельности советской прокуратуры в борьбе с преступностью в послевоенные годы / Н.А. Шеуджен, И.В. Яблонский // Общество и право. – 2011. – № 3. – С. 27–32.

24. Шмит, И.Д. История образования и развития органов прокуратуры в Туве: 1935–1961 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 5.6.1. / И.Д. Шмит. – Красноярск, 2021. – 22 с.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(470)“1945/1953”:343.16

А.Ю. Панферова
Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А.В. Штепа

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В РСФСР В 1945–1953 ГГ.

Статья посвящена характеристике источниковой базы изучения территориальных органов прокуратуры РСФСР в первое послевоенное десятилетие (1945–1953 гг.). Выделены и проанализированы основные группы источников: архивные фонды центральных и региональных органов прокуратуры, законодательные и подзаконные акты, делопроизводственная документация, статистические материалы и периодическая печать. Особое внимание уделено региональным архивным фондам, в частности документам прокуратуры Калужской области, хранящимся в Государственном архиве Калужской области. Определены перспективные направления дальнейшего источниковедческого исследования проблемы.

Ключевые слова: исторический источник; архивный фонд; прокуратура; РСФСР; послевоенный период; делопроизводственная документация; региональная история; Калужская область.

A.Y. Panferova
Scientific supervisor – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor A.V. Shtepa

THE SOURCE BASE FOR THE STUDY OF TERRITORIAL AUTHORITIES THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE RSFSR IN 1945-1953.

The article is devoted to the characterization of the source base for the study of the territorial bodies of the RSFSR in the first post-war decade (1945-1953). The main groups of sources have been identified and analysed: archival funds of central and regional prosecutorial bodies, legislative and subordinate acts, office documentation, statistical materials, and periodicals. Special attention is paid to regional archival funds, in particular to the documents of the Kaluga Region prosecutor’s office, stored in the State Archive of the Kaluga Region. Promising directions for further source-based research into the problem have been identified.

Keywords: historical source; archival fund; prosecutor’s office; RSFSR; post-war period; office documentation; regional history; Kaluga Region.

Обращение к историческому опыту функционирования советской прокуратуры в послевоенный период обусловлено не только научным интересом, но и практической значимостью: как справедливо отмечает современный исследователь В.В. Фролов «для успешного решения стоящих перед государством задач требуется не только поиск новых идей, но и активное использование государственно-правовых традиций и исторического багажа прошлых лет, без которых просто нельзя создать современную эффективно функционирующую модель государственного аппарата» [22, с. 3]. Не вызывает сомнений, что изучение территориальных органов прокуратуры РСФСР в 1945–1953 гг. невозможно без системного анализа источниковой базы, позволяющей реконструировать как правовые основы деятельности ведомства, так и повседневные практики его региональных подразделений.

Следует подчеркнуть, что специфика источниковой базы по истории территориальных органов советской прокуратуры исследуемого периода определяется несколькими немаловажными обстоятельствами. Во-первых, значительная часть документов длительное время находилась на секретном хранении. Во-вторых, многие фонды региональных прокуратур были сформированы лишь в постсоветский период. В-третьих, источники рассредоточены по центральным и региональным архивам, что затрудняет их комплексное изучение. Тем не менее современный уровень рассекречивания архивных материалов позволяет перейти к полноценному источниковедческому анализу проблемы.

Основную группу источников составляют архивные документы, отложившиеся в соответствующих фондах органов прокуратуры СССР. Центральным хранилищем документов прокурорского надзора

исследуемого периода является Государственный архив Российской Федерации, в котором сосредоточен фонд Прокуратуры РСФСР (Ф. А-461). В этом фонде, включающем 9 описей и 57 773 единицы хранения за 1936–1974 гг., отложились документы секретариата, канцелярии, отдела общего надзора, следственного отдела, отдела по надзору за следствием в органах государственной безопасности, уголовно-судебного отдела, особого отдела, отдела по надзору за местами лишения свободы и других структурных подразделений [15]. Здесь отложились справки по борьбе с особо опасными преступлениями и следственной работе по ним, о состоянии следственной работы на местах и о привлечении общественности к борьбе с преступностью, справки о работе местных прокуратур по специальным делам и о рассмотрении жалоб на действие органов государственной безопасности и милиции, о нарушении законности в местах заключения и содержания заключенных и проверках мест заключения и т.п. Особую ценность для исследования представляют приказы и распоряжения Прокурора РСФСР за 1939–1968 гг. (описи 8, 10–12 (7193 ед. хр.)), доклады о работе прокуратур автономных республик, краёв и областей, а также надзорные производства – документы по пересмотру обвинительных приговоров в порядке прокурорского надзора. Особую ценность представляют надзорные производства – документы по пересмотру обвинительных приговоров в порядке прокурорского надзора или по жалобам осуждённых и их родственников (оп. 1–4, 9; 50 580 ед. хр.) [15]. Анализ этих материалов позволяет проследить основные направления деятельности прокуратуры в послевоенный период: надзор за законностью, борьбу с хищениями социалистической собственности, пресечение взяточничества, контроль за соблюдением прав граждан [23].

Региональные архивные фонды составляют второй, не менее значимый пласт источниковой базы. Документы территориальных органов прокуратуры хранятся в государственных архивах субъектов Российской Федерации. Так, в Государственном архиве Калужской области представлен фонд прокуратуры Калужской области (Ф. Р-1626), содержащий документы с 1944 г. по настоящее время [5]. В его составе выделяются отделы: оперативного учёта, общего надзора, уголовно-судебный, гражданско-судебный, следственный, по надзору за рассмотрением в судах гражданских дел, по надзору за местами заключения, кадров [5]. Архивные материалы включают приказы и распоряжения прокурора, протоколы коллегий и оперативных совещаний, отчёты о работе, доклады и обзоры о прокурорской и следственной работе, статистическую отчётность, переписку, материалы по жалобам и реабилитации репрессированных в 1930–1950-е гг., реабилитационные дела (оп. 1р), акты приёма-сдачи дел при смене руководства. Всего в фонде насчитывается 9 867 дел за 1944–2014 гг. [5]. Кроме того, в ГАДНИКО Калужской области сохранился фонд первичной партийной организации народного суда и прокуратуры Боровского района (1943–1964 гг.) [4].

Эти документы позволяют реконструировать процесс становления прокуратуры Калужской области, образованной 5 июля 1944 г., и её деятельности в первые послевоенные годы [2, с. 101].

Аналогичные фонды имеются в архивах других областей РСФСР. В частности, в Государственном архиве Псковской области хранятся документы прокуратуры Псковской области, на основе которых В.В. Фроловым было проведено исследование организационной структуры и основных направлений деятельности региональной прокуратуры в 1945–1955 гг. [20; 21; 22]. В Государственном архиве Тамбовской области сохранились документы прокуратуры Тамбовской области, в том числе приказ прокурора РСФСР № 5/118с от 26 декабря 1945 г. «О работе прокуратуры Тамбовской области по надзору за органами милиции». Этот документ представляет собой интересный пример ведомственного контроля за нижестоящими органами и позволяет увидеть реальные проблемы в работе прокуратуры и милиции в первые послевоенные годы [11].

В ряде региональных архивов сохранились годовые статистические отчёты о работе прокуратуры. Например, в Историческом архиве Омской области в фонде прокуратуры Омской области (Ф. Р-3067) за 1945–1953 гг. отложились годовые статистические отчёты (Ф-1), документы проверок прокуратуры вышестоящей прокуратурой (акты ревизий, справки), а также приёмо-сдаточные акты, составляемые при смене прокурора [6]. В Тобольском архиве сохранились фонды 8 районных прокуратур на 823 ед. хр. за 1921–1994 гг., в том числе транспортной прокуратуры Тобольского участка Нижне-Иртышского бассейна (562 ед. хр. за 1945–

1954 гг.), Вагайской районной прокуратуры (41 ед. хр. за 1931–1951 гг.), Уватской районной прокуратуры (54 ед. хр. за 1933–1954 гг.) и Ярковской районной прокуратуры (5 ед. хр. за 1945–1950 гг.) [7].

Третью группу источников образуют законодательные и подзаконные акты, определявшие правовой статус прокуратуры. Базовым документом являлось Положение о Прокуратуре Союза ССР от 17 декабря 1933 г., которое сохраняло силу и в послевоенный период [10; 23, с. 27].

Отметим, что в конце войны и, в частности, в первые годы существования калужской прокуратуры, правоохранители руководствовались в своей деятельности Распоряжением прокурора области от 28.08.1944 г., которым было установлено исполнение следующих приказов Прокурора СССР:

– от 03.02.1943 № 6/с «О постоянном надзоре за неуклонным выполнением законов, охраняющих интересы семей защитников Родины» [12];

– от 29.04.1943 № 23 «Об усилении борьбы с фактами расхищения имущества колхозов, МТС и совхозов;

– от 17.03.1944 № 66/с «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров» [1, с. 116];

– от 01.07.1944 № 159 «Об усилении борьбы с дезертирством с предприятий военной промышленности» [13];

– от 12.07.1944 о надзоре органов прокуратуры за исполнением Указа Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 [14].

Законом от 19 марта 1946 г. должность Прокурора СССР была переименована в должность Генерального прокурора СССР [23, с. 28]. Важное значение имеют ведомственные приказы и инструкции Генерального прокурора СССР и Прокурора РСФСР. Среди них – приказ Генерального прокурора СССР «Об усилении общего надзора за точным исполнением законов» от 17 июля 1946 г., приказ «О введении участковой системы работы следователей» от 18 июля 1949 г., письмо Генерального прокурора СССР Г.Н. Сафонова следователям и районным прокурорам от 15 июля 1948 г. [16]. Эти документы, несмотря на «дежурный» характер многих предписаний, позволяют реконструировать приоритетные направления деятельности прокуратуры и выявить системные проблемы, такие как низкое качество следствия, волокита по уголовным делам, нехватка квалифицированных кадров [23, с. 28].

Четвёртую группу составляют статистические и отчётные материалы. В фондах прокуратуры имеются сводные статистические отчёты о работе, сведения об амнистии 27 марта 1953 г., штатные расписания, данные о движении уголовных дел [15]. Эти источники позволяют количественно оценить объём работы прокуратуры, эффективность надзорной деятельности и динамику преступности в региональном разрезе.

Особого внимания заслуживают документы кадрового делопроизводства, содержащиеся в архивах как центральной, так и региональных прокуратур. Эти материалы включают личные дела сотрудников, приказы о назначениях и перемещениях, аттестационные листы, характеристики. Как отмечает Н.И. Сивцев, после войны в СССР «многие работники прокуратуры не имели юридического образования и испытывали трудности в работе» [17, с. 279], поэтому в конце 1940-х годов была создана система подготовки и воспитания кадров для прокуратуры, основанная на советской идеологии. Изучение кадровых документов позволяет реконструировать социальный портрет прокурорских работников, выявить проблемы комплектования и профессиональной подготовки кадров.

Важным дополнением к архивным источникам служит периодическая печать. Газеты и журналы послевоенного периода, в том числе региональные издания, освещали деятельность органов прокуратуры в контексте борьбы с преступностью, укрепления законности и социалистической правопорядка. Особую ценность представляют ведомственные издания, такие как «Социалистическая законность», публиковавшие статьи о передовом опыте, критику недостатков и методические материалы.

Наконец, к источникам можно отнести воспоминания и мемуары ветеранов прокуратуры. Хотя этот вид источников требует особой критической оценки, они позволяют восполнить пробелы в официальной документации и увидеть повседневную работу прокуратуры «изнутри» [3; 19].

Таким образом, источниковая база изучения территориальных органов прокуратуры РСФСР в 1945–1953 гг. является достаточно репрезентативной и включает разнообразные по происхождению и содержанию группы источников. Наиболее перспективным направлением дальнейшего исследова-

ния является комплексный анализ документов региональных архивов, позволяющий выявить специфику деятельности прокуратуры в отдельных областях РСФСР, в том числе в Калужской области. Сопоставление данных центральных и региональных архивов даст возможность воссоздать целостную картину функционирования системы прокурорского надзора в первое послевоенное десятилетие.

Список литературы:

1. Андреев, А.В. Свидетельства работы прокуроров: документы времен Великой Отечественной войны / А.В. Андреев // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2025. – № (105). – С. 102–123.

2. Бойков, А.А., Гульчак, А.П., Жуйко, А.И., Коротков, Н.В., Сингатуллин, И.А. Прокуратура Калужской области / А.А. Бойков, А.П. Гульчак, А.И. Жуйко, Н.В. Коротков, И.А. Сингатуллин // Патриотическое воспитание в современном обществе: традиции и задачи: сборник научных трудов по итогам I Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов «Патриотическое воспитание в современном обществе: традиции и задачи» (г. Саратов, 28 апреля 2023 г.) / [редкол.: С. А. Белоусов и др.]. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2024. – С. 97–103.

3. Мемуары ветеранов. Партизанский закал прокурора (Из воспоминаний Ивана Федоровича Протасова, ветерана органов прокуратуры, старшего советника юстиции (1935 – 2014) // Управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Центральному округу: офиц. сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_cfo/mass-media/news/archive/e3491850/ (дата обращения: 07.08.2026).

4. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области. Ф. П-1431. Оп. 1. Первичная организация КПСС народного суда и прокуратуры Боровского района (1943–1964 гг.). URL: https://archive.admoblkaluga.ru/novist/object/156058413 (дата обращения: 06.08.2026).

5. Государственный архив Калужской области. Ф. Р-1626. Прокуратура Калужской области. – URL: https://archive.admoblkaluga.ru/gako/object/6318393 (дата обращения: 06.08.2026).

6. Исторический архив Омской области. Ф. Р-3067. Оп. 1. Прокуратура Омской области. Годовые статистические отчеты о работе прокуратуры (Ф-1), документы проверок прокуратуры (1945–1953 гг.). URL: https://lk.iaoo.ru/archive1/inventory/196903 (дата обращения: 06.08.2026).

7. Краткий справочник по фондам филиалов Государственного архива Тюменской области в г. Тобольске и г. Ишиме. Раздел «Прокуратуры» (8 фондов, 823 ед. хр., 1921–1994 гг.). http://guides.eastview.com/browse/gbfond.html?fund_id=180093&bid=136 URL: (дата обращения: 06.08.2026).

8. О введении участковой системы работы следователей: приказ Генерального прокурора СССР от 18 июля 1949 г. // Советская прокуратура: сб. документов / сост. И. Н. Ширяев, Г.А. Метелкина. М., 1981. С. 137–138.

9. Об усилении общего надзора за точным исполнением законов [Текст]: Приказ № 128 от 17 июля 1946 г. / Генеральный прокурор СССР. – М.: тип. Министерства западугля СССР, [1946]. – 7 с.

10. Положение о Прокуратуре Союза ССР: утв. постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 дек. 1933 г. // Советская прокуратура: сб. документов / сост. И.Н. Ширяев, Г.А. Метелкина. – М., 1981. – С. 106–108.

11. Приказ прокурора РСФСР № 5/118с «О работе прокуратуры Тамбовской области по надзору за органами милиции». 26 декабря 1945 г. // Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-3611. Оп. 4-с. Д. 6. Л. 1-3. – URL: https://docs.historyrussia.org/nodes/325908 (дата обращения: 06.08.2026).

12. Приказ Прокурора Союза ССР № 6/с. от 3 февраля 1943 г. «О постоянном надзоре за неуклонным выполнением законов, охраняющих интересы семей защитников Родины» // Исторические материалы: сайт. URL: https://istmat.org/node/68949 (дата обращения: 06.08.2026).

13. Приказ Прокурора СССР от 1 июля 1944 № 159 «Об усилении борьбы с дезертирством с предприятий военной промышленности» // Советская прокуратура: сб. документов / сост. И.Н. Ширяев, Г.А. Метелкина. – М., 1981. – С. 133.

14. Приказ Прокурора СССР от 12 июля 1944 г. № 167 «О надзоре органов прокуратуры за исполнением Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8/VII 1944 г.» // Об усилении проку-

рорского надзора за законностью разрешения дел о расторжении браков: Методическое письмо Прокуратуры СССР и законодательные материалы / Сост.: Аксененок Г.А., Маликов С.В., Туманова К.Г. – М., 1948. – С. 46.

15. Прокуратура РСФСР. 1936–1991 // Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории РСФСР. Путеводитель. Т. 2. – М., 1996. URL: https://guides.rusarchives.ru/funds/prokuratura-rsfsr-1936-1991?ysclid=mt8slxx16w816419906 (дата обращения: 06.08.2026).

16. Сафонов Григорий Николаевич // Звягинцев, А.Г. История Российской прокуратуры, 1722-2012: [краткое изложение истории прокуратуры в лицах, событиях, документах] / А. Г. Звягинцев. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 414 с.

17. Сивцев, Н.И. Подготовка кадров для советской прокуратуры в конце 1940-х годов XX века: историко-правовой аспект / Н.И. Сивцев // Образование и право. – 2019. – № 9. – С. 279–285.

18. Социалистическая законность: орган НКЮ СССР, Прокуратуры СССР и Верховного суда СССР. – 1945. – № 4. – 62 с. URL: https://text.pskovbook.ru/ProtectedView/App/Viewer (дата обращения: 09.08.2026).

19. Трубин, Н. С. Воспоминания последнего Генерального прокурора СССР. Краснодарский период службы / Н. С. Трубин. – Краснодар: Традиция, 2023. – 190 с.

20. Фролов, В.В. Борьба следственных органов советской прокуратуры со взяточничеством в период «позднего сталинизма» (1945–1953 гг.) / В.В. Фролов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – Т. 3. – С. 3251–3255. URL: https://e-koncept.ru/2013/53656.htm (дата обращения: 09.08.2026).

21. Фролов, В.В. Организационная структура региональных прокуратур РСФСР в 1945–1955 гг. (по материалам прокуратуры Псковской области) / В.В. Фролов // История государства и права. – 2012. – № 24. – С. 24–27.

22. Фролов, В.В. Становление и деятельность органов прокуратуры Псковской области в 1944–1955 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.В. Фролов. – Псков, 2015. – 27 с.

23. Шеуджен, Н.А., Яблонский И.В. Организационно-правовые основы деятельности советской прокуратуры в борьбе с преступностью в послевоенные годы / Н.А. Шеуджен, И.В. Яблонский // Общество и право. – 2016. – № 3 (57). – С. 27–30.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(470.318)"1941/1942":314.744 + 338.924

И.С. Писаренко

ЭВАКУАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ, ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И РЕСУРСОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1942 гг.

В статье приводятся данные о состоянии народного хозяйства Калужской области накануне войны, показан ход эвакуации оборудования промышленных предприятий, тракторов и комбайнов МТС и совхозов, продуктивного скота колхозов и совхозов из прифронтовых районов в тыловые области страны в 1941 г., отселение и эвакуация населения из 25-километровой зоны Западного фронта в 1942 г.

Ключевые слова: народное хозяйство; завод; фабрика; МТС; совхоз; колхоз; промышленное оборудование; ресурсы сельского хозяйства; эвакуация; комиссия по эвакуации; тракторная колонна; гурт скота; гуртоправ; перегон скота.

I.S. Pisarenko

EVACUATION OF POPULATION, INDUSTRIAL ENTERPRISES AND AGRICULTURAL RESOURCES OF THE KALUGA REGION IN 1941–1942 YEARS

The article presents data on the state of economy of the Kaluga region on the eve of the war, shows the course of the evacuation of industrial equipment, tractors and combines MTS and state farms, livestock collective and state farms of the front-line areas in the rear area of the country in 1941, relocation and evacuation of population from the 25-kilometer zone of the Western Front in 1942.

Keywords: national economy; factories; MTS; farm; industrial equipment; agricultural resources; evacuation; evacuation Commission; tractor convoy; herds of cattle; gurtoprav; transhumance.

В начале Великой Отечественной войны трудящиеся Советского Союза совершили героический трудовой подвиг, перебазировав из районов, которым угрожала немецко-фашистская оккупация, в тыл страны огромные народно-хозяйственные ресурсы. Они укрепили оборонный потенциал СССР и способствовали его победе над фашистской Германией. Свой вклад в спасение народного достояния от вражеского разграбления внесли и труженики Калужской области[7], территория которой была полностью оккупирована немцами в октябре 1941 г. Поэтому целью настоящей статьи является комплексное освещение эвакуации населения, ресурсов народного хозяйства и ценностей культуры региона в 1941 и 1942 гг.

Перед Великой Отечественной войной промышленность Калуги и районов, вошедших в состав образованной 5 июля 1944 г. Калужской области, насчитывала 25 предприятий союзного и республиканского подчинения и около 200 предприятий местной промышленности и промкооперации [39, л. 7].

Промышленность была представлена Калужским машиностроительным заводом НКПС, заводом им. Тельмана, Калужским электромеханическим заводом (КЭМЗ), спичечной фабрикой «Гигант», Калужской швейной фабрикой им. Димитрова, Боровской суконной фабрикой «Красный Октябрь», Ермолинской и Белоусовской ткацкими фабриками, Полотняно-Заводской, Кондровской и Троицкой бумажными фабриками, Козелъским заводом сельскохозяйственных машин, Дугнинским механическим заводом, Думиничским, Кировским и Сукремльским чугунолитейными заводами, Кировским заводом строительного фаянса, Людиновским локомобилестроительным заводом, Березичским, Дудоровским и Еленским стекольными заводами; 78 артелями промкооперации, 31 райгорпромкомбинатом, 21 райгорпищекомбинатом, 19 артелями инвалидов и т.д. [23, л. 1]. В 1940 г. заводы и фабрики

[7] В 1929 г. Калужская губерния была упразднена, а её территории распредлены между соседними областями – Московской, Смоленской, Орловской. Город Калуга до 1944 г. был районным центром Тульсой области (Прим. автора).

Калужской области выпустили продукции более чем на 1 млрд рублей [28, с. 287].

В Калужской области имелась довольно развитая 835-километровая сеть железных дорог с крупными железнодорожными узлами, станциями и депо в городах Калуге, Малоярославце, Сухиничах, Спас-Деменске и других [26, с. 101].

В 1940 г. в сельском хозяйстве Калужской области было 3497 колхозов, 27 совхозов, 47 МТС с 2234 тракторами или с 3100 в расчёте на 15-сильные, 455 комбайнами, 960 грузовыми автомашинами, многотысячным парком сельскохозяйственных машин и техники [4, с. 165]. На 1 января 1941 г. во всех категориях сельских хозяйств Калужской области насчитывалось 156 тыс. лошадей, 286 тыс. голов крупного рогатого скота, 377 тыс. овец, 214 тыс. свиней [38, л. 32]. Из них в колхозах и совхозах имелось 13 7426 лошадей, в том числе 97 036 рабочих животных, 120 761 голова крупного рогатого скота, из них 47 246 коров, 118 155 овец и 41 930 свиней [28, с. 96]. Общественный скот размещался на фермах, которых приходилось по три на каждый колхоз области [5, с. 165].

В начале 1941 г. численность сельского населения Калужской области составляла 937,3 тыс. человек, из них более двух третьих было занято в сельскохозяйственном производстве [26, с. 16]. В городах и рабочих посёлках региона проживали почти 245 тыс. чел., из них свыше 148 тыс. рабочих и служащих трудились на предприятиях промышленности и транспорта [2, с. 105]. Перед войной в народном хозяйстве области насчитывалось 11,7 тыс. специалистов, из них 2,1 тыс. человек с высшим и 9,6 тыс. чел. со средним специальным образованием [2, с. 119].

В первые месяцы войны пришлось эвакуировать население и ресурсы народного хозяйства Калужской области из прифронтовой полосы Западного, Резервного и Брянского фронтов, которые в ходе Смоленского сражения отражали натиск фашистских армий группы «Центр» на дальних подступах к Москве. Эвакуация проводилась при непрерывных налётах вражеской авиации и большой загруженности железнодорожных путей встречными советскими воинскими эшелонами. Так, 10 июля 1941 года г. Людиново впервые подвергся массированной вражеской бомбардировке. Гитлеровцы неистово бомбили локомобилестроительный завод, на котором вышли из строя электростанция, трансформаторные подстанции и часть котельной. Наркомат тяжелого машиностроения решил эвакуировать завод в глубокий тыл страны.

В начале августа начался демонтаж оборудования завода. Преодолевая усталость, рабочие по нескольку суток не покидали цехов. Отправкой оборудования руководил потомственный рабочий, заместитель начальника цеха С.Ф. Шумавцов [28, с. 23]. Первый эшелон, отправленный из г. Людинова 5 августа 1941 г., через десять дней прибыл в г. Сызрань. В августе–сентябре в город на Волге из Людинова пришли и остальные эшелоны. Всего в Сызрань из Людинова ушли 38 эшелонов в количестве 1820 вагонов. В них было отгружено оборудование, материалы и незавершённая продукция. Одновременно эвакуировались 1332 рабочих, инженерно-технических работников и служащих, а вместе с членами семей число эвакуируемых составило 4063 человека [35, с. 146; 36, с. 47].

В трудных условиях рано наступившей зимы, под открытым небом рабочие размещали привезённое оборудование. Образцы самоотверженного труда показывали монтажники под руководством инженера М.А. Посылкина. В одном из строящихся цехов с помощью примитивных подъёмных средств они за полгода смонтировали 700-тонный гидравлический пресс, который ранее на Людиновском заводе устанавливали в течение двух лет. Душой предприятия на новом месте, как и в Людинове, был партком завода. «Партийный комитет рассмотрел и утвердил подробный план строительства и организации производства, закрепил коммунистов за определёнными участками, – вспоминает бывший секретарь парткома Людиновского завода В. Поляков. – Ежедневно вечерами на заседаниях парткома обсуждались итоги за прошедший день и принимались оперативные меры к ускорению выпуска продукции для фронта. Маленькая литейная местного ремонтно-тракторного завода была переоборудована в литейный цех. Это дало возможность уже в ноябре 1941 года дать первую продукцию фронту, а в январе 1942 года приступить к выпуску первых локомобилей. Так в Сызрани на базе эвакуированного Людиновского завода стал действовать новый локомобильный завод» [36, с. 52 − 53].

В августе 1941 г. начался демонтаж оборудования Дудоровского стекольного завода Ульяновского района. 31 августа эшелон с заводским имуществом и семьями рабочих

с Полпинской железнодорожной ветки около пос. Мартынки, что в десяти километрах от районного центра с. Ульяново, отправился через Москву в Свердловскую область [27, с. 502; 34, с. 63−64; 39, л. 147].

Успешно была проведена эвакуация промышленных предприятий Кировского и Думиничского районов [41, с. 37]. Она началась 13 августа 1941 г. В этот день с Думиничского завода «Революционер» ушёл в г. Борисоглебск Воронежской области первый эшелон с частью оборудования предприятия и рабочими. Состав насчитывал 36 вагонов. До середины сентября к местам приписки с завода отправили ещё два эшелона в количестве 35 вагонов с оборудованием, материалами и готовой продукцией. Однако с 12 сентября из-за отсутствия вагонов эвакуация предприятия временно прекратилась. Учитывая создавшееся положение, Смоленский обком ВКП(б) 18 сентября 1941 г. рассмотрел вопрос «О ходе эвакуации заводов: Фаянсового, Кировского чугунолитейного и Думиничского «Революционер», в котором предложил партийным организациям и дирекции предприятий закончить эвакуацию к 28 сентября [19, л. 38]. Для перевозки демонтированного оборудования заводам выделили свыше 300 товарных вагонов и платформ. В результате оборудование завода «Революционер» было полностью перебазировано в Борисоглебск. Местом размещения эвакуированного Кировского завода строительного фаянса стал г. Ирбит Свердловской области, а Кировского чугунолитейного завода – г. Катав-Ивановск Челябинской области. В январе 1942 г. перебазированные на Урал кировские заводы выдали первую продукцию для фронта [30, с. 19; 40, с. 45; 41, с. 37].

В конце сентября 1941 г. партийные организации Кондровской группы бумажных фабрик Дзержинского района, выполняя решение Смоленского обкома ВКП(б) от 26 сентября 1941 г. «О порядке вывоза и уничтожения материальных ценностей из районов, занимаемых противником», произвели демонтаж оборудования своих предприятий. Так, за неделю до оккупации района с фабрик удалось вывезти на Ингурский, Вишерский и Марийский бумажные комбинаты 10 бумагоделательных машин, два паровых котла, три дизеля, турбогенератор и оборудование тетрадного цеха Полотняно-Заводской фабрики. В составе коллектива рабочих и инженерно-технических работников эвакуируемых предприятий был 201 коммунист. На новом месте они установили вывезенное оборудование и развернули производство бумаги [1, с. 98; 6, лл. 5, 71; 7, л. 107; 11, л. 12].

Неэвакуированное сырьё и оборудование рабочие Кондровской, Троицкой и Полотняно-Заводской фабрик надёжно укрыли в лесу и у себя в домах. Гитлеровские оккупанты тщетно пытались выявить места хранения ценной промышленной техники. Никто из рабочих не выдал тайну. Бумажники возвратили на фабрики спрятанное оборудование в день освобождения Дзержинского района Красной Армией [30, с. 20].

В начале октября 1941 г. из Сухиничей эвакуировали Термозавод, железнодорожное училище с учащимися и оборудованием, склады Заготзерно, банк, предприятия связи. Одновременно из города отправили три эшелона с рабочими и их семьями [22, л. 24; 35, с. 148].

Некоторую часть оборудования наиболее крупных предприятий временно оставили на месте и использовали для ремонта боевой техники. Так, 15 сентября 1941 г. Людиновский райком ВКП(б) решил организовать мастерскую для ремонта танков, самоходных орудий и прочей боевой техники. В постановлении бюро райкома партии говорилось: «В связи с имеющимися запросами воинских частей о возможности ремонта танков, автомашин, повозок и другого вида боевой техники и транспорта считать необходимым организовать ремонтную мастерскую в существующем корпусе бывшего ремонтного цеха Людиновского завода, использовав оставшееся на заводе оборудование (подъёмный кран, электросварочный аппарат и др.), необходимое для ремонтной мастерской. Для оснащения ремонтной мастерской станочным парком использовать имеющееся оборудование МТМ и МТС» [33, с. 57−58]. Ремонт военной техники был налажен также на Думиничском чугунолитейном и Калужском машиностроительном заводах, в Сухиничском и Малоярославецком депо [4, с. 29].

В начале октября 1941 г. в очень тяжёлых условиях развертывалась эвакуация промышленности г. Калуги, когда гитлеровцы развернули генеральное наступление на Москву, вошедшее в историю под названием «Тайфун». Уже с 29 сентября немецкая авиация начала систематические бомбардировки города. В этот день враг совершил массированный воздушный налёт на железнодорожную станцию Калуги и машиностроительный завод. В связи со сложившейся обстановкой

горком ВКП(б) дал партийным организациям и дирекции заводов и фабрик Калуги указание о демонтаже промышленного оборудования и установил очередность эвакуации основных предприятий. 5 октября 1941 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление об эвакуации промышленности Калуги. Утром 8 октября 1941 г., когда фронт приблизился к Калуге на 10–12 километров, бюро горкома ВКП(б) приняло решение о дальнейших мерах по эвакуации промышленности, рабочих и их семей. Состоявшееся вечером того же дня общегородское партийно-комсомольское собрание потребовало от коммунистов и комсомольцев сосредоточить все усилия на неуклонном исполнении этого решения ГК ВКП(б) [33, с. 11; 42, л. 7].

Партийные организации Калужского машиностроительного завода НКПС, Электромеханического завода (КЭМЗ), завода им. Тельмана, ст. Калуга проделали большую организаторскую работу по мобилизации рабочих и служащих на демонтаж и погрузку оборудования своих предприятий. По несколько раз в сутки путейцам и рабочим станций Калуга, Азарово, Тихонова Пустынь, Желябужская и 74-го разъезда приходилось восстанавливать разрушенные вражеской авиацией железнодорожные пути и мосты, и тем самым обеспечивать нормальное продвижение поездов с эвакуируемыми грузами на Москву и Тулу [42, лл. 3−9; 35, с. 149]. В результате героического труда рабочих и служащих Машиностроительного завода, КЭМЗ, завода им. Тельмана, ст. Калуга оборудование и подвижной состав этих предприятий перебазировали в Красноярск и г. Александровский завод на Урале, Саратов и Ташкент. Вместе с предприятиями в г. Саратов выехали свыше 350 рабочих и инженерно-технических работников КЭМЗ, в г. Красноярск прибыли свыше 340 машиностроителей, а в г. Александровский завод – около 60 рабочих машиностроительного завода [10, лл. 1, 58; 21, л. 50; 35, с. 149]. 16 октября 1941 г. последний эшелон с машиностроителями, находившийся уже далеко от линии фронта, подвергся налету вражеской авиации. Немецкие самолеты сбросили на него семь фугасных бомб и дали несколько пулемётных очередей по вагонам, в которых находились учащиеся и оборудование железнодорожного училища № 1 при машиностроительном заводе. К счастью для калужан, бомбы в эшелон не попали, но четыре человека были легко ранены [17, л. 153; 33, с. 12].

Удачно прошла эвакуация ценного оборудования, станков и материалов строящегося в Калуге Комбината синтетических и душистых веществ (КСДВ), который летом 1941 г. передали одному из заводов Наркомата боеприпасов. Этот завод вывез всё имущество КСДВ в г. Казань [14, л. 2; 35, с. 150].

Большая часть оборудования предприятий местной промышленности и промкооперации Калуги была сплавлена на плотах вниз по р. Оке. Однако полностью завершить эвакуацию всех предприятий города не удалось, так как основные усилия Горком ВКП(б) и командование оборонявшей Калугу 49-й армии сосредоточили на вывозе снарядов и других боеприпасов с 906-й базы или «Бобруйского склада», который ещё во время Первой мировой войны был перебазирован из г. Бобруйска в Калугу. Совместным трудом советских воинов, рабочих и железнодорожников этот склад был полностью эвакуирован к утру 10 октября 1941 г. [21, л. 50; 42, л. 5].

Из-за массированных бомбардировок вражеской авиацией элеваторов на ж. д. ст. Тихонова Пустынь, которые ежедневно проводились с 1 по 12 октября, калужанам не удалось вывезти хранившиеся в них зерно [21, л. 50]. Вечером 11 октября 1941 г. сапёры подготовили к взрыву водоканал, хлебозавод, фабрику «Гигант», ТЭЦ и ЦЭС г. Калуги. При отходе основных частей 49-й армии из Калуги в ночь с 11 на 12 октября эти объекты были частично уничтожены [5, л. 23а; 12, л. 1]. Кроме того, сапёры взорвали находившийся в Никольской церкви цех швейной фабрики им. Димитрова, сожгли промтоварные и продовольственные склады в Гостиных рядах и здание Калужского горисполкома [13, л. 3об.; 35, с. 150].

К 9 октября 1941 г. усилиями военных и гражданских властей из Калуги были эвакуированы все военные госпитали с ранеными [22, л. 53]. По причине несогласованности действий командующего оборонявшей Калугу 49-й армии генерал-лейтенанта И.Г. Захаркина и партийно-советского руководства города в лице секретаря ГК ВКП(б) И.Н. Суркова и председателя горисполкома А.Д. Тимарева организовать эвакуацию населения не удалось [21, л. 51; 33, с. 13]. 10 и 11 октября 1941 г. из Калуги в тыл страны ушли только несколько эшелонов с семьями ответственных партийных и советских работников и командиров Красной Армии [21, л. 50]. Вместе с ними в г. Омск выехали воспитанники Калужского детдома № 4 [16, л. 36]. Из-за

отсутствия вагонов и паровозов, автомобильного и гужевого транспорта не были эвакуированы сироты трёх других детских домов г. Калуги [18, л. 24]. На момент оккупации немцами г. Калуги (12 октября 1941 г.) её население сократилось на 47 632 человек [34, с. 63]. Из них неорганизованно эвакуировались примерно 20 тыс. жителей [33, с. 13].

Осенью 1941 г. сложные задачи стояли и перед партийными и советскими организациями сельских районов. Им также было нужно в короткий срок провести эвакуацию людей, материально-технических средств, общественного скота и имущества МТС. В своей работе по перебазированию в тыл ресурсов сельского хозяйства партийные организации руководствовались решениями Орловского, Тульского, Смоленского и Московского обкомов ВКП(б). Партийные комитеты наметили маршруты и установили сроки эвакуации в Рязанскую и Ивановскую области 2234 тракторов, 119,2 тыс. голов крупного рогатого скота, 116,7 овец и 146 тыс. лошадей [33, с. 13].

В деревне, как и в городе, большую работу проводили коммунисты и комсомольцы. Они организовывали эвакуацию населения, строго следили за сохранностью социалистической собственности. Перегон скота и перевозка имущества МТС проходила быстро и, насколько позволяла военная обстановка, оперативно. Так, 18 коммунистов и комсомольцев Мятлевской МТС Дзержинского района под руководством директора члена ВКП(б) Г.К. Михайлова перегнали из зоны военных действий в Рязанскую область 23 трактора из 53, имевшихся в МТС. Особую самоотверженность при эвакуации имущества МТС проявили бригадиры тракторных бригад комсомольцы Алексей Сенчук, Степан Поляков, Егор Козловский, Егор Стеренчук, Константин Борисов, Андрей Рудник и Екатерина Климова. Кроме того, 30 тракторов механизаторы, разобрав, спрятали в лесу. Возвратившись из эвакуации после освобождения Дзержинского района, рабочие Мятлевской МТС уже к марту 1942 г. восстановили 40 тракторов и одними из первых в районе подготовили прицепную к ним технику к весенне-полевым работам. Всего в 1941 г. из 47 МТС Калужской области было эвакуировано 1334 трактора, свыше 400 комбайновых моторов и около 200 автомашин [33, с. 13−14].

В колхозе «Красное Знамя» Высокиничского (ныне – Жуковского) района эвакуацию скота возглавила комсомолка Мария Полякова. Стадо отправили в Кирилловский район Ивановской области. Свыше двух месяцев в ненастную погоду под дождём и снегом по размытым и замерзшим дорогам длился этот путь. За время перегона не пало ни одной коровы. А пройдено было свыше 400 километров. Там, на Ивановщине, разместив скот в деревнях, расстояние между которыми было без малого около десяти километров, Мария вместе с подругами заботливо ухаживала за ослабевшими животными. В результате весь скот был сохранен. Летом 1942 г., проделав за 72 дня обратный путь, Мария Полякова возвратила колхозное стадо на восстановленную ферму [31, с. 42−43].

В Буриновском колхозе Угодско-Заводского района эвакуацию скота поручили 59-летнему В.К. Дерявову, члену партии с 1918 г., и комсомольцам И. Кирюхину, М. Гладышеву и А. Ерохину. Скот отправили в Ивановскую область. В течении 44 суровых дней октября и ноября длился этот путь. За время перегона весь скот был сохранен. А после освобождения Угодско-Заводского района, летом 1942 г., В.К. Дерявов возвратил стадо в родной колхоз [3, с. 49].

Осенью 1941 г калужские животноводы эвакуировали из прифронтовых районов свыше 35 тыс. лошадей, 69,2 тыс. голов крупного рогатого скота и 86,7 тыс. голов овец [33, с. 14]. Таков был вклад крестьян в срыв гитлеровских планов ограбления сельского хозяйства области. «Народная трудовая эпопея по эвакуации и восстановлению производственных мощностей в годы войны, – писал Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, – по размаху и значению для судьбы нашей Родины равны величайшим битвам второй мировой войны» [25, с. 278]. Эта высокая оценка выдающегося полководца имеет прямое отношение и к трудовому подвигу его земляков – калужан.

В 1942 г. была проведена повторная эвакуация населения и ресурсов народного хозяйства из освобожденных районов Калужской области, оказавшихся в прифронтовой полосе Западного фронта. Так, в январе 1942 г. после освобождения части территории Ульяновского района командование Красной Армии потребовало от местных властей провести эвакуацию населения из 25-километровой фронтовой зоны. Крестьяне переселялись в Белёвский, Одоевский, Перемышльский и Черепетский районы Тульской области, в Козельский, Мещовский и Сухи-

ничский районы Смоленской области. Эвакуированные ульяновцы встретились с большими материальными и бытовыми трудностями, поскольку на новом месте не все из них были трудоустроены и не имели своих личных хозяйств. Местные власти делали всё возможное для улучшения их положения. С 26 августа 1942 г. по 10 апреля 1943 г. Ульяновский райисполком и райком партии обследовали материально-бытовые условия эвакуированных жителей района. Было проверено 537 семей, из них 424 семьи военнослужащих. По ходатайству руководства Ульяновского района местные советские органы предоставили жильё, оказали материальную и денежную помощь в Перемышльском районе – 77 семьям, в Черепетском – 62, в Одоевском – 60, в Козельском –77, в Мещовском и Сухиничском районах – 40 семьям. В лучшем положении оказались эвакуированные рабочие. В октябре 1942 г. Ульяновская артель «Красный луч» начала работать в Козельском районе, где организовала валяльное и сапожное производство и выделку овчин. В первом квартале 1943 г. артель выработала продукции на 74 620 руб. Ульяновский райпромкобинат, размещённый в г. Козельске, изготовлял бочки, деревянную посуду и валенки, занимался починкой обуви, пошивом и ремонтом одежды. За январь–март 1943 г. комбинат произвел продукции на 86,5 тыс. руб. и получил около 11 тыс. руб. прибыли. Ульяновская и Уколицкая МТС, эвакуированные в Козельский и Белёвский районы, несмотря на большие трудности в укомплектовании трактористами, недостаток запасных частей, горючего и прицепного инвентаря, в 1943 г. активно участвовали на новых местах в проведении весеннего сева [32, с. 505−506].

27 июля 1942 г. Смоленский обком ВКП(б) принял решение «О переселении рабочих, служащих чугунолитейного и фаянсового заводов г. Кирова и ст. Фаянсовой, их семей в тыловые области страны», в котором постановил эвакуировать из прифронтовой зоны 10 тыс. кировчан в Новосибирскую и Свердловскую области [24, л. 11; 35, с. 151]. Согласно этому решению, Кировский райком ВКП(б) и райисполком разработали план повторной эвакуации и уничтожения материальных ценностей по Кировскому фаянсовому заводу, по райземотделу и МТС, райпромкомбинату, райпотребсоюзу, райторгу, райотделу «Заготзерно», хлебокомбинату, районной конторе связи, отделению госбанка, типографии и Чугунолитейному заводу [9, лл. 10−12]. С последнего в тыл страны надлежало вывезти части локомобиля и гидротурбины, пневматического молота и воздуходувок, все электромоторы, два токарных станка, приводные ремни, измерительные электроприборы и цветные металлы [9, л. 53].

В случае невозможности эвакуации имущества директору завода тов. Козлову предписывалось снять с гидротурбины, парового молота и локомобиля самые ценные детали, смазать их, сложить в ящики и закопать в землю [9, л. 10]. Эти указания были реализованы в ходе выполнения директивы Военного Совета Западного фронта № 491251 от 4 октября 1942 г. [20, л. 4], а также решения Смоленского облисполкома и Смоленского обкома ВКП(б) № 830 от 4 октября 1942 г. «О переселении всего гражданского населения из г. Кирова и из 20-километровой прифронтовой зоны сельского населения Кировского района в колхозы Сухиничского и Мещовского районов» [8, лл. 5, 13]. Всего предполагалось эвакуировать 22 672 человека, т.е. практически все население района [8, л. 12]. В сентябре 1942 г. в Мещовском и Сухиничском районах были размещены 10 106 кировчан из 153 населённых пунктов, которые находились во фронтовой зоне [8, л. 2об].

Всего из Барятинского, Износковского Кировского, Козельского, Сухиничского, Мещовского, Мосальского, Юхновского районов в пределах Смоленской области переселили 82 652 человека [37, л. 15]. В с. Никольское Барятинского сельсовета Мещовского района Смоленской области проживали 56 семей из Кировского района. Эвакуированное население сталкивалось с огромными житейскими трудностями, нерегулярно получая продукты питания, а 40 семьям вообще не выдавали картофель. Эвакуированные кировчане имели 36 личных коров, но кормов для них не было. Как сведетельствовали документы: «…Комбикорм можно взять на железнодорожной станции Кудринской, но доставить их не на чем, потому что 26 рабочих лошадей с. Никольского заняты на лесозаготовках. Топливом эвакуированные кировчане также не обеспечены. Людям приходится рубить кустарник. В бедственном положении оказалась семья эвакуированного инвалида войны И. Юдина, у которого шесть детей и нетрудоспособная жена. У детей нет одежды, и они с наступлением холодов перестали ходить в школу. Корову кормить нечем, самим живут впроголодь: нет картофеля и овощей» [37, л. 15].

В Тульскую область из Барятинского, Думиничского, Кировского и Мосальского районов эвакуировали 60 498 человек [37, л. 15]. В Мордвеский район Тульской области было переселено 1226 хозяйств из Барятинского района. В Рязанскую область из Кировского и Сухиничского районов переехали 320 человек [37, л. 15]. Полностью эвакуированы жители Кирова, Мосальска и Юхнова.

Для эвакуации населения за пределы Смоленской области были использованы три тысячи порожняка железнодорожных вагонов, около 10 тыс. колхозных лошадей и большое количество автомобилей из воинских частей.

В тоже время, эвакуированное население сдало воинским частям 29 616 т сена, 14 070 т картофеля, 3144 т зерна и 1219 т овса. Вся эта продукция была возвращена эвакуированным крестьянам по новому месту жительства [37, л. 15].

Вследствие невозможности размещения увеличивающегося потока эвакуируемых кировчан в колхозах Мещовского и Сухиничского районов председатель Смоленского облисполкома Р.Е. Мельников 31 октября 1942 г. дал директивное указание председателю Кировского райисполкома Мазурову переселить людей в Тульскую область: в Лаптевский район – 5 тыс. человек, в Иванковский район – 4 тыс. чел. и Заокский район – 5 тыс. человек [8, л. 2об.; 20, л. 8]. К 15 марта 1943 г. из Кировского района в другие районы Смоленской области и в Тульскую область было переселено 23 093 человек, в том числе 9 763 детей [20, л. 7; 33, с. 16].

Всего в Тульскую, Московскую и Рязанскую области было эвакуировано 63 698 жителей Кировского, Барятинского, Думиничского, Мосальского и Сухиничского районов. Всего в 1943 г. из освобожденных районов, находящихся в зоне Западного фронта, было эвакуировано 154,1 тыс. человек [33, с. 16; 37, л. 15]. Осенью 1943 г., после окончательного освобождения Калужского края от немецко-фашистских захватчиков, началась реэвакуация сельского населения западных районов на прежнее место жительства.

Повторная эвакуация 1942–1943 гг. носила превентивный характер и имела целью уберечь население и восстанавливаемые материальные ценности от потерь в результате сражений между советскими и немецкими войсками. Вторичной оккупации освобождённых районов, вошедших летом 1944 г. в состав Калужской области, командование Западного и Брянского фронтов уже не допустило.

Перебазированные в 1941–1942 гг. в Поволжье, на Урал, Сибирь, Среднюю Азию и в соседние области производственные мощности и население Калужской области способствовали наращиванию там выпуска продукции для фронта и тыла.

Список литературы:

1. Артизов А. Н. Кондрово историко-краеведческие очерки / А.Н. Артизов. – Тула: Приокское книжное изд-во, 1993. – 126, [2] с.

2. Бритов, В. Растёт промышленное производство / В. Бритов // Калужская область за сорок лет: Сборник статей. – Калуга: Газ. «Знамя», 1957. – 247 с.

3. Брыляков, Н.А., Терешин, А.Д. Жуково: Историко-экономический очерк [о селе Калуж. обл.] / Н. Брыляков, А. Терешин. − Тула: Приокское книжное изд-во, 1985. – 104 с. − С. 49.

4. В годы суровых испытаний: Калужская область в Великой Отечественной войне / В.Д. Белов, Н.Н. Гусев, М.А. Касаткин; ред. А.П. Бекасов. – Тула: Приокское книжное изд-во, 1984. – 272 с.

5. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). Ф. П-2. Оп. 11. Д. 1.

6. ГАДНИКО. Ф. П-12. Оп. 2. Д. 108.

7. ГАДНИКО. Ф. П-12. Оп. 4. Д. 23.

8. ГАДНИКО. Ф. П-34. Оп. 1. Д. 273.

9. ГАДНИКО. Ф. П-34. Оп. 1. Д. 275.

10. ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 6.

11. ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп .8. Д. 12.

12. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 7.

13. ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 10.

14. ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 53.

15. ГАКО. Ф. Р-1122 О. 2. Д. 2.
16. ГАКО. Ф. Р-1122. Оп. 2. Д. 6.
17. ГАКО. Ф. Р-1122. Оп. 2. Д. 19.
18. ГАКО. Ф. Р-1122. Оп. 2. Д. 20.
19. ГАКО. Ф. Р-3430. Оп. 1. Д. 25.
20. ГАКО. Ф. Р-3347. Оп. 2. Д. 2.
21. ГАКО. Ф. Р-3466. Оп. 1. Д. 10.
22. ГАКО. Ф. Р-3466. О. 1. Д. 89.
23. ГАКО. Ф. Р-3477. Оп. 1. Д. 2.
24. Государственный архив новейшей истории Смоленской области. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 88.
25. Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления / Г.К. Жуков. – М.: АПН, 1970. – 704 с.
26. Калужская область за 50 лет: Статистический сборник. – Калуга, 1967. – 167 с.
27. Книга памяти о павших в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Калужская область. Т. 5. − Калуга, 1997. – 700 с.
28. Когда бушуют грозы: Калужская область в Великой Отечественной войне / Под общ. ред. А. П. Бекасова. – Тула: Приокское книжное изд-во, 1969. – 343 с.
29. Орловская область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: Сборник документов и материалов / Ред. коллегия: А. Ф. Герасимов и др. – Орел: Орловское книжное издательство, 1960. – 495 с.
30. Писаренко, И.С. Народная трудовая эпопея / И.С. Писаренко // Политическая агитация. − Калуга. − 1982. − № 15. − С. 19−21.
31. Писаренко, И.С. Труд во имя победы: Из истории участия комсомольско-молодежных бригад прифронтовых и освобожденных районов во Всесоюзном социалистическом соревновании работников промышленности и сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны: Моногр. исслед. / И.С. Писаренко. – Калуга: КГПИ им. К. Э. Циолковского, 1991. – 128 с.
32. Писаренко, И.С. Ульяновский район / И.С. Писаренко // Книга памяти о павших в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Калужская область. Т. 5. − Калуга, 1997. − С. 505–506.
33. Писаренко, И.С. Тыл Калужской области в годы Великой Отечественной войны / И.С. Писаренко. − Калуга: Изд-во ЦНТИ Калуж. обл, 1998. – 118 с.
34. Писаренко, И.С. Тыл Калужской области в годы Великой Отечественной войны / И.С. Писаренко // Всероссийский исторический журнал. − Балашов, − 2000. − № 2. − С. 63–64.
35. Писаренко, И.С. Калужский тыл в годы Великой Отечественной войны / И.С. Писаренко // Суровые сороковые... Калужский край в годы Великой Отечественной войны 1941−1945 гг. – Калуга: Калужский гос. ин-т развития образования, 2015. − С. 145−151.
36. Поляков, В. Наследуя традиции отцов (Записки секретаря парткома завода) / В. Поляков. − Тула, 1981. – 120 с.
37. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 222.
38. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 294.
39. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 615.
40. Савельев, А., Шкундов, И. Киров. − Калуга: Кн. изд-во, 1960. – 70 с.
41. Смоленская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Сборник документов и материалов / Ред. коллегия: И.Е. Клименко (гл. ред.) и др. – Смоленск: Моск. рабочий. Смол. отд-ние, 1977. – 447 с.
42. Центр новейшей истории Тульской области. Ф. П-177. Оп. 6. Д. 66. Л.Л. 3−9.

Московский государственный университет им. Н.Э. Баумана, Калужский филиал, Калуга, РФ

УДК 94(47).084.9

А.В. Прокопьева

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВЕТСКОГО ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В 1950–1980-Е ГГ.: МЕЖДУ ТИПОВОЙ ЗАСТРОЙКОЙ И ЧАСТНЫМ СЕКТОРОМ

Статья посвящена анализу трансформации советского городского пространства в период 1950–1980-х годов. На основе современных исследований рассматриваются два ключевых феномена: массовая типовая застройка (хрущёвки) и частный жилой сектор. Автор исследует влияние западных архитектурных традиций на советское градостроительство, демографические процессы в новых городах, а также социальную стигматизацию и исключённость индивидуальной застройки из-за отсутствия городских коммуникаций. Особое внимание уделяется взаимосвязи жилищной политики, урбанизации и повседневных практик горожан.

Ключевые слова: советский город; хрущёвка; частный сектор; урбанизация; жилищная политика; градостроительство; стигматизация; инфраструктура; демография.

A.V. Prokopeva

TRANSFORMATION OF SOVIET URBAN SPACE IN THE 1950S–1980S: BETWEEN STANDARD HOUSING AND PRIVATE SECTOR

The article is devoted to the analysis of the transformation of Soviet urban space in the period of 1950–1980s. Based on modern research, two key phenomena are considered: mass standard housing (Khrushchyovka) and the private housing sector. The author examines the influence of Western architectural traditions on Soviet urban planning, demographic processes in new cities, as well as the social stigmatization and exclusion of individual housing due to the lack of urban communications. Special attention is paid to the relationship between housing policy, urbanization and everyday practices of citizens.

Keywords: Soviet city; Khrushchyovka; private sector; urbanization; housing policy; urban planning; stigmatization; infrastructure; demography.

Период с 1950-х по 1980-е годы стал для Советского Союза эпохой кардинального переформатирования городской среды, определившего облик и социальную ткань городов на десятилетия вперед. Эта трансформация была вызвана мощным стечением исторических обстоятельств: необходимостью ликвидировать чудовищный послевоенный жилищный кризис, обеспечить трудовыми ресурсами бурно развивающуюся индустрию в рамках нового витка индустриализации, а также реализовать декларируемую социальную программу по обеспечению населения отдельным жильем. Государственная жилищная политика, наиболее ярко выраженная в знаменитой хрущевской программе типового строительства, взяла курс на унификацию и индустриализацию строительного процесса, видя в этом путь к скорейшему решению квартирного вопроса для миллионов граждан.

В фокусе настоящего исследования находятся два ключевых, но концептуально противоположных феномена, сформировавших материальную и социальную реальность советского города этого времени: массовая типовая застройка («хрущёвки») и частный (индивидуальный) жилой сектор. Если первый стал символом государственной модернизации, урбанизации и обещанного «коммунистического завтра», то второй оставался архаичным, но живучим пережитком, пространством компромисса между городскими амбициями и ресурсными ограничениями.

Однако оба этих явления выходят далеко за рамки сугубо архитектурной или строительной практики. Они представляют собой важные социально-культурные и политические явления, через призму которых можно рассмотреть фундаментальные процессы советской жизни. Изучение «хрущёвки» раскрывает не только влияние зарубежных архитектурных традиций на советский проект модернизации, но и формирование новой, стандартизированной повседневности, особой культуры коммунального проживания в отдельных квартирах. Анализ частного сектора позволяет увидеть обратную сторону урбанизации – зоны, исключенные из официального градостроительного нарратива, где отсутствие централизованных «больших технических систем» (водопровода, канализации, отопления) не только консервировало быто-

вые трудности, но и становилось основой для социальной стигматизации его обитателей.

Цель данной статьи – на основе анализа современных исторических исследований и источников провести сравнительное рассмотрение этих двух моделей расселения. Задачами работы являются:

1. Выявить истоки и характер массовой типовой застройки, её роль в демографических процессах (на примере новых городов) и формировании «нормативного» городского образа жизни.

2. Проанализировать положение частного жилого сектора в структуре советского города как пространства, маргинализированного вследствие инфраструктурной исключенности, и исследовать связанные с этим социальные последствия.

3. Сопоставить эти два полюса городского развития для понимания того, как через жилищную политику и практики повседневности осуществлялось символическое разделение городского пространства на центральное, прогрессивное («нормативное») и периферийное, отсталое («маргинальное»).

Такой подход позволяет комплексно оценить наследие советской урбанизации середины XX века, в которой грандиозные достижения в области обеспечения населения жильём сочетались с глубокими социальными противоречиями и формированием новых форм неравенства.

Массовое строительство 1950–1960-х – это не просто архитектурный ответ на жилищный голод. Это была политическая инвестиция Хрущева в собственный рейтинг. В частности, «были переосмыслены его задачи строительства, в результате чего возникла глобальная домостроительная отрасль» [1].

Проектирование и массовое внедрение типового жилья в СССР в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг., известного как «хрущёвки», было не только технологическим ответом на острейший жилищный кризис, но и сложным культурным процессом. Как отмечает исследователь О.Б. Дашинамжилов: «Разновекторное развитие урбанизации в Западной Сибири повлияло на региональную динамику средней продолжительности жизни» [3, с. 48]. Такой поворот не был случайным: послевоенная Франция, как и СССР, столкнулась с проблемой масштабного дефицита доступного жилья и сделала ставку на индустриальные методы строительства и функционалистскую эстетику. Советские делегации архитекторов и планировщиков внимательно изучали французский опыт возведения крупнопанельных жилых массивов (например, знаменитые «гран-ансамбли»), воспринимая Францию как источник передовых, но при этом социально ориентированных и рациональных градостроительных решений.

Особенность реализации жилищной политики в 50 – 60 гг. XX в. выражалась в том решении комплексной инфраструктурной проблемы, включающей вопросы градостроительной политики, улучшения архитектуры и планировки населенных пунктов [4].

Таким образом, советское градостроительство этого периода, при всей его внешней идеологической замкнутости, демонстрировало избирательную открытость к определённым западным моделям. Заимствование носило не механический, а адаптивный характер: французские принципы компактной планировки, экономии пространства и индустриализации строительства были творчески переработаны и поставлены на службу советским задачам беспрецедентно быстрого и дешёвого возведения миллионов квадратных метров жилья. В результате возник уникальный гибрид – архитектурная форма, несущая в себе отпечаток международного модернизма, но подчинённая логике советской плановой экономики и социальной политики.

Отличительной чертой исследуемого периода стала насмешливая, порой самоироничная интонация. Она возникла не случайно, а как отражение желания авторов попасть в резонанс с уникальной атмосферой оттепели. Эта ирония и самоирония, пронизывавшая профессиональную и публичную дискуссию о новом жилье, является важным маркером культурного контекста. Она отражала двойственное отношение общества и самих творцов к результатам этой грандиозной строительной программы: с одной стороны, признание её исторической необходимости и социальной пользы, с другой – острое осознание компромиссов, упрощений и эстетических потерь, на которые пришлось пойти. Таким образом, сам дискурс о «хрущёвках» стал пространством, где в миниатюре проявлялся характерный для «оттепели» дух критического переосмысления, скептицизма и поиска нового языка для описания советской повседневности.

Демографические процессы в новых городах, таких как города Иркутской области, показывают, что максимальный рост городского населения в новостройках наблюдался

в 1950–1960-е гг., когда формировались строительные коллективы и разворачивались работы на промышленных объектах. В частности, «максимальный рост городского населения в новостройках сохранялся на протяжении 1950-х – 1960-х гг., когда шло формирование строительных коллективов, разворачивались работы на промышленных объектах. В 1970-е гг. прирост численности горожан сохранялся. Однако скачкообразного увеличения уже не наблюдалось, повышение числа жителей проходило более стабильными темпами. Завершение формирования градообразующих предприятий и начало постоянного их функционирования вели к постепенному снижению численных показателей прироста» [6, с. 18]. В 1970-е гг. прирост сохранялся, но уже без скачкообразных увеличений, что связано с завершением формирования градообразующих предприятий и переходом к их стабильному функционированию.

Эта демографическая динамика находилась в прямой зависимости от жилищной политики государства. Массовое типовое строительство, развернувшееся как раз в период наиболее активного роста новых городов, выступало не только инструментом решения жилищной проблемы, но и важнейшим социальным стабилизатором. Обеспечение рабочих и специалистов, прибывавших на крупные стройки, хотя бы минимальным, но отдельным жильем («хрущёвками») позволяло закрепить кадры на новом месте, снизить текучесть и способствовало превращению временных строительных посёлков в постоянные города. Таким образом, индустриализация жилищного строительства шла рука об руку с индустриализацией производства, вместе формируя каркас нового урбанистического ландшафта [2, с. 12].

Строительство городов и обеспеченность их различной социальной инфраструктурой очень влияли на настроение людей. Это обстоятельство определяло, жить им в том или ином новом городе или уехать из него [7, с. 68].

При этом важно отметить, что в этих же новых городах, возводимых по единому плану, неизбежно возникал и частный жилой сектор. «Массовое индустриальное жилищное строительство парадоксальным образом усилило значимость «частного сектора», обозначив доступность «нормального жилья», а значит и повысив его роль» [5, с. 22]. Этот сектор выполнял роль «буфера», принимая тех, кто не мог сразу получить государственное жильё. Однако, как и в старых городах, он оказывался в позиции инфраструктурной и символической периферии. Даже в условиях планового рождения нового города частная застройка зачастую оставалась зоной, исключенной из первоочередных планов по благоустройству, что лишь закрепляло её маргинальный статус и социальное неравенство в рамках, казалось бы, единого урбанистического проекта [2, с. 22].

Частный жилой сектор, несмотря на кажущуюся автономию, оказался исключённым из образа «нормального» советского города. В исследовании Ю.В. Черновой отмечается, что: «С развитием советского города и вариантов его репрезентации, индивидуальная жилая застройка оказалась не маркером исключаемой группы, но и сама превратилась в пространство, исключенное из образа нормального города – прежде всего, через остаточное (фактически, нулевое) обеспечение централизованными коммунальными услугами и городской инфраструктурой. Проживание здесь прямо стигматизировало жителя через ограничение «урбанизации жизненного мира», предполагающей включение «больших технических систем» (вода, электричество, отопление и т. п.) и вместе с ними «городских способов переживания и восприятия в недифференцированный горизонт базового знания о жизненном мире» [8, с. 12]. Проживание в таком пространстве стигматизировало жителя, ограничивая его доступ к «большим техническим системам» (вода, электричество, отопление) и, как следствие, к современным городским способам восприятия и переживания повседневности.

Эта инфраструктурная исключённость формировала особый тип повседневности, резко контрастировавший с жизнью в благоустроенных типовых домах. Отсутствие централизованных коммуникаций (водопровода, канализации, отопления) консервировало ручной, трудоёмкий быт, привязывая жителей к постоянной работе по добыванию и поддержанию элементарных ресурсов: носке воды, заготовке дров, обслуживанию выгребных ям. Такая организация жизни не просто усложняла быт, но и воспроизводила докапиталистические, негородские модели времени и социальных отношений, основанные на цикличности, личном физическом труде и сильной зависимости от локального сообщества и природных условий.

Таким образом, «частный сектор» становился не только территорией на карте го-

рода, но и хронотопом иного, «замедленного» временного режима, чуждого ритмам и ценностям модерного индустриального города, каким мыслился социалистический городской проект.

Парадоксальным образом, несмотря на официальную стигматизацию, частный жилой сектор выполнял важную системную функцию в советской урбанизации. Он выступал в роли «буфера» или «социального амортизатора», поглощая ту часть мигрантов и малообеспеченных горожан, которых не могла сразу принять система государственного жилищного распределения. Государство, сосредоточив ресурсы на индустриальном домостроении для рабочих градообразующих предприятий, фактически делегировало решение жилищной проблемы для отдельных категорий населения (недавно прибывших, занятых в локальном промысле, многодетных) механизмам самостроя и личной инициативе. Это создавало устойчивое внутреннее противоречие: частный сектор, будучи социально и символически маргинализирован, одновременно был функционально необходим для поддержания стабильности всей системы расселения, принимая на себя издержки и лаги плановой экономики. Его существование наглядно демонстрировало границы и компромиссы советского модернизационного проекта, где декларируемое стремление к всеобщему благоустроенному жилью наталкивалось на устойчивость иных, «неплановых» форм городской жизни.

Итак, советское городское пространство периода 1950–1980-х гг. предстаёт в исследовании не как монолитная реализация единого плана, а как сложный и внутренне противоречивый конгломерат, где сосуществовали и взаимодействовали принципиально разные модели жилья и, соответственно, разные формы повседневности. Проведенный анализ позволяет утверждать, что урбанизация этого времени осуществлялась по двум основным, но не равнозначным векторам, воплощенным в массовой типовой застройке и частном жилом секторе.

Массовая типовая застройка («хрущёвки») стала главным инструментом и символом государственной модернизации. Она решала ключевую социальную задачу, обеспечивая миллионы семей отдельным, пусть и скромным, жильём, и стала материальной основой для формирования нового, «квартирного» стандарта жизни. Как было показано, этот проект, несмотря на идеологическую риторику, был открыт для избирательных заимствований международного опыта (в частности, французского), который был творчески переработан для нужд советской индустриализации. «Хрущёвки» не просто обеспечивали кров; они конструировали новую городскую идентичность, выступая пространством социализации в нормах коллективной жизни индустриальной эпохи. Их распространение напрямую коррелировало с демографическими скачками в новых городах, выполняя роль стабилизатора трудовых ресурсов.

Одновременно частный жилой сектор, оставаясь официально непризнанной, но устойчивой альтернативой, обнажал пределы и издержки этой модернизации. Его стихийное развитие и хроническая инфраструктурная недооснащённость (отсутствие центральных коммуникаций) привели к его символической маргинализации. Он превратился в пространство, исключенное из градостроительного нарратива о «нормальном», прогрессивном социалистическом городе. Проживание здесь означало не только бытовые трудности, но и социальную стигматизацию, связанную с оторванностью от «больших технических систем» и, как следствие, от многих практик современной городской культуры. При этом, выполняя роль «буфера», этот сектор объективно снимал часть социального напряжения, компенсируя лаги плановой экономики.

В итоге, оба феномена – и плановая типовая застройка, и стихийный частный сектор – были взаимосвязанными элементами одной системы. Их дуализм наглядно иллюстрирует фундаментальное противоречие советской урбанизации середины – второй половины XX в.: сочетание грандиозных по масштабу преобразований, технологических заимствований и социальных гарантий с устойчивым воспроизводством глубокой пространственной и социальной дифференциации. Город этого периода оказался ареной, где сталкивались проект всеобщего благоустройства и реальность ресурсных ограничений, идеология прогресса и инерция традиционных жизненных укладов. Изучение этого наследия позволяет лучше понять не только логику исторического развития городской среды в СССР, но и истоки многих проблем и контрастов в пространстве постсоветского города.

Список литературы:

1. Бусаров, И. В. История «хрущёвки» (или жилищное строительство СССР в 1950–1960-е годы) / И. В. Бусаров // МГПУ-Медиа: электрон. журн. – 2018. – Вып. 2(6). – URL: https://mgpu-media.ru/issues/issue-6/historical-science/story-khrushchev.html (дата обращения: 20.07.2026).

2. Григоричев, К.В. «Частный сектор»: негородские пространства и сообщества российского города / К.В. Григоричев, В.И. Дятлов, Д.О. Тимошкин. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2023. – 128 с.

3. Дашинамжилов, О. Б. Урбанизация в Западной Сибири в 1960–1980-е гг.: территориальные особенности смертности / О. Б. Дашинамжилов // Гуманитарные науки в Сибири. – 2018. – Т. 25. № 4. – С. 46–50.

4. Дробница, А.В., Ярославцев, А.В. Жилищная политика на Дальнем Востоке СССР в 50-е – 60-е годы XX века / А.В. Дробница, А.В. Ярославцев // Власть и управление на Востоке России. 2008. №4. С. 146–151.

5. Дятлов, В.И. «Частный сектор» советского города: дома, дворы и люди в словах и образах / В.И. Дятлов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. №1 (56). С 19–29.

6. Лебина, Наталия. Хрущевка: советское и несоветское в пространстве повседневности / Наталия Лебина. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – 424 с.

7. Тимошенко, А. И. Новые города в Сибири (1950-1980-е годы) / А. И. Тимошенко // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2019. №3 (13). С. 60–68.

8. Чернова, Ю.В. Новые города Иркутской области (1950–1980 гг.): историческое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю.В. Чернова; Иркут. гос. экон. акад. – Иркутск, 2001. – 23 с.

Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Иркутск, РФ

УДК 94(470.44)"1921/1922":070(430)

Вальдемар Шмидт

ПРОБЛЕМАТИКА ГОЛОДА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1921–1922 ГГ. В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ ГЕРМАНИИ, КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ И ПОЛОЖЕНИЯ В НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЯХ НА ВОЛГЕ (ХРОНИКА СОБЫТИЙ)

В статье на основе анализа материалов региональной прессы Германии, можно проследить этапы социально-экономического и политического характера, сложившиеся в поволжских колониях в начале 1920–х годов. Исследование и привлечение материалов региональной прессы Германии позволяет определить не только масштаб трагедии, но и последствия для последующего развития немецких колоний на Волге. Публикации немецкой прессы по вопросам развития голода в немецких колониях Поволжья является особенно ценным информативным источником для более расширенного исследования вопросов голода 1920–х годов в Поволжье.

Ключевые слова: голод; немецкие колонии Поволжья; Советская Россия; региональная пресса Германии.

Waldemar Schmidt

THE PROBLEMS OF FAMINE IN SOVIET RUSSIA 1921-1922. IN THE GERMAN REGIONAL PRESS, AS A SOURCE FOR THE STUDY OF THE DEMOGRAPHIC CATASTROPHE AND THE SITUATION IN THE GERMAN COLONIES ON THE VOLGA (CHRONICLE OF EVENTS)

In the article, based on the analysis of materials from the regional press of Germany, one can trace the stages of a socio-economic and political nature that developed in the Volga colonies in the early 20s. The author of the article attempted to collect certain factual material directly related to the topic of the famine of 1921 published on the pages of the regional press of Germany. Research and use of materials from the regional press of Germany allows us to determine not only the scale of the tragedy, but also the consequences for the subsequent development of the German colonies on the Volga. Publications of the German press on the development of the famine in the German colonies of the Volga region are a particularly valuable source of information for a more extensive study of the issues of the famine of the 1920s in the Volga region.

Keywords: famine; German colonies of the Volga region; Soviet Russia; regional press of Germany.

О голоде 1921 года было написано достаточно, но всё-таки ещё имеется много интересных фактов, о которых современники имеют далеко не полное представление, прежде всего о его масштабах и ужасающих последствиях для последующего экономического и социального, а также демографического развития бывшего Советского Союза. Между тем исследование вопросов, касающихся голода 1920-х гг. в Области немцев Поволжья и важных проблем, связанных с ним по материалам немецкой периодической печати, позволяет дополнить наши представления о развитии немецких колоний Поволжья в послереволюционный период. При этом незаслуженно обделена вниманием региональная пресса Германии, так как именно она позволяет установить факты и детали, имеющие первостепенное значение для проведения исторической реконструкции. Малоизвестно отношение германской региональной прессы ии к развернувшейся трагедии в Советской России, нашедшее отражение в её публикациях и оценке создавшегося положения. Автор статьи попытался собрал фактологический материал, непосредственно касающийся темы голода 1921 г., опубликованный в региональной прессе Германии.

Следует подчеркнуть, что периодическая печать Германии сыграла определённую роль в развитии движения по оказанию помощи голодающей России. Прежде всего, публикации писем из районов немцев Поволжья в региональной прессе Германии имели своей целью проинформировать читателя о асштабах трагедии и призывали население страны к оказанию гуманитарной помощи голодающим. Ценность газетных публикаций региональной прессы, как исторического источника, заключается в том, что дан-

ные публикации дают более широкое представление о масштабах трагедии, регионах охваченных бедствием и ее последствиях.

Проблемы голода 1921–1922 гг., возникшего в Советской России нашли яркое отражение на страницах региональной прессы Германии. Многие региональные газеты сравнивали создавшуюся ситуацию с демографической катастрофой. Надо отметить, что информация о развитии бедствия поступала в эти газеты не только от международных организаций, но также от корреспондентов этих региональных газет, находящихся в районах бедствия. Редакции газет, помимо этого, использовали материалы, опубликованные как в советской прессе, так и черпали информацию из публикаций эмигрантской и западной прессы.

Материалы, относящиеся к голоду в публикациях региональной прессы, начинают появляться летом 1921 г. в форме небольших заметок. Публикации в прессе Германии периода 1921–1922 гг., касающиеся демографической катастрофы, вызванной голодом, дают достаточно исчерпывающую информацию об аспектах возникшего бедствия, а также районах, охваченных этим бедствием. В частности, в публикациях региональной прессы были затронуты причины политического и экономического характера, вызвавшие развитие бедствия, а также публикации писем из районов бедствия, в которых говорилось об ужасе вымиравшего населения, каннибализме, затрагивались вопросы развития эпидемий, вызванные голодом.

Первые сообщения о развитии голода стали поступать в редакции немецких региональных газет в конце мая 1921 года. В этих сообщениях указывалось, что состояние озимых в районе Поволжья очень плачевны, причиной чего является засуха, начавшаяся в мае–июне 1921 г., которая уничтожила не только всходы озимых, но и всходы летнего урожая. Засухой было охвачено 36 губерний России. В июне– июле 1921 г. засуха распространилась на Оренбургскую область и степные районы Киргизской Республики (современная территория Казахстана). По мнению одних региональных газет Германии только засуха и неурожаи не могли стать единственными причинами голода, другие же высказывали мнение, что причинами, побудившими развитие голода, явилась неправильная хозяйственная политика большевиков. С октября 1920 г. в немецких колониях на Волге существовал огромный дефицит продуктов питания. В мае и июне 1921 г. большая часть населения немецких колоний на Волге умирало от голода [1, s. 25].

Зимой 1921 г. практически вся Россия была охвачена голодом. Через многочисленные сообщения фактически было подтверждено, что в районах Волги практически нет урожая. Что касается немецких колоний на Волге, то еще в 1920 г .с помощью насилия и принуждения тысячи тонн пшеницы были вывезены [2, s.19].

Весной 1921 г. появляются первые признаки надвигающегося голода. Ситуация с продовольствием продолжала ухудшаться. Обострение продовольственного положения способствовало росту цен на продуктовые и промышленные товары, которые выросли почти в 200 раз.

По этому поводу 5 мая 1921 г. «Iserlohner Kreisanzeiger und Zeitung» опубликовала развернутую статью, написанную членом экспедиции помощи Германского Красного Креста Фишером. Автор статьи писал, что «400 гр. обычного черного хлеба на рынке в Саратове в январе стоили 12 000 руб., в мае его можно купить за 120 000 руб. Для других продуктов питания цены также высоки. Очень редко можно в вымерших деревнях увидеть жителей на дороге. Большинство из них остаются в домах, так как слабы, часть умирает от голода, многие больны в результате эпидемии тифа. Здесь также имеется многочисленное число сообщений о каннибализме» [3].

Свидетельством тяжёлого положения в немецких колониях на Волге также являлись письма колонистов, приходившие в Германию. Так в письме из Хуссенбаха от 24 июня 1921 г. сообщалось «Когда нашей старой Родине не будет оказана помощь, то мы немцы в России погибнем. Умирают тысячи колонистов от голода и различных эпидемических заболеваний. В Гримме ежедневно хоронят 50–60 трупов. Но ещё страшнее, когда не будет урожая» [2, s. 20].

4 июля 1921 г. «Schwäbische Tagwacht» в статье «Голод в Советской России», касаясь этой темы сообщал, что «большевистская пресса в последнее время занята решением проблемы ухудшения продовольственного снабжения. Однако большевистская газета «Правда» опубликовавшая обширную статью по этому вопросу, рассматривает сложившуюся критическую ситуацию, которая охватила не только крупные города,

но и деревню, как результат деятельности повстанческих банд. «Правда», как писала газета не сообщает о вине советского правительства в сложившейся ситуации» [4].

18 июля 1921 г. «Hannoverischer Kurier» опубликовал письмо – призыв Максима Горького и патриарха Тихона. Горький призывал оказать помощь голодающей России. Патриарх обращался к американскому кардиналу и США. В частности, патриарх в своем призыве отмечал: «В России большая часть населения находится в состоянии голода. Урожаи во многих губерниях, которые являлись ранее поставщиками зерна, вследствие засухи уничтожены. В областях, где распространился голод, развились эпидемии. И я прошу об оказании необходимой помощи» [5]. Кроме сообщений об обращении М. Горького и патриарха, «Hannoverischer Kurier» сообщал также о том, что в результате экономической катастрофы и голода развилось массовое миграционное движение немецких крестьян из поволжских колоний.

27 июля 1921 г. независимая ежедневная газета «Bergedorfer Zeitung» в передовой статье «Помощь голодающей России» затрагивала вопрос о вине Советского правительства в создавшейся ситуации. Газета писала, что «разразившаяся катастрофа в России, вызванная развитием голода, должна вызвать сострадание у европейских народов. Причины катастрофы не следует искать в засухе, а главной виной является деятельность Советского правительства в отношении крестьянства» [6]. Летом 1921 года в районах Поволжья, Кавказа, Крыма засуха уничтожила посевы. Наиболее плодородные районы, которые являлись житницей страны не только не дали хлеба, но и зерна для нового урожая.

1 августа 1921 г. газета «Landbote» в комментарии о событиях, связанных с голодом в немецких колониях Поволжья, опубликовала информацию о том, что положение в областях, где развился голод катастрофическое. Особенно от голода пострадали области немецких колоний на Волге. Смертность чудовищная. Поволжские немцы покидают насиженные места и пускаются в путь в поисках хлеба. В Москве также находятся беженцы из Поволжья, которые надеются на оказание помощи для организации их выезда в Германию. Однако в результате Версальского договора Германия не может оказать необходимую помощь, но через международную прессу можно привлечь внимание немецкого правительства к сложившейся ситуации и принятию мер по оказанию помощи беженцам из голодных областей, оказавшихся в Москве, и организацию их выезда в Германию» [7].

2 августа 1921 г. газета «Westfälische Merkur» опубликовала информацию о том, что «советская пресса сделала заявление, что дефицит зерна составляет 5 800 000 пудов. В связи с этим 40 000 000 человек угрожает голод. По всей России не имеется губерний и округов, где для крестьянина было бы достаточно урожая. Урожай пропал не только на Волге, но также и в других губерниях. Можно наблюдать массовую миграцию крестьян, которые бегут из округов, охваченных голодом» [8].

3 августа 1921 г. «Bergisch Gladbacher Volkszeitung» в статье «Россия призывает о помощи» информировала читателя: «Засуха в районах Волги и Урала полностью уничтожила посевы, урожая в этих районах практически не ожидается. О положении населения можно судить из различных писем. Так, например в письме крестьянина из района Вольска Саратовской губернии сообщается о том, что: «В последние годы урожай составлял 10–15 пудов с десятины. И семена, которые принадлежали для посева были съедены. Народ питается травой и различными суррогатами. Если не придёт необходимая помощь, то умрет от голода 2 500 человек» [9]. В результате сложившейся ситуации развилось миграционное движение из областей, охваченных голодом в соседние губернии.

5 августа 1921 г. «Jeversches Wochenblatt» делал пояснение к ситуации, возникшей в немецких колониях на Волге. Газета отмечала, что «немецкие колонии лежат в середине области, охваченной голодом и поэтому отрезаны от ввоза пшеницы из областей, находящихся в лучшем положении. Многочисленные немецкие семьи бросают насиженные места и желают эмигрировать в Германию» [10].

9 августа 1921 г. «Deutsche Allgemeine Zeitung», рассматривая вопрос с развитием движения беженцев публикует информацию о том, что «в связи с развившимся голодом в области немецких колоний на Волге там господствует паника, которая вызвала волну миграции. Дороги переполнены голодающими беженцами, которых возглавляют священники. В многочисленных деревнях Самарской губернии жители, покидая дома их сжигают.

В округах, которые граничат с округами, охваченными голодом, жители этих округов с помощью насилия стремятся прекратить движение беженцев» [11].

Редакция газеты «Hannoverischer Kurier», возвращаясь к проблемам голодного бедствия в России, опубликовала передовую статью «К голоду в России», из которой читатель получал аргументированную информацию не только о создавшемся положении в немецких колониях на Волге, но также призывался к оказанию немецким колонистам Поволжья необходимой помощи. «Нужда в областях, охваченных голодом на Волге, должна пробудить внимание миллионов к чудовищной трагедии, так как области, охваченные голодом, нуждаются в незамедлительной помощи. В сообщениях о положении в немецких колониях на Волге упоминалось, что в результате засухи 70% полей выгорели, а оставшиеся 30% нетронутых засухой могут в лучшем случае дать 5 пудов зерна с десятины, поэтому необходима организация государственной помощи с питанием. Число немецких колонистов, которым должна быть оказана государственная помощь с питанием составляет 300 000 человек» [12].

19 сентября 1921 г. «Rhein – und Ruhrzeitung» в статье «Голодающие немецкие колонисты в России», касаясь положения в районе Поволжья, писала: «Особенно сильное бедствие, вызванное развитием голода, охватило округа Самарской губернии. Голод сильно повлиял на беженцев, которые покинули места проживания вследствие голода и скопились в Самаре в лагере для беженцев. Среди беженцев от голода имеется желание уехать в Омск, Москву и Минск, другие же имеют желание вернуться в Германию» [14].

О голоде в немецких колониях на Волге также имелись сообщения в газетах, издавшихся Евангелической церковью. 13 ноября 1921 г. «Evangelisches Kirchen – und Volksblatt» в статье «О голоде в немецких колониях на Волге», основанной на докладе пастора Шлейнинга, информировала читателя о том, что «Богатый урожай 1919 г., который был достаточен на годы, был реквизирован продотрядами. Неурожай 1920 г. способствовал развитию среди немецких колонистов на Волге тяжёлому положению. В связи с неурожаем 1920 г. во многих немецких колониях были сокращены посевные площади на 10%, что привело к ещё более худшему положению» [14].

В период зимы и весны 1922 г. голод охватил более 30 млн человек. Особенно тяжёлое положение сложилось в Поволжье, где население умирало от голода. Именно в этот период появляется огромное количество публикаций в региональной прессе Германии отражающих события голода среди немцев Поволжья.

В январе 1922 г. «Buchauer Zeitung» в статье «150 000 немцев Поволжья голодает» сообщала, что «в апреле 1921 г. в Берлине был образован «Союз помощи поволжским немцам», задачей которого являлась оказание помощи и спасения немцев Поволжья от голодной смерти. Но так как Германия была не в состоянии оказать помощь, представители Союза обратились к переселенцам с Волги в Южной и Северной Америке. В общей сложности голодает 150 000 немцев Поволжья. И около 4 000 находятся на русско-польской границе. По последним сообщениям из немецких колоний на Волге положение там не улучшится, если не придёт необходимая помощь. В марте 1921 г. были первые случае смертей от голода. Так, например в колонии Хоффенталь, где проживает 3 000 жителей, умирало ежедневно 6 человек. А в колонии Зеельманн с населением 12 000 жителей умирало ежедневно 12 человек. Поэтому «Союз помощи немцев Поволжья» просит министерство иностранных дел Германии о выдаче разрешения для 10 000 детей поволжских немцев в возрасте от 6 до 12 лет на въезд в Германию» [15].

3 марта 1922 г. газета «Bernsberger Volkszeitung» в небольшом материале о положении в области немцев Поволжья информировала читателя о том, что «450 000 немцев Поволжья голодают. Если в 1914 году в немецких колониях на Волге проживало 750 000 немецких колонистов, то сегодня их численность составляет 300 000. Причинами сокращения численности населения в немецких колониях на Волге явилась не только война и революция, но и голод, эпидемии. В июне 1921 г. голодали 204 деревни в немецких колониях на Волге, число голодающих составляло 5 000 человек. В июле 1921 г. от голода страдали 280 000 человек. В августе 1921 г. в немецких колониях на Волге насчитывалось 146 000 голодающих детей. 90% населения немецких колоний употребляет в пищу траву, собак, кошек, крыс, лягушек и другие суррогаты» [16].

18 марта 1922 г. «Kölnische Zeitung» сообщала о том, что Ф. Нансен заверил, что приходящие слухи из России о каннибализме, как результат голода, являются правдивыми. Нансен рассказал о многочисленных случаях каннибализма, особенно в регионе Поволжья [17].

29 марта 1922 г. в приложении к газете «Westfälische Neuesten Nachrichten» о немецких колониях на Волге сообщалось, что «в результате голода имеются случаи каннибализма, что подтверждается ведомственными сообщениями» [18].

16 июня 1922 г. «Der Landbote» публикует информацию о состоянии немецких колоний на Волге перед Первой мировой войной и в период господства большевизма. В заметке отмечалось, что перед Первой мировой войной в области немцев Поволжья производилось 25–30 млн пудов зерна. Когда советское правительство утверждает, что создавшееся положение среди немецких колонистов на Волге является наследием жестокой политики царизма, а также результатом Гражданской войны, то это чистейшая ложь. В большинстве это бессознательная экономическая политика советского правительства по отношению к немецким колониям на Волге. Голод развился ещё ко времени сбора урожая 1921 г. и уже в январе и феврале 1921 г. советское правительство имело конкретные сведения о начале голодного бедствия» [19].

24 августа 1922 г. «Stuttgarter Neues Tagblatt» сообщал о том, что «с Рождества охваченные голодом немецкие колонии Поволжья не имели хлеба» [20].

В данной статье приведён не весь комплекс газетных публикаций региональной прессы по проблемам голода 1920–х годов в немецких колониях Поволжья. Однако приведенные материалы свидетельствуют о том, что данная проблема была актуальной в публикациях немецкой региональной прессы, которая сыграла одну из важнейших ролей в организации гуманитарной помощи голодающей России.

Список литературы:

1. Bier, Friedrich. Aus dem Leiden Tagen der deutschen Wolgakolonien / Friedrich Bier. – Darmstadt: Druck der L.G. Wittischen Hofbuchdruckerei, 1922. – 51 s.
2. Remisch, Heinz. Die deutschen Wolgakolonien. Von ihrer Gründung bis zu den Tagen ihrer Leidenszeit / Heinz Reimisch. – Berlin: Bernard & Graefe, 1922. – 32 s.
3. Iserlohner Kreisanzeiger und Zeitung vom 1921. 05.05. № 105.
4. Schwäbische Tagwacht vom. 1921. 04.07. № 127.
5. Hannoverischer Kurier vom. 1921. 18.07. № 331.
6. Bergedorfer Zeitung vom. 1921. 27.07. № 173.
7. Landbote vom 1921.01.08. № 89.
8. Westfälische Merkur vom 1921. 02.08. № 352.
9. Bergisch Gladbacher Volkszeitung vom. 1921. 03.08. № 175.
10. Jeversches Wochenblatt vom 1921. 05.08. № 181.
11. Deutsche Allgemeine Zeitung vom 1921. 09.08. № 369.
12. Hannoverischer Kurier vom. 1921.12.08. № 374.
13. Rhein – und Ruhrzeitung vom. 1921. 19.09. № 398.
14. Evangelisches Kirchen – und Volksblatt vom 1921.13.11. № 46.
15. Buchauer Zeitung vom. 1922. 02.01. № 1.
16. Bernsberger Volkszeitung vom. 1922. 03.03. № 75.
17. Kölnische Zeitung vom. 1922.18.03. № 198.
18. Westfälische Neuesten Nachrichten (Beilage) vom. 1922. 29.03. № 75.
19. Der Landbote vom. 1922.16.06. № 70.
20. Stuttgarter Neues Tagblatt vom. 1922. 24.08. № 359.

Регенсбургский университет, Регенсбург, Федеративная Республика Германия

ПОЛИТИКА

УДК: 930.1:325

Н.Н. Горячев

ПРОБЛЕМАТИКА КОЛОНИАЛИЗМА И ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО, Э. ХАНТИНГТОНА, А. ТОЙНБИ И О. МЭЙСОНА

В статье рассматривается эволюция теоретических подходов к взаимосвязи колониализма и географической среды в трудах ключевых мыслителей XIX–XX веков. Анализируются концепция В.О. Ключевского о колонизации как «основном факте» русской истории, идеи Э. Хантингтона о климатическом детерминизме и его связь с евгеникой и колониальным дискурсом, цивилизационный подход А. Тойнби с его законом «вызова-ответа», а также этнографические классификации О. Мэйсона, основанные на гиппократовской традиции. Особое внимание уделяется тому, как природно-географический фактор интерпретировался в контексте обоснования или критики колониальной экспансии. Автор приходит к выводу о движении научной мысли от жёсткого географического детерминизма, нередко служившего оправданию колониализма, к более сложным многофакторным моделям взаимодействия природы и общества.

Ключевые слова: колониализм; географическая среда; климатический детерминизм; колонизация; цивилизационный подход; В.О. Ключевский; Э. Хантингтон; А. Тойнби; О. Мэйсон.

N.N. Goryachev

COLONIALISM AND THE GEOGRAPHICAL ENVIRONMENT IN HISTORICAL THOUGHT: AN ANALYSIS OF THE CONCEPTS OF V.O. KLYUCHEVSKY, E. HUNTINGTON, A. TOYNBEE, AND O. MASON

The article examines the evolution of theoretical approaches to the relationship between colonialism and the geographical environment in the works of key thinkers of the 19th–20th centuries. It analyzes V.O. Klyuchevsky's concept of colonization as the "main fact" of Russian history, E. Huntington's ideas on climatic determinism and their connection with eugenics and colonial discourse, A. Toynbee's civilizational approach with his law of "challenge-and-response," and O. Mason's ethnographic classifications based on the Hippocratic tradition. Special attention is paid to how the natural-geographical factor was interpreted in the context of justifying or criticizing colonial expansion. The author concludes that scientific thought has evolved from rigid geographical determinism, which often served to justify colonialism, towards more complex multifactorial models of interaction between nature and society.

Keywords: colonialism; geographical environment; climatic determinism; colonization; civilizational approach; V.O. Klyuchevsky; E. Huntington; A. Toynbee; O. Mason.

Проблема взаимосвязи природных условий и исторического процесса занимает важное, если не ключевое место в дискуссиях о колониализме и имперской экспансии. Географический детерминизм – концепция, объясняющая социально-экономическое и политическое развитие народов влиянием климата, рельефа и других природных факторов – на протяжении столетий служил важным инструментом исторического объяснения [1]. Уже в античной традиции формировалось представление о том, что климат определяет не только физический облик, но и нравы, обычаи и общественное устройство народов. Трактат Гиппократа «О воздухах, водах и местностях» заложил основы представления о том, что климат, качество воды и ландшафт непосредственно формируют физические и психические характеристики населения. Как отмечают исследователи, обращение к античной традиции оставалось для европейцев ключевым для понимания того, как медицинские и географические идеи использовались в имперских контекстах для обоснования различий между народами [9, p. 498]. В эпоху Просвещения Ш. Монтескьё развил эти идеи в систематическую теорию, связывавшую формы правления и характер общества с климатическими условиями, что впоследствии считали уместным использовать для

обоснования иерархии цивилизаций и колониального господства [17].

В трудах историков XIX–XX вв. – от В.О. Ключевского, рассматривавшего колонизацию как «основной факт» русской истории и подчеркивавшего определяющую роль географических и экономических условий в социальных изменениях [4, с. 23], до А. Тойнби, чья концепция «вызова-ответа» испытала значительное влияние детерминистских идей [10, p. 105], – природный фактор неизменно выступал фундаментальным элементом исторического анализа. Критическое переосмысление этих теорий позволяет в перспективе выявить концептуальные истоки многих историографических стереотипов, сохраняющих влияние и в наши дни.

Теоретическое наследие каждого из рассматриваемых авторов по отдельности исследовано достаточно полно. Труды В.О. Ключевского остаются фундаментом отечественной историографии и исторической науки в целом. Концепции Э. Хантингтона в последние годы подвергаются глубокой критической переоценке: современные исследования показывают, как его картографические работы служили инструментом расового и колониального дискурса [14]. Идеи А. Тойнби продолжают оставаться одной из основ цивилизационного подхода [5]. Наследие О. Мэйсона изучается специалистами по истории антропологии и музейного дела, выявляющими его связь с античной традицией [13]. Однако комплексный анализ взглядов этих авторов на пересечении колониальной проблематики и географического фактора представлен фрагментарно.

Цель статьи – систематизировать и кратко сопоставить подходы указанных авторов к проблеме взаимосвязи колониализма и географической среды, выявив эволюцию теоретических представлений от географического детерминизма к более сложным моделям взаимодействия природы и общества в колониальном контексте.

***

Выдающийся отечественный историк В.О. Ключевский определил колонизацию как «основной факт» русской истории, в котором скрыты главные механизмы и своеобразия исторического процесса. «История России, – писал он, – есть история страны, которая колонизуется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной её территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней» [4, с. 23]. Под колонизацией Ключевский понимал не только внешнюю экспансию, но, прежде всего, внутренний процесс освоения русским этносом пространств Восточно-Европейской равнины. Следуя своей концепции, он выделял периоды отечественной истории в соответствии с ходом колонизации: днепровский (VIII–XIII вв.), верхневолжский (XIII – середина XV века), великорусский (середина XV – начало XVII века) и всероссийский (с начала XVII до середины XIX века) [4, с. 34–36].

В лекциях «Курса русской истории» Ключевский подробно анализировал влияние лесной и степной зон, речной сети и климатических условий на хозяйственную деятельность, социальную организацию и политический строй. Особое значение он придавал речной сети как фактору, определявшему направление колонизации и хозяйственного освоения территорий. В отличие от западноевропейской колонизации, связанной преимущественно с захватом заморских территорий, русская колонизация имела континентальный, непрерывный характер. Она осуществлялась не путём расселения, а путём переселения – «переносилась птичьими перелётами из края в край, покидая насиженные места и садясь на новые» [4, с. 41]. При каждом передвижении население «становилось под действие новых условий, вытекавших как из физико-географических особенностей новозанятого края, так и из новых внешних отношений, какие завязывались на новых местах», тем самым географическая среда выступала динамическим фактором, постоянно видоизменявшим общественную жизнь.

В тоже время в зарубежной науке вопрос колонизации тесно переплетался с теориями о различном детерминизме и расовых различиях и превосходстве, которые разрабатывались различными авторами.

Элсуорт Хантингтон (1876–1947) – американский географ, профессор Йельского университета, президент Экологического общества Америки (1917) и Ассоциации американских географов (1923). Его полевые исследования охватили Центральную Азию, Ближний Восток, Северную и Центральную Америку, сформировав эмпирическую базу его климатической теории. Как отмечает историк науки Дж. Флеминг, климатические труды Хантингтона можно разделить на три крупные темы: влияние погоды и её измене-

ний на работников и студентов, влияние климата на мировые цивилизации и влияние солнечных вариаций на изменение климата. Первое представляло своего рода метеорологический тейлоризм, второе – повторение детерминизма эпохи Просвещения, а третье – упрощённую и совершенно нереалистичную псевдонаучную теорию [10, p. 97].

В трудах «Цивилизация и климат» (1915) и «Движущие силы цивилизации» (1945) Хантингтон обосновывал тезис о том, что уровень развития цивилизаций определяется климатическими условиями. Согласно его концепции, умеренный пояс с его сезонными колебаниями создаёт оптимальные условия для прогресса: обитатели умеренных зон были вынуждены более напряжённо работать в течение более короткого вегетационного периода, чтобы делать запасы на зиму, что поощряло сотрудничество и накопление. Жители тропиков, напротив, пользовались возможностью круглый год получать урожай, что воспитывало леность и инертность [12, p. 45].

Современные исследования подвергают эти идеи глубокой критике. К примеру, К. Лейвери в своей работе 2023 года показывает, что картографические работы Хантингтона не были объективным отражением реальности, а выступали «культурными текстами или риторическими образами, предназначенными для создания нарратива и убеждения читателя в определённой субъективной точке зрения» [14, p. 25]. Лейвери также подробно рассматривает, как научная деятельность Хантингтона была укоренена в расистской среде и (помогала образовывать её фундамент) «Прогрессивной эпохи», и как его работы служили обоснованию евгеники и ограничения иммиграции. Хантингтон действительно был активным сторонником евгенических идей, занимая пост президента Совета директоров «Американского общества евгеников» (1934–1938). В работе «Характер рас» (1924) он развивал идеи о связи климатических условий с расовыми характеристиками, утверждая, что климат формирует наследственные психические качества населения. Эти идеи о «тропической инертности» служили научным обоснованием колониального господства, представляя его как «бремя белого человека» по преодолению природной отсталости тропических народов. Примечательно, что, как указывает Флеминг, идеи Хантингтона оказали значительное влияние на современников: историк Арнольд Тойнби был впечатлён его представлениями о глубокой связи между человеком и физической средой. По мнению Тойнби, «исследователи человеческих дел могут соглашаться или не соглашаться с Хантингтоном, но в любом случае они испытывают его влияние, так что лучше, чтобы они знали о нём» [10, p. 105].

Отис Тафтон Мэйсон (1838–1908) – американский этнограф, куратор Национального музея США, создатель системы классификации и экспонирования этнологических материалов Смитсоновского института. Его деятельность пришлась на период формирования американской антропологии, и он сыграл ключевую роль в организации и систематизации этнографических коллекций. Как отмечает исследователь наследия Мэйсона Р. Кеннеди, он организовал и поддерживал этнологические материалы, собранные и хранящиеся в раннем Смитсоновском институте, и создал систему, использовавшуюся для их экспонирования. Образование и научный бэкграунд Мэйсона показывают, что организационные принципы его экспозиций коренились в интерпретации классической теории экологического детерминизма, особенно идей гиппократовского трактата «О воздухах, водах и местностях» [13, pp. 166–177].

Экологическая схема Мэйсона соединялась с господствовавшими теориями прогресса человечества, создавая этнографические экспозиции, представлявшие расы на спектре от «дикарей» до «просвещённых, цивилизованных и свободных». Как указывает Кеннеди, этот подход отражал слияние современных идей о расовом прогрессе с древним экологическим детерминизмом [13, pp. 178–179]. Народ, не продвинувшийся от стадии зависимости от окружающей среды, считался «низшей» культурной группой. В статье «Среда в отношении пола в человеческой культуре» Мэйсон предложил также оригинальную классификацию природных сред на «бисексуальные», «феминальные» и «вирильные», пытаясь учесть дифференцированное воздействие среды на различные социальные группы [15].

Концепция «культурного ареала» (culture area), разработанная Мэйсоном, связывала технологическое и культурное развитие с доступностью ресурсов и климатом. Теоретическая основа этого метода была разработана лишь спустя два десятилетия в трудах Э. Сепира [16] и К. Уисслера [18]. При этом

А.В. Туторский выделяет три этапа развития концепций ареальных исследований: 1890–1910-е гг., когда они получили первичное оформление; 1920-е гг. – время теоретического обоснования; 1930-е гг., когда понятие подвергается критике А. Кребером за недостаток историзма [7, с. 26], а также проводит их сравнение [8]. Сама по себе теория культурных ареалов открывала перед человеком определённый набор возможностей хозяйственной и культурной деятельности, из чего делался вывод о непосредственной связи между окружающей средой и формой культуры [7, с. 28].

Арнольд Тойнби (1889–1975) предложил принципиально иной подход к пониманию роли географической среды. В фундаментальном труде «Постижение истории» он сформулировал закон «вызова-ответа», согласно которому окружающая среда предлагает цивилизации вызов, а творческое меньшинство (элита) должно найти на него адекватный ответ [6, с. 106]. Если ответ найден, цивилизация развивается; если ответа нет, или он неадекватен, цивилизация погибает.

Тойнби выделял три основных типа вызовов: неблагоприятные природные и климатические условия, нападения иноземцев, а также гниение и упадок предшествующих цивилизаций [5, с. 184]. Принципиальное отличие его подхода от классического географического детерминизма заключается в том, что природные условия не предопределяют развитие жёстко, а лишь создают проблемную ситуацию, требующую творческого решения. Важный теоретический вывод Тойнби состоит в том, что цивилизация достигает успехов не вследствие лёгких условий географической среды, а вопреки суровому климату: отсутствие вызовов и слишком хорошие природные условия, как правило, поощряют возврат к природе и приводят к прекращению развития [6, с. 115]. В качестве примеров Тойнби рассматривал ситуацию после окончания ледникового периода, когда иссушение афразийской степи стало вызовом для древних людей. Часть племён вымерла, другие дали два великих ответа: кочевое скотоводство и поливное земледелие. Предки египтян и шумеров освоили болота в долинах Нила, Тигра и Евфрата, создав оросительные системы при помощи только каменных и деревянных орудий [6, с. 121]. Анализируя античную цивилизацию, Тойнби выделил три различных ответа на вызов малого плодородия почв и нехватки продовольствия: спартанский (завоевание соседних земель и создание милитаризованного общества), ответ Коринфа и Мегар (основание заморских колоний) и наиболее успешный афинский ответ (развитие морской торговли и ремесла по финикийскому образцу) [6, с. 128–130]. Для России, по мнению Тойнби, основным вызовом стали постоянные нашествия кочевников, а ответ состоял в создании служилого сословия – казачества, использовании огнестрельного оружия и ладьи для продвижения в Сибирь [6, с. 186].

При этом концепция Тойнби подвергалась критике. Л.Н. Гумилёв считал взгляды Тойнби произвольными и ошибочными, указывая, что соотношение человека с ландшафтом в его концепции не решено, а запутано. По мнению Гумилёва, тезис о стимулирующей роли суровой природы – вариант географического детерминизма, притом неверный, поскольку климат в местах сложения древнерусского государства, тюрков и монголов отнюдь не тяжёл [3, с. 245]. В свою очередь, современные исследователи обращаются к критике идей Тойнби при анализе колониальных процессов в регионах с ярко выраженной географической спецификой. На примере малых государств Океании Н.Н. Горячев показывает, что океан как географическая среда действительно определял цивилизационные особенности островных обществ, однако вопреки представлению Тойнби об океане как глобальном вызове полинезийцы сохранили способность перемещаться между островами, а не «предпочли сидеть на островах ожидая прихода европейцев». При этом, именно колониальная экспансия (а не океан) оказала на них преимущественно разрушительное воздействие, что не дало полинезийской цивилизации развиваться дальше. Также отмечается, что подобные представления Тойнби могут быть обусловлены тем, что его видение цивилизационного развития само по себе является частью колониализма в теоретическом смысле [2, с. 220–221].

***

Рассмотренные концепции при всём их разнообразии опираются на общую античную традицию объяснения культурных различий природными условиями. Однако их подходы существенно различаются по степени жёсткости детерминизма и по отношению к колониальной проблематике.

Хантингтон и Мэйсон представляют линии жёсткого географического детерминизма, непосредственно смыкающегося с расово-эволюционными теориями и колониальной идеологией. Как отмечается в современных исследованиях, детерминистское мышление имело особое значение в эпоху европейских и глобальных империй, принимая новые формы в попытках расширить и оправдать имперское господство [17]. Всё – от «энергии» до расовых характеристик и от «цивилизационного успеха» до пределов обитаемости – рассматривалось как экологически и климатически детерминированное. Работы Лейвери [14] убедительно демонстрируют, как картографические построения Хантингтона служили инструментом расовой иерархизации и обоснования евгенических программ.

Ключевский и Тойнби предлагают более сложные, диалектические модели. Для Ключевского колонизация – не столько результат воздействия среды, сколько активный процесс освоения, в ходе которого меняется и сам осваивающий народ. Для Тойнби природные условия – лишь один из типов вызовов, требующих творческого ответа, причём ответ может быть различным в разных обществах. При этом оба мыслителя сохраняют элемент детерминизма: Ключевский признаёт формирующее влияние природы на национальный характер, а Тойнби – зависимость характера вызова от географических условий.

В исторической перспективе в целом наблюдается движение от жёсткого географического детерминизма к более сложным представлениям о взаимодействии природных, культурных и исторических факторов. Как указывает М. Халм, в современную эпоху, когда наше будущее всё больше понимается как переплетённое с антропогенным изменением климата, исследователи обращаются к изучению различных форм неодетерминизма и «климатического редукционизма», признавая необходимость понимания наследия экологически детерминистских имперских категорий, которые до сих пор формируют наши исторические и географические представления [11, p. 246].

С одной стороны, рассмотренные концепции демонстрируют свою глубокую укоренённость в античной традиции экологического детерминизма. Подобная оптика на протяжении столетий служила концептуальной основой для объяснения культурных различий природными условиями.

С другой, в XIX – начале XX в. географический детерминизм тесно сомкнулся с эволюционными теориями и расовыми классификациями, что привело к созданию западных концепций, объективно и конкретно служивших обоснованию колониальной экспансии. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в трудах Э. Хантингтона, и в музейных таксономиях О. Мэйсона, представлявших незападные народы как «низшие» ступени эволюции. Полем для современных исследований является вопрос того, как эти научные (или близкие к ним) построения были вплетены в колониальный дискурс и служили его легитимации.

При этом, достаточно альтернативную линию представляют концепции, рассматривающие взаимодействие общества и географической среды как сложный диалектический процесс. В.О. Ключевский предложил понимание колонизации как внутреннего процесса освоения пространства, в ходе которого трансформируется и сам осваивающий народ. А. Тойнби разработал концепцию «вызова-ответа», в которой природные условия создают проблемную ситуацию, требующую творческого решения, но не предопределяют его жёстко. В то же время следует отметить, что идеи Тойнби также служили для легитимации колониальных представлений, и он не был свободен от них в той же степени, что и Ключевский.

Наследие рассмотренных мыслителей сохраняет актуальность не только как историографический факт, но и как концептуальный ресурс для современных дискуссий о неоколониализме, неравномерности развития и роли природного фактора в глобальных процессах. Критическое переосмысление этих теорий позволяет избежать как упрощённого детерминизма, так и полного отрицания роли географической среды в историческом развитии, а также даёт инструменты для анализа того, как экологически детерминистские категории продолжают влиять на современные дискуссии об изменении климата, миграции и пределах обитаемости.

Список литературы:

1. Абдуразаков, Р. А. Географический детерминизм и географическая школа в исторической науке в России на современном этапе / Р. А. Абдуразаков // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2011. – № 4. – С. 38–44.

2. Горячев, Н. Н. Колониализм в малых государствах Океании: история и современность / Н. Н. Горячев // Труды ИИАЭ ДВО РАН – 2024. – № 46. – С. 217–225.

3. Гумилёв, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилёв. – Л.: Гидрометеоиздат, 1990. – 528 с.

4. Ключевский, В. О. Русская история. Полный курс в 4 ч. Часть 1 / В. О. Ключевский. – М.: Юрайт, 2024. – 377 с. – (Высшее образование).

5. Рамазанлы, Г. Д. Концепция «Вызова-и-Ответа» А. Тойнби в истории России / Г. Д. Рамазанлы // KANT. – 2024. – № 1 (50). – С. 183–187. – DOI 10.24923/2222-243X.2024-50.33. – EDN MZQSGE.

6. Тойнби, А. Дж. Постижение истории: сборник / А. Дж. Тойнби; пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.

7. Туторский, А. В. Параллели в развитии концепций «культурных ареалов» и хозяйственно-технических ареалов в 1920–1930-е годы / А. В. Туторский // Этнографическое обозрение. – 2024. – № 2. – С. 25–45. – DOI 10.31857/S0869541524020025.

8. Туторский, А. В. Проблема комплексов культуры в исследованиях хозяйственно-культурных типов в СССР и культурных ареалов в США / А. В. Туторский // Этнография. – 2025. – № 4 (30). – С. 136–153. – DOI 10.31250/2618-8600-2025-4(30)-136-153.

9. Bashford, A. Introduction: Modern Airs, Waters, and Places / A. Bashford, S. W. Tracy // Bulletin of the History of Medicine. – 2012. – Vol. 86, No. 4. – P. 495–514. – DOI 10.1353/bhm.2012.0073.

10. Fleming, J. R. The Climatic Determinism of Ellsworth Huntington / J. R. Fleming // Historical Perspectives on Climate Change. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – P. 95–106.

11. Hulme, M. Reducing the Future to Climate: A Story of Climate Determinism and Reductionism / M. Hulme // Osiris. – 2011. – Vol. 26, No. 1. – P. 245–266. – DOI 10.1086/661274.

12. Huntington, E. Civilization and Climate / E. Huntington. – New Haven: Yale University Press, 1915. – 333 p.

13. Kennedy, R. F. Otis T. Mason and Hippocratic Environmental Theory at the Smithsonian Institution / R. F. Kennedy // Brill's Companion to Classics and Early Anthropology / ed. by E. Varto. – Leiden: Brill, 2018. – P. 154-184.

14. Lavery, C. The Power of Racial Mapping: Ellsworth Huntington, Immigration, and Eugenics in the Progressive Era / C. Lavery // The Journal of the Gilded Age and Progressive Era. – 2023. – Vol. 22, No. 1. – P. 22–47. – DOI 10.1017/S1537781422000392.

15. Mason, O. T. Environment in Relation to Sex in Human Culture / O. T. Mason // Popular Science Monthly. – 1902. – Vol. 60. – P. 336–345.

16. Sapir, E. Time Perspective in Aboriginal American Culture: A Study in Method / E. Sapir. – Ottawa: Government Printing Bureau, 1916. – 389 p.

17. Sarmento, J. Geography and Empire [Electronic resource] / J. Sarmento // Oxford Bibliographies. – 2021. – DOI: 10.1093/obo/9780199874002-0227. URL: https://www.oxfordbibliographies.com/ (дата обращения: 26.02.2026).

18. Wissler, C. Man and Culture / C. Wissler. – New York: Thomas Y. Crowell Company, 1923. – 380 p.

Лаборатория Азиатских и Тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, РФ

УДК 342.8(470+571)"2000/2012"

Н.А. Кияметдинова, А.В. Штепа

ОБНОВЛЕНИЕ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. РЕФОРМАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 2000–2012 ГГ.

Настоящая статья представляет собой анализ трансформации партийного строительства в России в первое десятилетие XXI века. Исследование основано на разборе комплекса политико-правовых реформ, направленных на централизацию партийного строительства, ужесточение требований к регистрации политических партий и изменение пропорциональной избирательной системы. Особое внимание уделяется чередованию мягкой и жесткой политики в отношении партий при смене Президента. Статья содержит оценку конституционно-правовых последствий реформаций и их роли в формировании современной модели партийной системы Российской Федерации.

Ключевые слова: политические партии; партийное строительство; избирательное законодательство; Государственная Дума; выборы; реформа; регистрация партий; политическая конкуренция.

N.A. Kiyametdinova, A.V. Shtepa

THE MODERNISATION OF THE PARTY SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION. ELECTORAL LAW REFORM, 2000–2012.

This article analyses the transformation of party organisation in Russia during the first decade of the 21st century. The study is based on an examination of a series of political and legal reforms aimed at centralising party organisation, tightening the requirements for the registration of political parties, and altering the proportional representation electoral system. Particular attention is paid to the alternation between lenient and strict policies towards political parties following a change of President. The article assesses the constitutional and legal implications of these reforms and their role in shaping the contemporary model of the Russian Federation's party system.

Keywords: political parties; party-building; electoral legislation; State Duma; elections; reform; party registration; political competition.

Результаты выборов 1999 года в Государвтенную Думу не стали удивлением для команды Президента Б.Н. Ельцина – хотя КПРФ всё также занимала позицию лидера по количеству мандатов в Госдуме, новый блок «МЕДВЕДЬ», поддерживаемый исполнительной властью, будучи незнакомым в политических кругах, лишь немного отставал по отданным голосам.

Второй президентский срок Б. Ельцина завершился 31 декабря 1999 г., когда он подписал Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации» и добровольно ушел в отставку, обратившись к гражданам по телевидению. В соответствии со ст. 92 Конституции РФ, во всех случаях, когда Президент России не в состоянии выполнять свои обязанности, их временно исполняет Председатель Правительства Российской Федерации. Таким образом, до избрания нового Президента В.В. Путин был назначен исполняющим обязанности Президента РФ [4].

В соответствии с новым законом, выборы Президента должны были пройти 4 июня 2000 г., дата проведения назначалась на первое воскресенье месяца, не ранее чем за 150 дней до дня голосования [31], однако преждевременная отставка Б. Ельцина привела Совет Федерации к назначению досрочных выборов на 26 марта 2000 года.

ЦИК РФ зарегистрировала 12 кандидатов, среди них депутаты Госдумы С. Говорухин, В. Жириновский, Г. Зюганов, Г. Явлинский, председатель движения «За гражданское достоинство» Э. Памфилова, генеральный прокурор РФ Ю. Скуратов, губернаторы К. Титов и А. Тулеев, председатель движения «Духовное наследие» А. Подберёзкин, предприниматель У. Джабраилов, председатель правления Московского фонда президентских программ Е. Савостьянов, который впоследствии снял свою кандидатуру в пользу Г. Явлинского, председатель Правительства РФ и исполняющий обязанности Президента РФ В.В. Путин.

Первый тур выборов закончился победой В. Путина, набравшего 52,9% голосов. Г.А. Зюганов, как и на прошлых президент-

ских выборах, получил второе место с 29,2% голосов. Третьим был Г. Явлинский с 5,8%, за ним А. Тулеев, получивший 3,0%. В. Жириновский набрал 2,7%, далее шли К. Титов с 1,5% и Э. Памфилова с 1,0% голосов. Оставшиеся четыре кандидата набрали менее 1% голосов, а против всех кандидатов голосовали 1,88% избирателей. Явка составила 68,7%, что было средним показателем для всех выборов в России [12].

Анализ результатов демонстрирует огромный разрыв в количестве голосов между кандидатами, что объясняется резким скачком рейтинга В. Путина, хотя ещё в августе 1999 г. утверждение его преемником Ельцина вызывало скепсис у общественности. Вновь сработала ставка на ориентацию российского электората на личности кандидатов, а не программу, так В. Путин был новым лицом, выходцем из силовых структур, что ассоциировалось с законом и порядком. Основную роль в победе сыграло позитивное освещение действий В. Путина в федеральных СМИ, например, телеканала ОРТ, который до этого активно поддерживал блок «МЕДВЕДЬ», что позволило В. Путину лидировать в 84 субъектах [16].

Дума третьего созыва отличалась от предыдущих двух несоблюдением пакетного соглашения о распределении руководящих постов. Помимо КПРФ, в прошлых созывах всегда получавшей высокие позиции в Думе, в игру вступает фракция «Единство», объединившаяся с группой «Народный депутат», которая также получила доступ к руководству. Позже уже в 2001 г. весь центристский блок объединится в общем координационном совете, включавший в себя фракции «Единство» и «Отечество – Вся Россия», группы «Народный депутат» и «Регионы России», тем самым лишая фракций «Яблоко» и «Союз правых сил» учёта интересов [17].

Такая расстановка сил мешала КПРФ и Агропромышленной группе вновь воспрепятствовать принятию законодательных инициатив, а в 2002 г., когда центристский блок лишил их всех руководящих полномочий, КПРФ ушла в оппозицию. Именно это увеличило продуктивность работы Государственной Думы – были приняты Земельный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс, Трудовой кодекс, утверждены государственные гимн, герб и флаг, положено начало пенсионной реформе.

Помимо нижней палаты Федерального Собрания, огромной властью обладала верхняя палата – Совет Федерации, в которую входили региональные лидеры. Исполнительная власть региона зачастую контролировала СМИ, законодательные органы и органы местного самоуправления, а иногда даже суды, что формировало крепкий авторитарный режим. Данный феномен стал катализатором создания федеральных округов с целью надзора за работой региональных властей. Таким образом Указом Президента были созданы 7 федеральных округов под руководством полномочных представителей, назначаемых Президентом РФ и полностью подконтрольных ему [19].

В продолжение борьбы с злоупотреблением властью региональных представителей вышел закон, согласно которому в Совет Федерации входят по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации: по одному от законодательного (представительного) и исполнительного органов государственной власти субъекта Российской Федерации [32]. Принцип должностного формирования был заменен принципом делегирования для избежания нарушения принципа разделения властей, когда один представитель являлся руководителем исполнительного органа и членом законодательного органа одновременно.

Помимо этого, остро стоял вопрос определения статуса политических партий, который поднимался ещё с 1993 г., когда появились выборы по партийным спискам, а в 1997 г. было внесено уточнение, что на участие в выборах допускаются только общественные объединения с закреплённым в уставе политическим характером.

Закон, регулирующий участие и деятельность политических партий, появился только в 2001 г. и был поддержан большинством фракций в Госдуме, кроме КПРФ и Союза правых сил, которые раскритиковали запрет на региональные и межрегиональные партии, сложный процесс регистрации партий и требования к численности [20]. Распространялось мнение, что такое законодательство сулит монополизацию политического пространства блоком «Единство», а также повлечёт за собой стремительное редуцирование количества партий.

Вдобавок, в 2002 году вышел ещё один закон, закреплявший избирательное объединение как политическую партию, то есть единственный вид общественного объединения, имеющий право выдвигать кандидатов на выборы [25].

В течение срока полномочий Думы третьего созыва разрабатывались и принимались законы, ужесточающие требования к партиям и избирательным процессам, например, закон о выборах в Государственную Думу предусматривал увеличение барьера с 5 до 7%, но впоследствии от этого отказались [30]. Ограничениям подверглись СМИ – в ст. 16.1 ФЗ «О средствах массовой информации» закреплялось приостановление выпуска СМИ за нарушение законодательства РФ о выборах и референдумах [3].

Принятые законы запустили волну преобразования избирательных блоков и движений в политические партии – в течение двух лет после принятия закона Министерство юстиции РФ зарегистрировало 53 партии. Только 44 из них смогли зарегистрировать достаточное количество региональных отделений, получив возможность участвовать на выборах в Государственную Думу в 2003 г., среди них КПРФ, ЛДПР, Демократическая партия России, «Яблоко», Аграрная партия России, Российская экологическая партия «Зелёные», партии «Единая Россия» и «Союз правых сил», Республиканская партия России, Российская партия пенсионеров, Народная партия, партия «Либеральная Россия» и другие.

В сентябре 2003 г. дата голосования была назначена на 7 декабря. Из 44 партий, имевших возможность участвовать в выборах, только 23 списка были зарегистрированы, среди них – 18 партий и 5 избирательных блоков. Имело место и создание партий через слияние двух избирательных блоков, ярким примером стала партия «Единая Россия», образованная из блоков «Единство» и «Отечество – Вся Россия». Несмотря на то, что они были главными оппонентами друг для друга на выборах в 1999 г., Ю. Лужков был заявлен в тройку лидеров вместе с С. Шойгу в общефедеральных списках партии. Примечательно, что многие члены избирательных списков были не только выходцами из центристских объединений, но и из КПРФ.

У правых объединений наблюдалась стабильность в избирательных списках – партия «Яблоко» вновь сохранила двух лидеров (Г. Явлинский и В. Лукин), партия «Союз правых сил» в первой тройке вновь оставили Б. Немцова и И. Хакамада, к ним присоединился А. Чубайс. С другой стороны, у ветеранов парламентских выборов списки менялись радикально – ЛДПР сохранили только лидера В. Жириновского, добавив депутатов И. Лебедева и А. Островского, КПРФ также оставили лидера Г. Зюганова, определив второе и третье места для члена Совета Федерации Н. Кондратенко и председателя Агропромышленной группы Н. Харитонова.

В выборах 2003 г. огромную роль играл административный ресурс. Так, Президент РФ В. Путин содействовал партии «Единая Россия», что влияло на поддержку в СМИ. Российские телеканалы (Первый канал, Россия), поддерживавшие В. Путина и блок «МЕДВЕДЬ», агитировали голосовать за «Единую Россию», что негативно сказывалось на иных партиях, в особенности КПРФ. Кроме этого, рейтинг оппозиционных партий резко ухудшился после ареста главного спонсора М. Ходорковского (признан иноагентом), что было на пользу не только «Единой России», но и ЛДПР, и блока «Родина» [6].

Анализ результатов голосования приводит к выводу, что впервые с 1993 г. ни одна из праволиберальных партий не получила мандаты в Думе. Барьер в пять процентов удалось пройти только четырём объединениям, суммарно набравшим 70,7% голосов или 39,3% от зарегистрированных избирателей. Кроме этого, разрыв между партиями был еще более разительным, чем на выборах 1999 г., – «Единая Россия» вновь одержала победу, набрав 37,57% голосов, что было в три раза больше, чем у КПРФ (12,61%). ЛДПР набрала чуть меньше (11,45%), что в сравнении с выборами 1999 г. было вдвое больше. Блок «Родина», объединившийся из Партии российских регионов, партии «Народная воля» и Социалистической Единой партии России, набрал 9,02% голосов, фактически получив сумму голосов «Яблока» (4,3%) и «Союза правых сил» (3,97%) [14].

Распределение мандатов также демонстрировало большой разрыв между партиями. По федеральным спискам «Единая Россия» получила 120 мандатов, т.е. больше половины из возможных. На втором месте КПРФ (40 мандатов), за ними ЛДПР (36 мандатов) и блок «Родина» (29 мандатов). По одномандатным округам «Единая Россия» также была первой – 103 мандата. Далее Народная партия России с 17 мандатами, за ней КПРФ – 12 мандатов. Блок «Родина» получил 8 мандатов. В порядке самовыдвижения были избраны 67 депутатов [34].

Средний показатель явки на выборах снизился до 55,75%, а процент голосовавших против всех вырос до 4,7% – самый высокий до отмены этой графы в 2006 году [24].

Государственная Дума четвертого созыва отличалась отсутствием депутатских групп и формированием конституционного большинства в лице «Единой России», когда численность партии превысила 300 депутатов за счёт присоединения избранных по одномандатным округам, таким образом, партия парламентского большинства могла принимать законы без учёта интересов других фракций.

Наступавшие президентские выборы 2004 г. были встречены протестами в Думе – лидеры ЛДПР и КПРФ отказались выдвигать свои кандидатуры, предложив малоизвестных членов партий О. Малышкина и Н. Харитонова. С другой стороны, председатель «Родины» С. Глазьев участвовал как независимый кандидат, потеряв поддержку почти всех партий блока, за что впоследствии будет снят с должности. Кроме того, Российской партией Жизни был выдвинут С. Миронов, председатель Совета Федерации, а в качестве независимых кандидатов выступали бывший сопредседатель «Союза правых сил» И. Хакамада, Президент РФ В. Путин и председатель Госдумы первого созыва И. Рыбкин, впоследствии отказавшийся от участия.

По результатам голосования, прошедшего 14 марта 2004 г., В. Путин одержал победу, набрав 71,3% голосов. На втором месте вновь оказался представитель КПРФ Н. Харитонов, получивший 14,7%, за ним С. Глазьев – 4,1%, И. Хакамада – 3,8%, О. Малышкин – 2,0%, С. Миронов – 0,8%. Против всех кандидатов голосовало 3,4% – почти в два раза больше, чем на выборах 2000 года. Явка составила 64,4%, на 10 процентов меньше, чем на выборах 1991 г. [13].

Со вторым сроком В. Путина избирательная реформа набрала обороты. Новая редакция закона о политических партиях сильнее вгоняла объединения в рамки – минимальная численность партии возросла с 10 до 50 тысяч, а региональные отделения должны были быть минимум в половине субъектов, их численность также выросла с 100 до 500 членов [21]. Кроме этого, в августе ЦИК РФ выпустила постановление, основным посылом которого был переход на формирование законодательных органов по пропорциональной системе на федеральном уровне [8]. Весной 2005 г. были внесены поправки в закон о выборах депутатов Госдумы, закреплявший не только упразднение одномандатных округов и полный переход на участие кандидатов только по федеральным спискам, выдвигаемых исключительно политическими партиями, но и повышение барьера с 5 до 7 процентов [27].

В условиях продолжительных военных действий в Чечне необходимость реформации объяснялась повторявшимися терактами в регионах [2]. Как отмечалось ранее, появились должности полномочных представителей, однако выборы глав субъектов проходили стабильно. Уже 11 декабря 2004 г. был подписан закон, закреплявший отмену выборов глав субъектов и переход к их назначаемости Президентом РФ, что объяснялось обеспечением единства государственной власти и последовательным развитием федерализма [23].

Вслед за трансформацией законодательства изменениям подверглась и обстановка в Государственной Думе. Из-за разрозненности после президентских выборов в блоке «Родина» было принято решение о создании новой левоцентристской партии. В конце августа 2006 года была учреждена партия «Справедливая Россия», в которую вошли Российская партия жизни и Российская партия пенсионеров

Ввиду всех поправок и новых законов выборы депутатов в декабре 2007 г. не отличались яркой конкурентоспособностью и последующим представительством в Думе пятого созыва. ЦИК РФ зарегистрировали 11 партий, отказав в регистрации партиям «Зелёные», «Народный союз» и Партии мира и единства.

Результаты голосования вновь демонстрируют устойчивое парламентское большинство – «Единая Россия» набрала 64,3% голосов, получив 315 мандатов. КПРФ – 11,57% (57 мандатов), ЛДПР – 8,14% (40 мандатов), «Справедливая Россия» – 7,74% (38 мандатов) [7].

Детальное рассмотрение избирательной кампании 2007 г. приводит к выводу, что произошло отсеивание объединений – сначала через поднятие минимальной численности политической партии, а затем через повышение барьера в 7%. Вновь ни одна из партий - аутсайдеров не вошла в диапазон от 3 до 5% – самой успешной из проигравших оказалась Аграрная партия России с результатом в 2,3%. Примечательно, что, как и на прошлых выборах ни одной либеральной партии не удалось пройти барьер, о чём свидетельствуют результаты «Яблока» (1,6%) и «Союза правых сил» (0,96%).

В соответствии с Конституцией В. Путин не мог баллотироваться на третий срок подряд [5], поэтому был необходим кандидат, обладавший поддержкой конституционного большинства, что дало бы преимущество на предстоящих выборах Президента РФ. Таким кандидатом стал Д.А. Медведев, первый заместитель председателя Правительства РФ, выдвинутый партией «Единая Россия». Кроме Д. Медведева в выборах принимали участие лидер КПРФ Г. Зюганов, председатель ЛДПР В. Жириновский и лидер Демократической партии России А. Богданов.

По результатам голосования, прошедшего 2 марта 2008 г., набрав 70,2% голосов, победил Д. Медведев. На втором месте с 17,7% находился Г. Зюганов, за ним – В. Жириновский (9,3%) и А. Богданов (1,3%). Явка составила 69,8%, вновь вернувшись к среднему показателю, после снижения на выборах в Думу 2007 года [9].

Громкая победа Д.А. Медведева объясняется популярностью «Единой России» и высоким рейтингом В.В. Путина, которые открыто демонстрировали поддержку победителю президентскойй гонки. Огромную роль сыграло создание образа тандема двух лидеров, таким образом, избиратели ассоциировали кандидата со стабильной политикой, проводимой до 2008 года.

Главной задачей на политической арене стала реализация представительства малых партий в парламенте, в особенности либеральной направленности. В своих выступлениях Президент Д. Медведев отмечал, что миллионы граждан лишены учёта их интересов, потому что партии не прошли в Госдуму. Впоследствии был принят закон, закреплявший получение мандатов списками кандидатов, набравших менее 7%, но не менее 5 (один мандат) или 6 (два мандата) процентов от проголосовавших избирателей [26].

Кроме того, весь президентский срок Д. Медведева характеризуется смягчением партийной системы, что отражалось в активной модернизации принятых законов (снижение минимальной численности партии с 50 до 45 тысяч членов, участие не прошедших в парламент партий на заседаниях, право партий, победивших на региональных выборах, предлагать кандидатов в губернаторы) [33].

Пиком либерализации данного периода стали массовые протесты 2011 г. в крупных городах России после выборов в Госдуму шестого созыва, что стало отправной точкой последующей радикальной реформации. Несмотря на укрепление позиций либеральных объединений после создания партии «Правое дело» и увеличения числа партий в партийно-политической системе до семи, решающее слово всегда оставалось за партией парламентского большинства «Единая Россия».

Таким образом, по результатам голосования «Единая Россия» получила 49,32% голосов избирателей и 238 мандатов. На второй позиции – КПРФ, набравшая 19,19% голосов и 92 мандата. За ними ЛДПР с 11,67% голосов (56 мандатов) и «Справедливая Россия» с 13,24% голосов (64 мандата). Как ни странно, поправка о предоставлении мандатов партиям, не прошедшим барьер в 7%, оказалось неуместной в реалиях выборов – так, партия «Яблоко» набрала 3,43% голосов, «Правое дело» и «Патриоты России» набрали меньше одного процента [10].

Такая расстановка сил спровоцировала волну критики не только со стороны партийных лидеров, но и со стороны общественности, что выразилось в массовых митингах и вовлечении правоохранительных органов для фиксации нарушений в избирательном процессе [15].

Конец 2011 – начало 2012 годов стало началом реализации масштабного пакета политических реформ – снижение минимальной численности партий для регистации с 45 тысяч до 500 человек [22], возвращение прямых выборов глав регионов [28], отмена сбора подписей для партий, не представленных в Госдуме [29].

К декабрю 2012 г. количество восстановленных и новосозданных партий выросло до 47 организаций, в их числе Демократическая партия России, партии «Новая Россия», «Молодая Россия», «Города России», Партия пенсионеров России, Российская экологическая партия «Зелёные», Российская партия пенсионеров за справедливость, Социал-демократическая партия Россия и другие [18]. Также стоит отметить выборы 2012 г., когда пост Президента РФ вновь занял В.В. Путин, набрав 63,6% голосов избирателей, а премьер-министром стал Д. Медведев [11].

В апреле 2012 г. на выступлении с ежегодным отчётом о деятельности правительства в Государственной Думе В. Путин заявил, что Россия завершила постсоветский этап и переходит к созданию стабильного во всех сферах государства [1].

Период 2000–2012 годов характеризовался переходом от фрагментированной многопартийности к централизованной модели с

доминирующей партией. Ключевым отличием данного периода выступает создание устойчивой «партии власти», хотя такие попытки предпринимались дважды во время президентского срока Б. Ельцина. Особый успех блока «Единство», а впоследствии партии «Единая Россия», объяснялся лояльностью федеральных СМИ, жёсткими действиями В. Путина в отношении чеченского конфликта и растущим рейтингом Президента.

Несовершенство проводимой политики было особенно продемонстрировано в течение полномочий Думы четвертого созыва, когда «Единая Россия» поглотила весь центристский блок и руководящие должности в парламенте, фактически ограничив остальные фракции в выражении интересов. Кроме того, показатель явки избирателей стремительно падал, что стало последствием предсказуемости выборов и низкой конкурентоспособности оппозиционных объединений.

Еще одной яркой чертой данного периода стало резкое снижение количества партий из-за ужесточения законов. Кроме того, наблюдалось «увядание» крупнейших партий, имевших успех на выборах 1993 и 1995 годов, – так, ЛДПР формально стала союзником «Единой России», поддерживая инициативы. С другой стороны, КПРФ трансформировалась в оппозиционную, а после скандала с финансированием подверглась стремительной потере электората.

Также заметна тенденция чередования жёсткой и мягкой политики в отношении партийного строительства, о чём свидетельствует радикальное отличие законопроектов президентских сроков В. Путина и Д. Медведева.

К концу 2011 г. партийная система функционировала как элемент вертикали власти, что сказалось на малочисленных партиях, которые теперь не имели доступа к парламенту, или были ликвидированы. Модель, обеспечивавшая политическую стабильность и управляемость, исчерпала доверие электората, что проявилось в протестах и потребовало экстренной реформации, которая и была предпринята в начале 2012 года.

На протяжении 2012 года наблюдалось активное наращивание численности политических партий, что стало следствием либерализации закона «О политических партиях», однако «Единая Россия» не потеряла свою популярность, все также оставляя за собой конституционное большинство. Стоит отметить, что новые и восстановленные партии не были конкурентоспособными по отношению к другим парламентским партиям (КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия») из-за отсутствия узнаваемости и трудности создания разветвленных региональных структур.

Список литературы:

1. В.В. Путин выступил в Государственной Думе с отчётом о деятельности Правительства з а 2011 год // Первый канал: сайт. URL: https://www.1tv.ru/news/2012-04-11/99430-v_putin_vystupil_v_gosudarstvennoy_dume_s_otchyotom_o_deyatelnosti_pravitelstva_za_2011_god (дата обращения: 29.05.2026).

2. Вступительное слово В.В. Путина на расширенном заседании Правительства с участием глав субъектов Российской Федерации от 13.09.2004. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22592 (дата обращения: 21.05.2026).

3. Закон РФ от 27.12.1991 (ред. от 04.07.2003) № 2124-1 «О средствах массовой информации» // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 20.06.2026).

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 2020. – 4 июля (№ 144).

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря (№ 237).

6. Лепина, М. Полное собрание обвинений / М. Лепина // Газета Коммерсантъ №216 (2819) от 26.11.2003. URL: https://www.kommersant.ru/doc/431102 (дата обращения: 20.06.2026).

7. Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (далее – ЦИК РФ) от 8 декабря 2007 года № 72/591-5 «О результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва» // ЦИК Российской Федера-

ции: офиц. сайт. URL: http://www.cikrf.ru/law/decree_of_cec/2007/12/08/Zp070591.php (дата обращения: 29.05.2026).

8. Постановление ЦИК РФ от 31 августа 2004 г. № 115/868-4 «О работе по обобщению практики проведения федеральных выборов, выборов в органы государственной власти субъектов Российской Федерации в 2002 – 2004 годах и подготовке предложений по изменению и дополнению отдельных положений законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/901914060 (дата обращения: 20.06.2026).

9. Постановление ЦИК РФ от 7 марта 2008 г. № 104/777-5 «О результатах выборов Президента Российской Федерации» // ЦИК Российской Федерации: офиц. сайт. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100022249920&vrn=100100022176412&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100022249920&type=226 (дата обращения: 29.05.2026).

10. Постановление ЦИК РФ от 9 декабря 2011 г. № 70/576-6 «О результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации шестого созыва». // ЦИК Российской Федерации: офиц. сайт. URL: http://www.cikrf.ru/banners/duma_2011/itogi/result.php (дата обращения: 29.05.2026).

11. Протокол Центральной избирательной комиссии о результатах выборов Президента Российской Федерации от 4 марта 2012 года. // ЦИК Российской Федерации: офиц. сайт. URL: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/2012/itogi/result.php (дата обращения: 29.05.2026).

12. Протокол Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о выборах Президента Российской Федерации от 26 марта 2000 г. // ЦИК Российской Федерации: офиц. сайт. URL: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/2000/files/2000-Protokol_CIK.doc (дата обращения: 29.05.2026).

13. Протокол Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о выборах Президента Российской Федерации от 14 марта 2004 г. // ЦИК Российской Федерации: офиц. сайт. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=1001000882951&vrn=1001000882950&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=1001000882951&type=226 (дата обращения: 29.05.2026).

14. Протокол Центральной избирательной комиссий Российской федерации о результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации четвертого созыва 2003 года. // ЦИК Российской Федерации: офиц. сайт. URL: http://www.cikrf.ru/law/decree_of_cec/2005/07/26/Zp061005.php (дата обращения: 29.05.2026).

15. Римский, В.Л. Причины и мотивы протестных акций в России 2011–2012 гг. / В.Л. Римский // Мониторинг. – 2012. – №3 (109). – С. 110–113.

16. Сводная таблица ЦИК РФ об итогах голосования по выборам Президента Российской Федерации от 26 марта 2000 г. // ЦИК Российской Федерации: офиц. сайт. URL: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/2000/ (дата обращения: 29.05.2026).

17. Соколова, А.В. Модель оценки реального влияния групп и фракций на примере Государственной Думы РФ третьего созыва / А.В. Соколова // Экономический журнал ВШЭ. – 2011. – №1. С. 122-123.

18. Список политических партий, зарегистрированных Министерством юстиции Российской Федерации // Министерство юстиции Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/45157/ (дата обращения: 29.05.2026).

19. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 21. – Ст. 2162.

20. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 29. – Ст. 2950 (ст. 3).

21. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (ред. от 20 декабря 2004 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 29. – Ст. 2950 (ст. 3).

22. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (ред. от 2 апреля 2012 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 29. – Ст. 2950 (ст. 3).

23. Федеральный закон от 11.12.2004 № 159-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных

органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и в Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации"» // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50659/ (дата обращения: 20.06.2026).

24. Федеральный закон от 12 июля 2006 г. № 107-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части отмены формы голосования против всех кандидатов (против всех списков кандидатов)» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 29. – Ст. 3125.

25.Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 25. – Ст. 2493.

26. Федеральный закон от 12 мая 2009 г. № 94-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с повышением представительства избирателей в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 20. – Ст. 2399 (ст. 5).

27. Федеральный закон от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 21. – Ст. 1919.

28. Федеральный закон от 2 мая 2012 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 19. – Ст. 2274 (ст. 2).

29. Федеральный закон от 2 мая 2012 г. № 41-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с освобождением политических партий от сбора подписей избирателей на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 19. – Ст. 2275 (ст. 1).

30. Федеральный закон от 20 декабря 2002 г. № 175-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 51. – Ст. 4982.

31. Федеральный закон от 31 декабря 1999 г. № 228-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 1 (часть II). – Ст. 11.

32. Федеральный закон от 5 августа 2000 г. № 113-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 50. – Ст. 4848.

33. Федеральный закон от 5 апреля 2009 г. № 41-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и Федеральный закон "О политических партиях"» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 14. – Ст. 1593.

34. Хроника заседания Государственной Думы от 29.12.2003 // Государственная Дума: офиц. офиц. сайт. URL: http://api.duma.gov.ru/api/transcriptFull/2003-12-29 (дата обращения: 20.05.2026).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 323.272(47+57)"2003/2024" + 321.7

Д.А. Коновалов
Научный руководитель – кандидат исторических наук Н.А. Мязин

НЕУДАЧНЫЕ ПОПЫТКИ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА

В статье проводится анализ неудачных попыток для протестующих «цветных революций» на постсоветском пространстве, по результатам которого доказывается, что так называемые «цветные революции» являются замаскированными государственными переворотами и не могут рассматриваться в качестве настоящих революциий, после которых должны происходить коренные изменения в политической или иных системах государства. Выделены предпосылки и причины неудач «цветных революций» в бывших республиках СССР, подчёркивается, что такого рода акции являются способом изменить геополитическую ориентацию государства, а также то, что «цветные революции» происходят в странах, где существуют предпосылки для дестабилизации обстановки.

Ключевые слова: «цветная революция»; революция; государственный переворот; ненасильственный характер; выборы; постсоветское пространство.

D.A. Konovalov
Scientific supervisor – Candidate of Historical Sciences N.A. Myazin

UNSUCCESSFUL ATTEMPTS AT «COLOR REVOLUTIONS» IN THE POST-SOVIET SPACE AS A KIND OF COUP D'ETAT

The article analyzes the failed attempts of the "color revolutions" in the post-Soviet space, and concludes that the so-called "color revolutions" are disguised coups d'état and cannot be considered true revolutions that would lead to fundamental changes in the political or other systems of the state. The article highlights the prerequisites and reasons for the failures of the "color revolutions" in the former Soviet republics, emphasizing that such actions are a way to change a state's geopolitical orientation and that "color revolutions" occur in countries where there are prerequisites for destabilization.

Keywords: color revolution; revolution; coup d'etat; nonviolent nature; elections; post-Soviet space.

Как известно, в первой четверти XXI века по постсоветскому пространству прошла череда цветных революций. В некоторых странах – в Грузии («революция роз» 2003 г.), на Украине («оранжевая революция» 2004 г. и «Евромайдан» 2014 г.), в Кыргызстане («тюльпановая революция» 2005 г. и аналогичные ей события 2010 и 2020 гг.), Молдове («сиреневая революция» 2009 г.) и в Армении («бархатная революция» 2018 г.) протестующие добились успеха и власть в странах сменилась. В некоторых – в Белоруссии («васильковая революция» в 2006 г. и попытка переворота в 2020 г.), России («болотные протесты» 2011–2013 гг.), в Казахстане («январские события» 2022 г.) и в Грузии (протесты осени–зимы 2024 г.) выступления были подавлены властями или успеха не имели. Как показывают события в Грузии осенью–зимой 2024 г. вероятность проведения подобных событий в граничащих с Россией странах с последующим изменением их внешнеполитической ориентации на прозападную и антироссийскую остается высокой.

Уже много раз было доказано (и это мнение разделяется как официальными российскими властями, так и российскими исследователями), что так называемые «цветные революции» – это, замаскированные под «стихийные» выступления народных масс, ненасильственные (за исключением «Евромайдана» 2014 г.) государственные перевороты, проведённые под демократическими лозунгами и на основе стремления протестующих к демократии с использованием политических и социальных технологий и при поддержке протестующих со стороны заинтересованных внешних сил, приведшие к смене политической элиты и её ориентации, но не приведшие к существенным изменениям в политической и иных системах в государстве [7; 8, с. 73–74, 76–77, 78–80; 12, с. 11; 17, с. 174; 18; 26, с. 61, 64–65]. Стоит отметить, что при «цветной революции» не происходит фундаментальных изменений в политиче-

ской, социальной и экономической системе государства, вместо этого меняется состав правящих лиц, причём иногда при сохранении правящей элиты.

В ходе исследования было выявлено, что государственные перевороты в странах бывшего СССР произошли (или были подавлены) в странах с так называемыми «гибридными» политическими режимами, где присутствовали как склонные к авторитаризму лидеры, так и действующие элементы демократического режима, и где в действительности были политические или иные проблемы, вызвавшие недовольство действующей властью т.е. были в наличии причины для дестабилизации обстановки.

В ходе исследования были проанализированы не удавшиеся (для оппозиции) «цветные революции» на постсоветском пространстве. Результаты анализа с указанием предпосылок, совпадения с признаками и причин неудачи представлены ниже.

1. «Васильковая революция» в Беларуси (март 2006 г.):

Предпосылки:

1. Недовольство части населения политическим «застоем» в стране и наличием несменяемого президента [27, с. 188];

2. Недовольство оппозицией и части населения результатами мартовских президентских выборов 2006 г. [16, с. 81–82; 27, с. 188];

Особенности:

1. Ненасильственный характер действий протестующих [27, с. 189];

2. Наличие молодёжных организаций – «Зубр» и «Молодой фронт» [27, с. 188];

3. Наличие свободно действующей, но рассогласованной оппозиции, несмотря на аресты некоторых её предводителей: Белорусский народный фронт и кандидат от оппозиции А. Миленкевич [16, с. 79–80; 27, с. 187];

4. Недовольство части населения авторитарным стилем правления А. Г. Лукашенко и требования выбора проевропейского вектора развития, требования демократизации и увеличения свободы в республике, а также требования отставки президента и перевыборов;

5. Наличие обвинения власти в фальсификации итогов голосования ещё до конца выборов и объявления результатов; активная работа НКО и НПО в предвыборный период, непризнание результатов выборов со стороны ОБСЕ, непризнание результатов выборов в ЕС и США, поддержка оппозиции со стороны Польши и Литвы, попытка поддержки оппозиции со стороны «Кхмары» и «Поры» [16, с. 80–82; 27, с. 188–189];

6. Наличие символов – василёк + иногда к символу протестов относят джинсы как символ свободы и красно-белый флаг националистов [16, с. 79–80; 27, с. 188];

7. Наличие оппозиционных СМИ: телеканал «Белсат» [17, с. 80];

8. Наличие захвата Октябрьской площади в Минске [16, с. 82].

Причины провала:

1. Сохранение населения и силовых структур лояльности режиму [16, с. 82–83, 85];

2. Подготовка правительства А. Г. Лукашенко к попытке «цветной революции» (давление на НПО и НКО, давление на СМИ, задержание части оппозиционеров) [16, с. 83–84; 27, с. 187–188];

3. Готовность подавить революцию силовым путём [27, с. 189];

4. Раздробленность оппозиции и отсутствие у неё единой и согласованной идеологической платформы [16, с. 84; 27, с. 189].

Итоги: «васильковая революция» не состоялась.

2. Болотные протесты в России (декабрь 2011 г. – июль 2013 г.):

Стоит отметить, что у исследователей нет единого мнения: были ли «болотные протесты» просто политическими протестами или же они могли перерасти в «цветную революцию». Тем не менее, это были одни из наиболее массовых протестных выступлений в России в XXI веке, поэтому, на наш взгляд, стоит их рассмотреть вместе с остальными «цветными революциями».

Предпосылки:

1. Недовольство части населения результатами декабрьских выборов в Государственную Думу в 2011 г. и победой правящей партии («Единая Россия») [4, с. 17–18; 6];

2. Недовольство части населения сложившейся политической системой, политикой В. В. Путина и «Единой России» [4, с. 3–4, 9, 17–18; 23; 25, с. 19–20, 23, 28].

Особенности:

1. Ненасильственный характер протестов, но были провокации в отношении правоохранительных органов [4, с. 12];

2. Молодежных организаций не было, но молодёжь принимала активное участие в протестах [4, с. 16];

3. Наличие свободно действующей оппозиции в т.ч. и в парламенте: парламентская оппозиция в виде КПРФ, ЛДПР, СР и непарламентская в виде «Демократической коалиции» (ПАРНАС, Яблоко, Российский народно-демократический союз и т.д.) и правых и левых политических партий, и движений [4, с. 8; 25, с. 23–24];

4. Основными требованиями протестующих были объявление парламентских и, позже, президентских выборов сфальсифицированными и проведение новых честных открытых выборов; прекращения использования административного ресурса на выборах; требования роспуска Государственной Думы РФ и отставки В. В. Путина; расследования деятельности ЦИКа; освобождения задержанных на митингах и политзаключённых; изменения правил регистрации оппозиционных партий, а также требования борьбы с коррупцией, произволом чиновников и правоохранительных органов [4, с. 3–4, 9, 17, 22; 23; 25, с. 23];

5. Стоит отметить, что несмотря на явную критику, результаты парламентских и президентских выборов в РФ были признаны «международным сообществом»; поддержка из-за рубежа российской оппозиции не была оказана [4, с. 7, 23; 29];

6. Наличие символа – белая лента;

7. Использование социальных сетей: ВКонтакте, LiveJournal, Facebook [4, с. 5; 5].

Причины провала:

1. Наличие лояльности власти со стороны населения;

2. Раздробленность оппозиции и отсутствие чёткой и внятной политической программы [4, с. 32–33];

3. Отсутствие сильного запроса на перемены со стороны населения;

4. Готовность власти применить силу для разгона протестующих [4, с. 11, 22–23].

Итоги: протесты «выдохлись» и прекратились в 2013 г.

Следует подчеркнуть, что в данном случае, о какой-то реальной революции говорить сложно, так как, по нашему мнению, в стране не было реальной революционной ситуации. В случае же гипотетической победы оппозиции («цветная революция») произошёл бы обычный переворот с использованием масс и переходом власти к либеральной оппозиции. Никаких реальных изменений, скорее всего, не было бы.

3. Протесты в Белоруссии (май 2020 – февраль 2021 г.):

Предпосылки:

1. Недовольство населения результатами августовских президентских выборов 2020 г. – победой А. Лукашенко [15, с. 47, 58; 21];

2. Усталость населения от авторитарного стиля правления Лукашенко, политического застоя и отсутствия видимых изменений;

3. Отказ избиркома регистрировать оппозиционных кандидатов и их задержание [19, с. 10];

Особенности:

1. Ненасильственный характер протестов [15, с. 59];

2. Оппозиционных молодёжных организаций не было, но основной силой протестов была молодёжь и студенты;

3. Наличие свободно действующей оппозиции: публичный лидер оппозиции – Светлана Тихановская, «Координационный совет белорусской оппозиции» и иные оппозиционные организации и партии [15, с. 57; 19, с. 12];

4. Наличие обвинений в репрессиях против оппозиции, фальсификации выборов в пользу действующего президента; протестующие требовали прекратить насилие и освободить политзаключенных, отставки Лукашенко, требования честных выборов и честного подсчёта голосов [14; 21];

5. Стоит отметить, что антироссийских лозунгов не было, требования оппозиции по отношению к России носили нейтральный характер, а лидеры заявляли о сохранении дружеских отношений с РФ [1];

6. Непризнание результатов выборов со стороны стран ЕС и США, поддержка оппозиции со стороны Литвы и Польши, финансирование и поддержка НКО и НПО в Беларуси, обвиняемых в поддержке протестующих и оппозиции [3, с. 11–12, 17; 15, с. 59; 19, с. 8, 12; 21];

7. Наличие символа: бело-красно-белый флаг [19, с. 19–20];

8. Наличие оппозиционных СМИ: сеть телеграмм каналов NEXTA [3, с. 13; 15, с. 59; 19, с. 6–7].

Причины провала:

1. Открытая поддержка режима Лукашенко со стороны России;

2. Готовность властей применять силу по отношению к протестующим [14];

3. Раздробленность оппозиции и отсутствие у неё единой и согласованной программы [19, с. 25];

Итоги: в какой-то мере повторился сценарий 2006 года: протесты были подавлены, и революция не состоялась.

4. Протесты в Казахстане (январь 2022 г.):

Как и в случае с «болотной» среди экспертов есть разногласия по поводу: стоит ли считать казахстанские события неудавшейся цветной революцией или нет. Мы же проанализируем и этот случай.

Предпосылки:

1. Резкий рост цен на газ при сохранении в стране высокой инфляции и экономической стагнации [10, с. 108; 11; 13, с. 8; 30];

2. Недовольство части населения своим тяжёлым экономическим положением [10, с. 109–110, 119; 11; 13, с. 7–9, 12–13].

3. Недовольство части населения фактически полуавторитарным стилем многолетнего правления Н. Назарбаева и сохранением его влияния на политику [10, с. 109–110; 13, с. 15];

4. По одной из версий протесты были продолжением начавшегося в 2019 г. транзита власти и частью политической борьбы как между силами, поддерживающими бывшего президента Н. Назарбаева (условный «клан Назарбаева») и действующего президента К.-Ж. Токаева («клан Токаева»), так и внутри этих кланов [11; 13, с. 15, 17].

Особенности:

1. Сначала протесты носили мирный характер, но после переросли в столкновения с полицией, беспорядки и уличные бои, уровень насилия вырос, появились погибшие [11; 13, с. 16, 20];

2. Особенностью стало наличие вооружённых группировок неясного происхождения преимущественно на юге Казахстана, совершавших нападения на административные здания, а позже захвативших аэропорт; власти Казахстана посчитали их террористами или связанными с ними [10, с. 112–113, 119; 28];

3. Не было оппозиционных молодёжных организаций, студенты в протестах участвовали, но не были большинством;

4. Наличие внутриэлитного раскола [11; 13, с. 16];

5. Недовольство протестующих было вызвано повышением цен на газ и поначалу носило социально-экономический характер, но протесты быстро стали политическими: протестующие требовали окончательного ухода Н. Назарбаева из политики и отставки правительства, начала борьбы с коррупцией и кумовством, борьбы с бедностью и безработицей [9; 10, с. 110–111; 30];

6. Несмотря на наличие в Казахстане связанных с США и ЕС НПО и НКО их участие в протестах остаётся под вопросом; со стороны ЕС и США никакого признания и одобрения деятельности протестующих не было;

7. Наличие символов: лозунги «Старик, уходи!», «Вперёд, Казахстан!», «Мы не террористы» [10, с. 111, 116; 13, с. 15; 30];

8. Наличие захвата административных зданий и перекрытие площадей в городах [10, с. 111; 30].

Причины провала:

1. Ввод войск ОДКБ в Казахстан с согласия казахского правительства позволил высвободить силы для подавления протестов [10, с. 112; 13, с. 24];

2. Впоследствии выполнение требований протестующих (уход Назарбаева, отмена повышения цен на газ) [13, с. 14–15, 22];

3. Явное отсутствие у протестующих поддержки среди населения.

Итоги: в Казахстан были введены миротворческие войска ОДКБ, Назарбаев покинул пост главы Совета безопасности Казахстана, часть членов его «клана» была арестована или покинула свои посты [10, с. 117]; власти учли требования протестующих в т.ч. отменили повышение цен на газ. Революция или, как пишут в некоторых источниках, попытка государственного переворота не состоялась.

Стоит отметить данный случай спорным, так как по факту, скорее всего, планировалась попытка госпереворота под видом массовых протестов с последующим вооружённым захватом власти (быстрое появление вооруженных формирований), погашенная введением в страну войск ОДКБ.

5. Протесты в Грузии после парламентских выборов (октябрь 2024 г. – январь 2025):

Предпосылки:

1. Недовольство части населения результатами парламентских (26 октября; победа партии «Грузинская мечта»), а позже и президентских выборов (14 декабря) в Грузии [22; 24];

2. Недовольство части населения приостановкой процесса Евроинтеграции и его переносе на 2028 г. [22; 24].

Особенности:

1. Поначалу мирный характер протестов, но позже протесты переросли в драки с полицией [22];

2. Оппозиционных молодёжных организаций не было, но основной силой протестов была молодёжь;

3. Наличие свободно действующей проевропейской и проамериканской оппозиции: бывший президент Грузии Саломе Зурабишвили и коалиции оппозиционных партий (Коалиция за перемены, Единство – национальное движение) [22; 24];

4. Протестующие требовали отмены результатов парламентских (позже, в декабре ещё и президентских) выборов и перевыборов, освобождения задержанных, отмены ранее принятых законов об иноагентах и ЛГБТ, отставки правительства, возобновления процесса интеграции с ЕС и прозападного внешнеполитического курса; власти и победившая на выборах «Грузинская мечта» обвинялись в фальсификации выборов;

5. Непризнание результатов выборов со стороны оппозиции при признании её со стороны ЕС; представители ЕС призвали проверить факты нарушений на выборах [2; 22; 24];

6. На наш взгляд, символом протестов можно считать лазерные указки, которые использовали протестующие, а также флаг ЕС;

7. Наличие оппозиционных СМИ: социальные сети Facebook, Instagram и TikTok;

Причины провала:

1. Раздробленность оппозиции и несогласованность её действий;

2. Лояльности части населения действующему режиму;

3. Готовность режима применить силу в отношении протестующих.

Итоги: протесты постепенно ослабли, а после использования властями Грузии полиции для разгона протестующих и выезда из страны лидера оппозиции – Саломе Зурабишвили и вовсе прекратились. Революции не произошло.

Учитывая явную поддержку Саломе Зурабишвили со стороны стран Запада, в случае успеха действий протестующих скорее всего повторилась ситуация 2003 года – произошёл бы «мирный переворот» с захватом власти в Грузии явными прозападными силами с последующей их самолегитимизации путём повторных выборов.

Исходя из анализа несбывшихся цветных революций на постсоветском пространстве можно сделать следующие выводы:

1. Наиболее точно под определение «цветной революции» и признаки подходят события в Беларуси в 2006 и 2020 гг. и в Грузии в 2025 году. События в России в 2011–2012 гг. имеют спорную трактовку, а «январские события» 2022 г. в Казахстане, по нашему мнению, «цветной революцией» в полной мере считать нельзя;

2. «Цветные революции» в вышеуказанных странах не произошли из-за наличия сильной власти, способной быстро подавить протесты, отсутствия явных предпосылок для массового недовольства и наличия настоящих предреволюционных обстановок. Хотя стоит отметить наличие в том или ином виде недовольства у части населения.

Список литературы:

1. Белорусская оппозиция обратилась к России // LENTA.RU. 2020. – 14 сентября. URL: https://lenta.ru/news/2020/09/14/obratilas/ (дата обращения: 20.02.2026).

2. В ЕС считают, что парламентские выборы в Грузии прошли с нарушениями // Интерфакс. – 2024. – 28 октября. URL: https://www.interfax.ru/world/988916 (дата обращения: 20.02.2026).

3. Грибин, Н.П. «Белорусский синдром» в контексте обновленной дорожной карты «цветных революций» / Н.П. Губин, В.Я. Плетнев // Власть. – 2021. Т. 29. – №2. – С. 9–21.

4. Зайцев, Д.Г. Протестное движение в России 2011–2012 годов: проблема субъектности / Д.Г. Зайцев., В.Е. Карастелев // Политическая наука. Ежегодник. – 2013. – С. 231–266.

5. Западные СМИ о митинге на Болотной площади // BFM.RU. – 2011. – 11 декабря. URL: https://www.bfm.ru/news/163956 (дата обращения: 20.02.2026).

6. Итоги митинга в Москве: резолюция и требования // РБК. 2011. – 10 декабря. URL: https://www.rbc.ru/politics/10/12/2011/5703f0409a79477633d3af70 (дата обращения: 20.02.2026).

7. Кара-Мурза, С.Г. Экспорт революции. Саакашвили, Ющенко ... / С.Г. Кара-Мурза., А.А. Александров., М.А. Мурашкин., С.А. Телегин – М.: Алгоритм, 2005 // Сайт: Сергей Георгиевич Кара-Мурза о культуре, истории, экономике и политике России. URL: https://kara-murza.ru/books/export/index.htm (дата обращения: 20.02.2026).

8. Карпович, О.Г. Цветные революции как инструмент системной дестабилизации политических режимов: угрозы и вызовы для России / О.Г. Карпович // Национальная безопасность. – 2015. №1 (36) – Внешние угрозы и противодействие. – С. 73–87.

9. Кошечкина, В. В Казахстане участники «газовых» протестов призвали Назарбаева уйти из политики / В. Кошечкина // LENTA.ru. – 2022. 4 января. URL: https://lenta.ru/news/2022/01/04/ket/ (дата обращения: 20.02.2026).

10. Кривенко, Г.И. Январские протесты 2022 г. в Казахстане / Г.И. Кривенко // История и современность. – 2023. №1 (47). – С. 107–123.

11. Курылев, К. Анализ январских событий в Казахстане / К. Курылев // Катехон. Научный журнал Института Царьград. – 2022. – 19 января. URL: https://katehon.com/ru/article/analiz-yanvarskih-sobytiy-v-kazahstane (дата обращения: 20.02.2026).

12. Манойло, А. В. Гибридные войны и цветные революции в мировой политике / А. В. Манойло // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2015. – №4. – С. 7–19.

13. Мансуров, Т.З. Политические протесты 2022 года в Казахстане: специфика, динамика и механизмы урегулирования / Т.З. Мансуров // PolitBook. – 2022. – №2. – С. 6–34.

14. Марш студентов в Минске 1 сентября 2020: протесты, требования и задержания // Комсомольская правда. – 2020. – 1 сентября. URL: https://www.kp.ru/daily/217176/4280116/ (дата обращения: 20.02.2026).

15. Минаков, М. Всемирно-гражданское значение Белорусского протеста – 2020 и постсоветских протестных движений / М. Минаков // TOPOS. – 2021. – №2. – С. 45–74.

16. Наумов, А.О. К вопросу о причинах провала «цветных революций» (на примере «Васильковой революции» в Беларуси) / А.О. Наумов., А.Ю. Наумова., Н.П. Иващенко // Дискурс-Пи. – 2024. Т. 21. – №2. – С. 72–89.

17. Наумов, А.О. «Цветные революции» на постсоветском пространстве: взгляд десять лет спустя / А.О. Наумов // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – №45 – Правовые и политические аспекты управления. – С. 148–178.

18. Остроменский, М.П. Основы противодействия гражданского общества «цветным» революциям / М.П. Остроменский // Война и мир. – 2011. – 23 октября. URL: https://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/62983/ (дата обращения: 20.02.2026).

19. Пономарева, Е.Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы / Е.Г. Пономарева // ОБОЗРЕВАТЕЛЬ-OBSERVER. – 2021. – №2 (373). – С. 5–28.

20. Пономарева, Е.Г., Рудов, Г.А. «Цветные революции»: природа, символы, технологии / Е.Г. Пономарева, Г.А. Рудов // ОБОЗРЕВАТЕЛЬ-OBSERVER. – 2012. – №3. – С. 36–48.

21. Поплавский, А. «Начало конца»: как прошел восьмой день белорусского протеста / А. Поплавский // ГАЗЕТА.RU. – 2020. – 17 августа. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/08/17_a_13197523.shtml?updated (дата обращения: 20.02.2026).

22. Попов, Д. В Грузии прокатилась новая волна беспорядков / Д. Попов // LENTA.ru. – 2024. – 29 ноября. – URL: https://lenta.ru/brief/2024/11/29/georgia/ (дата обращения: 20.02.2026).

23. Сапрыкин, Ю. Б — Болотная / Ю.Сапрыкин // Коммерсантъ. – 2021. – 30 июля. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4910676 (дата обращения: 20.02.2026).

24. Селезнев, И. Грузия оказалась на пороге госпереворота. Молодёжь отметила салютом новости о разрыве отношений с Западом / И.Селезнев // Независимая газета. – 2024. – 1 декабря. URL: https://www.ng.ru/cis/2024-12-01/1_2_9146_georgia.html (дата обращения: 20.02.2026).

25. Смирнова, М.В. Болотная площадь или ветер перемен (политико-социальный анализ феномена массовых протестов в России в начале второго десятилетия XXI в.) / М.В. Смирнова // Вестник РУДН, серия Политология. – 2012. №3 – С. 19–28.

26. Тлецпок, Р.А. «Цветные революции»: теоретический концепт и политическая практика / Р.А. Тлецпок // Вестник АГУ. – 2019. – №4 (249) – С. 60–71.

27. Трифонов, А.С. «Революции» в Украине (2004) и Республике Беларусь (2006): сравнительный анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – №10 (48) – С. 185–191.

28. Токаев: террористы численностью 20 тыс. совершили минимум шесть волн атак в Алма-Ате // ТАСС. – 2022. – 7 января. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13372907 (дата обращения: 20.02.2026).

29. Цирюлик, Д. Запад вынес вердикт российским выборам / Д. Цирюлик // Независимая газета. – 2011. – 7 декабря. – URL: https://www.ng.ru/world/2011-12-07/8_verdikt.html (дата обращения: 20.02.2026).

30. Чунихина, М. Какие требования выдвигают протестующие в Казахстане? / М. Чунихина // Аргументы и факты. – 2022. – 5 января. URL: https://aif.ru/politics/world/kakie_trebovaniya_vydvigayut_protestuyushchie_v_kazahstane (дата обращения: 20.02.2026).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 323.272(47+57)"2003/2024"

Д.А. Коновалов
Научный руководитель – кандидат исторических наук Н.А. Мязин

СВЕРШИВШИЕСЯ «ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА

В статье даны определения терминам «революция», «государственный переворот» и «цветная революция», сформулированы критерии, по которым можно определить «цветную революцию». Проводится анализ успешных для протестующих «цветных революций» на постсоветском пространстве, по результатам которого доказывается, что так называемые «цветные революции» являются замаскированными государственными переворотами и не являются настоящими революциями так как после них не происходят коренные изменения в политической или иных системах в затронутых «цветными революциями» государствах. Подчёркивается, что «цветные революции» являются способом изменить геополитическую ориентацию государства, а также то, что «цветные революции» происходят в странах, где существуют предпосылки для дестабилизации обстановки.

Ключевые слова: «цветная революция»; революция; государственный переворот; ненасильственный характер; выборы; постсоветское пространство.

D.A. Konovalov
Scientific supervisor – Candidate of Historical Sciences N. A. Myazin

THE ACCOMPLISHED «COLOR REVOLUTIONS» IN THE POST-SOVIET SPACE AS A KIND OF COUP D'ETAT

The article defines the terms "revolution", "coup d'état", and "color revolution", and formulates the criteria for identifying a "color revolution". The article analyzes the successful "color revolutions" in the post-Soviet space, and concludes that the so-called "color revolutions" are disguised coups d'état and are not true revolutions, as they do not lead to fundamental changes in the political or other systems in the countries affected by the "color revolutions". It is emphasized that "color revolutions" are a way to change a state's geopolitical orientation, and that "color revolutions" occur in countries where there are prerequisites for destabilization.

Keywords: color revolution; revolution; coup d'etat; nonviolent nature; elections; post-Soviet space.

В современном мире довольно остро стоит проблема так называемых «цветных революций». Как показали события в Грузии осенью 2024 г. данные события имеют схожие черты и признаки, и называются «революциями». Но в результате этих «революций» никаких революционных изменений в затронутых этим явлением странах не происходит, а наблюдается смена элиты и, в лучшем случае, «косметические» изменения политической системы. Поэтому можно выдвинуть предположение, что «цветные революции» не являются полноценным революциями, а всего лишь государственными переворотами, произведёнными при помощи населения этих стран. Но для того, чтобы доказать это предположение, сначала нужно дать несколько определений.

Начать стоит с определения термина «революция», причём в политическом смысле этого слова так как революции бывают социальными, экономическими, культурными, научно-техническими и т.д. По результатам анализа источников был сделан вывод, что «революция» – это резкое, коренное изменение политической и/или социальной и экономической системы государства, сопровождающееся созданием новой политической и/или социальной и экономической системы, сменой и/или уничтожением старой политической верхушки в государстве и, чаще всего; сопровождающаяся активным участием масс и носящая насильственный характер [3, с. 19; 4, с. 15, 17; 23, с. 269, 271, 278–279; 24, с. 138].

Теперь стоит дать определение термину «государственный переворот». Было выяснено, что государственный переворот – это смена или захват власти в государстве в нарушении конституционных и правовых норм, часто с применением силы для захвата власти. На наш взгляд, в современных условиях государственный переворот может осуществиться не только путём заговора или во-

оружённого захвата власти, но и с формальным соблюдением конституционных и правовых норм, и с использованием масс [2, с. 8; 3, с. 73–74; 11, с. 16]. Также хотелось бы отметить, что по терминологии О.Н. Глазунова будут рассматриваться в основном «ненасильственные (мирные)» перевороты [2, с. 8] на примере «цветных революций», так как, на наш взгляд, «цветные революции» можно отнести к государственным переворотам, но не к революциям так как по большей части во время их произошла только смена власти, но не произошло никаких структурных изменений в жизни общества.

В свою очередь под «цветной революцией» можно подразуменовать государственный переворот, проведённый под демократическими лозунгами и на основе стремления протестующих к демократии с использованием политических и социальных технологий и при поддержке протестующих со стороны заинтересованных внешних сил, приведший к смене политической элиты и её ориентации, но не приведший к существенным изменениям в политической системе государства и к устранению причин революции [5; 6; 7, с. 73–44, 76–77; 78–80; 10, с. 11; 14, с. 174; 15; 19, с. 61, 64–65]. Стоит отметить (и это будет показано в дальнейшем) при цветной революции не происходит никаких фундаментальных изменений в политической, социальной и экономической системе государства, а просто происходит замена правящих лиц, причём иногда при сохранении правящей элиты в целом.

Отметим, что на постсоветском пространстве «цветные революции» происходят в государствах с полуавторитарными режимами и с не до конца сложившимися политическими традициями, где присутствуют как склонные к авторитаризму лидеры, так и действующие элементы демократического режима (регулярно проходящие выборы в органы государственной власти и/или на должность президента; независимые СМИ; свободно действующая оппозиция и т.д.) и где в действительности есть политические (например, нестабильный политический режим), экономические, социальные и иные проблемы с реальным недовольством действующей властью, т. е. в наличии причины для дестабилизации обстановки.

Можно выделить следующие признаки «цветных революций»:

1. Стремление протестующих использовать технологии ненасильственной политической борьбы (например; на основе «198 методов ненасильственных действий» Джина Шарпа – та же кампания неповиновения действующей власти) или же стремление к минимизации насилия по крайней мере в начале выступлений.

2. Использование молодёжных оппозиционных организаций; как одной из сил революции.

3. Наличие сил, как внутри (оппозиция, контрэлита), так и за пределами государства, заинтересованных в смене государственной власти и изменении политики государства.

4. Использование демократических лозунгов, требований демократизации и увеличения свободы в обществе и выбора в пользу Запада (ЕС, США) как идеологической платформы оппозиции. Выполнение демократических преобразований после захвата власти оппозицией не обязательно.

5. Использование политических выборов и/или их результатов как повода для начала выступлений; либо, как показал Евромайдан, использование иных политических событий, имеющих большое влияние на общество (приостановка подготовки к подписанию соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС).

6. Использование СМИ и информационных технологий как для мобилизации общества, донесения оппозиционных идей до общества и манипуляции им, так и для создания негативного образа властей.

Нужно отметить, что обычно протестующие пользуются поддержкой со стороны стран Запада (страны ЕС и США) как напрямую, так и через неправительственные и некоммерческие организации с целью как усиления и продвижения своего влияния в стране, так и для придачи легитимности ориентированной на Запад оппозиции (Грузия – 2003 и 2024 гг. Украина – 2004/2014 и иные случаи).

Далее проанализируем успешные цветные революции на постсоветском пространстве. Результаты анализа с указанием предпосылок, совпадения с признаками и результатов представлены ниже.

1. «Революция роз» в Грузии с 2 ноября 2003 г. по 4 января 2004 г:

«Революцию роз» можно считать первой «цветной революцией» на постсоветском пространстве.

Предпосылки:

1. Наличие политического и экономического кризиса в стране на фоне частичного распада государства (конфликты в Абхазии; Аджарии и Южной Осетии) [5, с. 197; 14, с. 151–152];

2. Наличие недовольства населения и части элиты результатами правления Эдуарда Шеварнадзе [5, с. 197; 14, с. 151–152];

3. Наличие недовольства населения результатами ноябрьских парламентских выборов и победой правящей партии, подогреваемое фактами коррупции и обвинениями правящей партии «За новую Грузию» в фальсификации выборов.

Признаки:

1. Ненасильственный характер действий протестующих;

2. Наличие молодёжной организации – «Кхмара» [5, с. 197; 6; 14, с. 166];

3. Наличие фрагментации элит и контрэлиты, заинтересованной в получении власти (Саакашвили) [5, с. 198];

4. Наличие свободно действующей прозападной оппозиции («Объединённое народное движение» Михаила Саакашвили и «Демократы Бурджанадзе» Нино Бурджанадзе и Зураба Жвании) [6];

5. Причиной для выступлений стало недовольство результатами ноябрьских парламентских выборов и победой правящей партии («За новую Грузию») [5, с. 198; 14, с. 156];

6. Заинтересованность оппозиции (Саакашвили) во вступлении Грузии в ЕС; а также усиленная критика коррупции и низкого уровня демократии в Грузии, требования восстановить территориальную целостность страны [14, с. 152];

7. Непризнание результатов парламентских выборов международным сообществом и признание им победы Саакашвили на президентских выборах 2004 г. [14, с. 159–160], поддержка со стороны западных НКО (USAID и т.п.); поддержка со стороны активистов сербского «Отпора» [14, с. 166–167];

8. Символ – роза; красный и белый цвет, как цвет оппозиции [14, с. 161];

9. Наличие оппозиционных СМИ (телеканал «Рустави-2») [5, с. 198; 6; 14, с. 158];

10. Провоцирование силовых структур на насилие;

11. Захват здания парламента и парализация его работы.

В итоге оппозиция захватила парламент. Результаты парламентских выборов были аннулированы. На последовавших за революцией выборах победил Михаил Саакашвили, начавший проводить проамериканскую политику, что позже привело к войне 8 августа 2008 года.

В тоже время необходимо отметить, что после «революции» не произошло никаких фундаментальных изменений в грузинской политической системе и в жизни общества. Последующие события можно назвать реформами, но никак не революционными преобразованиями. Следовательно, «революция роз» является не революцией, а ненасильственным переворотом, осуществлённым формально с применением демократических процедур и правовых норм (партия Саакашвили получила легитимность по итогам парламентских выборов 2004 г.) и использованием разочарованных правлением Шеварнадзе масс для «сноса» старой власти и придания событиям облика революционности.

2. «Оранжевая революция» на Украине с 22 ноября 2004 г. по 23 января 2005 г.:

Предпосылки:

1. Сохранение недовольства у граждан низким уровнем жизни несмотря на экономический рост [14, с. 150–151];

2. Наличие недовольства части населения и элиты победой условно пророссийского В. Януковича на октябрьских президентских выборах 2004 г.;

3. Политический раскол в виде националистического Запада страны; пророссийского Донбасса и аморфных центра и юга и, как следствие – наличие политического кризиса и раскола в обществе и элитах [14, с. 152–153];

Признаки, в целом, схожи с «Революцией роз»:

1. Ненасильственный характер действий протестующих и отсутствие жертв;

2. Наличие молодёжной организации – «Пора» + поддержка со стороны участников «революций» в Сербии и Грузии [6; 14, с. 166];

3. Наличие фрагментации элит с выделением как пророссийских (Янукович); так и прозападных группировок (Ющенко) [20, с. 186];

4. Наличие свободно действующей оппозиции в т.ч. и прозападной (блок партий «Наша Украина» и тогда ещё беспартийный (в «Нашей Украине» с 2005 г.) В. Ющенко с опытом работы премьер-министром) [6];

5. Использование технологий манипуляции обществом с целью поддержки оппо-

зиции через создание атмосферы праздника – концерты и дискотеки на Майдане [6; 14, с. 160];

6. Создание атмосферы заранее сфальсифицированных выборов через СМИ [14, с. 158–159];

7. Заинтересованность оппозиции в переориентировании развития Украины в сторону ЕС; лозунги борьбы против коррупции; призывы к национальному возрождению; демонизация противников, а также требования выбора западного пути развития [14, с. 163];

8. Непризнание результатов второго тура президентских выборов международным сообществом; поддержка со стороны западных НКО и НПО (некоммерческих политических организаций); поддержка оппозиции со стороны активистов «Кхмары» [14, с. 167–169];

9. Наличие символа – оранжевый цвет как цвет оппозиции [14, с. 161];

10. Наличие оппозиционных СМИ: Новостное агентство «УНИАН»; оппозиционная пресса; Интернет (новостной проект «Украинская правда») [14, с. 158];

11. Провоцирование силовых структур на насилие;

12. Оккупация территории: захват Майдана (площади Независимости) в Киеве.

В итоге власти согласились провести третий (дополнительный) тур выборов президента, в котором победу одержал Виктор Ющенко. Оппозиция, со своей стороны, согласилась на компромисс, добившись трансформации президентско-парламентской системы в сторону усиления роли парламента при ограничении полномочий президента. Началось постепенное дистанцирование Украины от России и усиление связей с западом.

Как и в случае с Грузией события носили бескровный характер и после «революции» не произошло никаких фундаментальных изменений (кроме усиления Рады) в украинской политической системе и в жизни общества. Последующие события можно назвать реформами, но никак не революционными преобразованиями. Следовательно, «оранжевая революция» является не революцией, а ненасильственным переворотом, осуществлённым формально с применением демократических процедур и правовых норм (победа В. Ющенко на третьем туре выборов) с приданием событиям облика революционности.

3. «Тюльпановая революция» в Киргизии с 20 марта по 11 апреля 2005 г.:

Предпосылки:

1. Социально-экономический кризис и резкое падение уровня жизни в республике [14, с. 150];

2. Политический кризис – недовольство общества и элит авторитарным правлением Аскара Акаева и сращиванием власти с криминалитетом;

3. Наличие раскола по территориальному признаку на развитый русскоязычный север и аграрный юг [14, с. 153];

4. Причиной для выступлений стало недовольство результатами парламентских выборов, по которым победа должна была достаться партии «Алга Кыргызстан», связанной с президентом.

Признаки:

1. Поначалу ненасильственный характер протестов, быстро переросший в вооруженное противостояние, что отличает от событий в Грузии и на Украине;

2. В тоже время провоцирование силовых структур на насилие, позже, из-за коллапса правоохранительных органов, превратившееся в массовое насилие с жертвами и криминальную войну;

3. Наличие молодёжных организаций – «Кел-Кел» и «Бирге» [14, с. 166];

4. Наличие элитного (кланового) раскола в стране – недовольство южных кланов правлением А. Акаева и их (кланов) малых представительством во власти [14, с. 153];

5. Наличие свободно действующей оппозиции – оппозиционные движения «Народное движение Кыргызстана» и «Ата-журт» под руководством К. Бакиева и Ф. Кулова [13, с. 15];

6. Наличие демократических требований: проведение новых свободных парламентских выборов; отставки президента и правительства; проведения в стране масштабных демократических и либеральных реформ [14, с. 153–154];

7. Признание парламентских выборов недействительными со стороны ОБСЕ и наблюдателями из ЕС [14, с. 159–160]; поддержка со стороны Грузии и Украины; поддержка активистов молодёжных организаций активистами из Грузии и Украины; поддержка со стороны НПО и НКО (USAID);

8. Наличие символа – тюльпан [14, с. 161];

9. Наличие оппозиционных СМИ: газеты «Республика» и «Моя столица – Новости» [13, с. 13].

В итоге как власти, так и оппозиция утратили контроль над толпой. Президент Аскар Акаев отказался от применения силы и покинул здание правительства (а затем выехал в Россию), которое вскоре было захвачено протестующими. В стране началась анархия и криминальная война. Встала угроза разрушения государственности. Парламент провозгласил и.о. президента – им стал лидер оппозиции Курманбек Бакиев, позже ставший президентом, но потерявший свой пост в результате аналогичной «революции дынь» в 2010 г.

Таким образом, революцией эти события назвать нельзя, так как в стране не поменялось ничего – только южные кланы сменили северные чтобы снова уйти через 5 лет в ходе аналогичной «революции дынь». По факту это был государственный переворот, причём носивший насильственный характер.

4. «Кирпичная/сиреневая революция/революция Twittera» в Молдавии в апреле 2009 г.:

Предпосылки:

1. Наличие социально-экономического кризиса и низкого уровня жизни [12; 18, с. 114];

2. Наличие политического кризиса между сторонниками интеграции с ЕС и присоединением к Румынии и сторонниками сохранения текущего положения дел и сохранения связей с Россией на фоне частичного распада государства – пророссийская ПМР [18, с. 106, 113–114, 115–116];

3. Наличие недовольства оппозицией и части населения результатами апрельских парламентских выборов и победой правящей партии [8, с. 1839–1840].

Признаки:

1. Поначалу ненасильственный характер действий протестующих, тем не менее, возможно, были погибшие в ходе беспорядков;

2. Молдавских молодёжных организаций не было, но основной силой протестов и беспорядков были студенты;

3. Наличие раскола среди элиты [18, с. 106];

4. Наличие свободно действующей проевропейски ориентированной оппозиции: ЛДМП; Либеральной Партии Молдавии и Альянса «Наша Молдова» [8, с. 1839];

5. Наличие требований оппозиции сменить «власть коммунистов», «перемен»; сменить вектор развития на проевропейский вплоть до вступления в ЕС/объединения с Румынией, а также свободы и демократизации при отсутствии единой программы [18, с. 106];

6. Несмотря на признание результатов выборов со стороны ОБСЕ [8, с. 1839; 12], оппозиция их не признала и объявила результаты сфальсифицированными [8, с. 1840], в тоже время была критика действий властей при подавлении беспорядков со стороны ЕС и поддержка протестующих со стороны Румынии [8, с. 1841–1842];

7. Наличие символов: кирпич и плитка; как основное оружие протестующих; сирень, так как протесты шли весной во время цветения сирени; соцсеть Twitter;

8. Наличие оккупации площади перед Парламентом Молдавии и захвата самого здания парламента.

Однко оппозиция быстро потеряла контроль над протестующими, что вылилось в массовые беспорядки, но, в отличие от Киргизии, жертв удалось избежать. В итоге власти силами полиции подавили беспорядки. По результатам последующих выборов ПКРМ потеряла большинство, к власти пришёл «Альянс за европейскую интеграцию». Кишинёв объявил о европейском векторе развития, а в стране, несмотря на сохранение какой-никакой стабильности начался затяжной политический кризис. Экономические и социальные проблемы решены не были.

Учитывая отсутствие каких-либо реальных изменений в политическом устройстве или иных системах в Молдавии, скорее всего, следует отнести «революцию плиток» к условно ненасильственному госпереворот, осуществлённому с помощью толпы с целью приведения к власти прозападной партии с последующей её легализацией.

5. «Евромайдан/Революция достоинства» на Украине с 21 ноября 2013 по 22 февраля 2014 г.:

Предпосылки:

1. Наличие социально-экономического кризиса в стране и снижения уровня жизни населения [14, с. 173-174];

2. Наличие политического кризиса: противостояние прозападной и «пророссийской» элиты; недовольство части элиты и населения политикой В. Януковича, разворотом в сторону России и приостановкой под-

писания соглашения об ассоциации Украины с ЕС [16, с. 18; 22];

3. Наличие политического раскола: националистический Запад, пророссийские Донбасс и Юго-Восток, и аморфный центр [7; с. 77; 14, с. 152–153].

Признаки:

1. Сначала ненасильственный характер действий протестующих, позже вылившийся в вооружённое противостояние с властью. Стоит отметить, что до попытки разгона Майдана в ночь с 29 по 30 ноября 2013 г. провокаций и явной агрессии не было, после начались провокации, позже приведшие к обострению обстановки и жертвам как среди протестующих, так и правоохранительных органов + явные агрессивные действия вооружённых протестующих против милиции и «Беркута» в январе 2014, приведшие к обострению беспорядков [16, с. 18–19; 22];

2. Отсутствие молодёжных организаций, но молодежь была одной из движущих сил революции;

3. Причиной для выступлений стало недовольство от приостановки подготовки к подписанию соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС. Позже к протестам присоединились недовольные разгоном демонстраций [16, с. 18; 22];

4. Наличие свободно действующей оппозиции: парламентские партии «Батькивщина», «УДАР», «Свобода» + Правый сектор – объединение националистических группировок [22];

5. Наличие демократических требований при отсутствии чёткой программы: требования подписания соглашения о евроассоциации; требования отставки президента и правительства; созыва «Народной рады» и перевыборов; требования борьбы с коррупцией и справедливости; требования прекращения репрессий против протестующих и освобождения заключенных; требования смены курса на прозападный и вступление Украины в ЕС; требования свободы; появились националистические призывы [22];

6. Наличие давления на В. Януковича со стороны представителей ЕС и США и поддержка оппозиции представителями США и ЕС, и признание ими лидеров оппозиции, а позже признание победившего на майских выборах 2014 г. П. Порошенко; активная работа НКО и НПО, связанных с ЕС и США [22];

7. На наш взгляд, символами Евромайдана можно считать флаг ЕС; черно-красный флаг и трезубец;

8. Наличие оппозиционных СМИ: телеканалы «Интер» и «Украина»; Интернет-издание «Украинская правда»; сетевые телеканалы «Громадське ТВ» и «Громадське телебачення»; социальные сети – преимущественно Facebook и Twitter;

9. Наличие оккупации площади Независимости – Майдана [22].

В итоге попытка разогнать протестующих силами спецназа «Беркут» провалилась, что только озлобило протестующих. Произошёл государственный переворот, в ходе которого оппозиционеры смогли получить власть в свои руки. В. Янукович бежал из страны. Президентом стал П. Порошенко. На востоке непринятие новой власти вылилось в вооружённое противостояние (война в Донбассе); Крым стал частью России, а в стране начался затяжной экономический, политический и социальный кризис. Украина окончательно попала под влияние стран ЕС и США, а отношения с Россией резко ухудшились. С февраля 2022 г. начался вооружённый конфликт между двумя странами.

Таким образом, в настоящее время Украина де-юре является президентской республикой с отменой выборов из-за войны, а де-факто диктатурой с нарушением своих же собственных законов. Но, несмотря на это, настоящей революцией события 2014 г. назвать нельзя, так как в стране не произошло каких-либо фундаментальных изменений в политической и иных системах. А, учитывая явную поддержку протестующих со стороны стран Запада, и резкую смену политического курса после Майдана, следует говорить о хорошо проведённом государственном перевороте, во время которого под видом массовых выступлений произошёл перехват управления над Украиной.

6. «Бархатная революция» в Армении с 13 апреля по 8 мая 2018 г.:

Предпосылки:

1. Недовольство части населения решением бывшего президента С. Саргсяна выдвинуть свою кандидатуру на пост премьер-министра и сильное недовольство политикой действующих властей [1, с. 82; 17, с. 92; 21, с. 197];

2. Наличие социально-экономического кризиса и низкого уровня жизни населения [1, с. 84; 87];

Признаки:

1. Ненасильственный характер протестов, но драк с полицией и беспорядков не удалось избежать, хотя жертв не было;

2. Молодёжных организаций не было, но молодёжь и студенты были одной из движущих сил революции [1, с. 91];

3. Наличие свободно действующей оппозиции: Никол Пашинян с инициативами «Мой шаг» и «Отклони Сержа»; партии Гражданский договор; Блок Елк [17, с. 92–93; 21, с. 197];

4. Наличие оппозиционных СМИ, социальная сеть Facebook [1, с. 85, 91];

5. Наличие захвата территории: перекрытие протестующими центра Еревана.

Итогами «бархатной революции» стали отмена кандидатуры С. Саргсяна на пост премьер-министра; отстранение Республиканской партии от власти и избрание на пост премьер-министра Никола Пашиняна, связанного с партией Елк. Началось движение Армении в сторону ЕС и постепенное охлаждение отношений с Россией.

Как и во всех предыдущих случаях каких-либо радикальных изменений в политической и иных сферах жизни Армении не произошло, поэтому революцией эти события назвать нельзя. Учитывая связи Пашиняна с тогда уже действующей оппозиционной партией Елк, скорее всего, это был хорошо замаскированный под революцию верхушечный переворот с использованием масс как тарана.

Исходя из анализа «цветных революций» на постсоветском пространстве, можно сделать следующие выводы:

1. Так называемые удачные «цветные революции» в странах постсоветского пространства по факту были не настоящими революциями, а государственными переворотами, так как во всех случаях не происходило реальных изменений политической, а также социальной, экономической и иных системах. Также по большей части не производилась замена элит, а иногда они и сами поддерживали протестующих (Украина; 2004/14 гг.).

2. В странах с удачными госпереворотами происходила либо переориентация в сторону стран Запада (США, ЕС), как в Грузии, или на Украине, либо постепенное охлаждение отношений с Россией (Армения, Киргизия, Молдавия), что даёт почву для предположений о заинтересованности «западных партнеров» в успехе революций;

3. По факту «настоящими» «цветными революциями» (условие – наибольшее совпадение по критериям) стоит считать «Революцию роз» в Грузии, «Оранжевую революцию» и «Евромайдан» на Украине, «Тюльпановую революцию» в Киргизии. Также из-за схожести и совпадения по некоторым признакам к «цветным революциям» можно отнести «Кирпичную революцию» в Молдавии и «Бархатную революцию» в Армении.

4. Протесты, кое-где переросшие в «цветные революции», произошли в странах, где уже наличествовали экономические, политические, социальные предпосылки для возникновения массового недовольства по тому или иному поводу.

Список литературы:

1. Атанесян, А.В. «Бархатная революция» в Армении: потенциал; достижения и риски протестной активности / А.В. Атанесян // Полис. Политические исследования. – 2018. – №6. – С. 80–98.

2. Глазунов, О.Н. Государственный переворот. Стратегия и технология / О.Н. Глазунов // М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2006. – 448 с.

3. Голдстоун, Джек А. Революции. Очень краткое введение / Джек А. Голдстоун. – М.: Издательство института Гайдара; 2017. – 200 с.

4. Гринин, Л.Е. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке / Л.М. Исаев, А.В. Коротаев, Л. Е. Гринин. – М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2015. – 384 с.

5. Каличава, А.В. Революция роз в Грузии: причины; ход событий и результаты / А.В. Каличава // 75-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета: материалы конф. В 3 ч. Ч. 3; Минск; 14–23 мая 2018 г. / Белорус. гос. ун-т; Гл. упр. науки; редкол.: В. Г. Сафонов (пред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2018. – С. 196–199.

6. Кара-Мурза, С.Г. Экспорт революции. Саакашвили; Ющенко ... / С.Г. Кара-Мурза, А.А. Александров, М.А. Мурашкин, С.А. Телегин – М.: Алгоритм, 2005 // Сайт: Сергей Георгиевич Кара-Мурза о культуре, истории, экономике и политике России. URL: https://kara-murza.ru/books/export/index.htm (дата обращения: 20.02.2026).

7. Карпович, О.Г. Цветные революции как инструмент системной дестабилизации политических режимов: угрозы и вызовы для России / О.Г. Карпович // Национальная безопасность. – 2015. – №1 (36). – Внешние угрозы и противодействие. – С. 73–87.

8. Комаров, Н.А. Причины и последствия «цветной» революции в Молдове в 2009 году / Н.А. Комаров // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2022. – Т.12. – №5 (86). – С. 1838–1844.

9. Ленин, В.И. Маёвка революционного пролетариата / В.И. Ленин // Викитека: сайт – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Маёвка_революционного_пролетариата_(Ленин) (дата обращения: 14.05.2026).

10. Манойло, А. В. Гибридные войны и цветные революции в мировой политике / А. В. Манойло // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2015. – №4. – С. 7–19.

11. Микал, Хем. Быть диктатором. Практическое руководство / М. Хем. – М.: Альпина Паблишер; 2016. – URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/SGigk3lgErcsUQL35xJDqNs6kS1m1_9YAvQjSiAcqYgz2OLMnzZ3CZRTDtgG2cBPoVm-3MmsY9ugMdcD6mYmJD47mqlbsBJqW2DKP8icVjttkxi8-Uyfjw/Byt_diktatorom.pdf.

12. Молдавия: "цветная" революция или бесцветный экономический кризис // РИА Новости – 2009. URL: https://ria.ru/20090408/167553196.html.

13. Наумов, А.О. К вопросу о причинах провала «тюльпановой революции» в Кыргызстане: роль внешнего фактора / А.О. Наумов // ГУМАНИТАРИЙ: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2021. – Т. 21. №1. – С. 9–18.

14. Наумов, А.О. «Цветные революции» на постсоветском пространстве: взгляд десять лет спустя / А.О. Наумов // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – №45 – Правовые и политические аспекты управления. – С. 148–178.

31. Остроменский, М.П. Основы противодействия гражданского общества «цветным» революциям / М.П. Остроменский // Война и мир. – 2011. – 23 октября. URL: https://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/62983/ (дата обращения: 20.02.2026).

15. Паниотто, В.И. Украина. Евромайдан / В.И. Паниотто // Вестник общественного мнения. – 2013. – №. 3–4 (116). – С. 17–23.

16. Тарханян, М.А. Конституционный кризис в контексте бархатной революции в Армении: основные этапы; особенности и выводы / М.А. Тарханян // Вестник РПА. – 2019. – №2. – С. 90–101.

17. Ткачук, М.Е. «Революция» 7 апреля 2009 г. в республике Молдова: события и их причины / М.Е. Ткачук, А.А. Романчук, Ю.Д. Тимотина // История и современность. – 2023. – №2. – С. 101–121.

18. Тлецпок, Р.А. «Цветные революции»: теоретический концепт и политическая практика / Р.А. Тлецпок // Вестник АГУ. – 2019. – №4 (249) – С. 60–71.

19. Трифонов, А.С. «Революции» в Украине (2004) и республике Беларусь (2006): сравнительный анализ / А.С. Трифонов // Исторические; философские; политические и юридические науки; культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – №10 (48) – С. 185–191.

20. Федоровская, И. Политический кризис в Армении: приход к власти Никола Пашиняна / И.М. Федоровская // Россия и новые государства Евразии. – 2018. – №2. – С. 196–203. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2018_02/20_Fedorovskaya.pdf (дата обращения: 20.02.2026).

21. Хроника «Евромайдана» // ГАЗЕТА.RU. URL: https://www.gazeta.ru/politics/euromaidan/?utm_auth=false (дата обращения: 20.02.2026).

22. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.

23. Шульц, Э.Э. Теория революции Ленина / Э.Э. Шульц // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 478. – С. 137–144.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 330.34(479.22+575.2+477)"2000/2024"

Д.А. Коновалов, Н.А. Мязин

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ГРУЗИИ, КЫРГЫЗСТАНА И УКРАИНЫ ДО И ПОСЛЕ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»

В статье изучаются экономические показатели стран Грузии, Кыргызстана и Украины до и после произошедших в них «цветных революций» на примере изменения ВВП, ВВП на душу населения и индекса Джини (коэффициент неравенства) в период с 2000 по 2024 годы. Дополнительно рассмотрены показатели миграции из Киргизии и демографические данные на Украине. Сделан вывод, что что на изменение экономических показателей влияют не сами «цветные революции», а действия, предпринимаемые пришедшими к власти правительствами и сложившиеся в стране и в мире экономические условия.

Ключевые слова: Грузия; Кыргызстан; Украина; политика; экономика; ВВП; коэффициент неравенства; цветная революция.

D.A. Konovalov, N.A. Myazin

ECONOMIC INDICATORS OF GEORGIA, KYRGYZSTAN, AND UKRAINE BEFORE AND AFTER THE «FLOWER REVOLUTIONS»

The article examines the economic indicators of Georgia, Kyrgyzstan, and Ukraine before and after the "color revolutions" that took place in these countries, using the changes in GDP, GDP per capita, and the Gini coefficient (inequality measure) from 2000 to 2024. Additionally, it examines migration patterns from Kyrgyzstan and demographic data in Ukraine. It is concluded that the change in economic indicators is not caused by the "color revolutions" themselves, but by the actions taken by the governments that came to power and the economic conditions in the country and around the world.

Keywords: Georgia; Kyrgyzstan; Ukraine; policy; economy; GDP; inequality coefficient; color revolution.

В первой четверти XXI в. по постсоветскому пространству прошла череда цветных революций. В Грузии («революция роз» 2003 г.), на Украине («оранжевая революция» 2004 г. и «Евромайдан» 2014 г.), Кыргызстане («тюльпановая революция» 2005 г. и аналогичные ей события 2010 и 2020 гг.), Молдове («сиреневая революция» 2009 г.) и в Армении («бархатная революция» 2018 г.) протестующие добились успеха и власть в странах сменилась. В Белоруссии («васильковая революция» в 2006 г. и попытка переворота в 2020 г.), России («болотные события» 2011–2013 гг.), Казахстане («январские события» 2022 г.) и в Грузии (протесты осени–зимы 2024 г.) протесты были подавлены властями или успеха не имели. При изучении этих политических явлений чаще всего рассматриваются вопросы влияния цветных революций на политические системы стран, в которых они произошли, предпосылки и политические последствия. «Цветные революции» являются не революциями, а проведёнными под демократическими лозунгами государственными переворотами и никакого «революционного» влияния на разные сферы жизни (в т. ч. на экономику) они не оказывают. Для изучения выбраны страны с успешными «цветными революциями»: Грузия («Революция роз» в 2003 г.), Кыргызстан («Тюльпановая революция» 2005 г., «Апрельская революция» 2010 г. и государственный переворот 2020 г.) и Украина («Оранжевая революция» 2004 г. и «Евромайдан» 2014 г.).

Для анализа использовались следующие показатели: ВВП и ВВП на душу населения в долларах, индекс Джини – коэффициент общественного неравенства, в случае Киргизии – данные по миграции, а в случае Украины – данные изменения численности населения. Для представления более полной картины указанные страны сравниваются по данным показателям с соседями по региону.

Одной из причин «революции роз» в ноябре 2003 г. стало недовольство грузин тяжёлой экономической ситуацией в стране. В советский период экономику отличала дотационность – подушевое потребление (самое высокое в СССР) в 4 раза превосходило производство [6, с. 31]. Перед распадом СССР

Грузинская ССР была развитой аграрно-индустриальной республикой, а также общесоюзным курортом.

Грузия. В 1990-е гг. в Грузии из-за гражданской войны с потерей части территорий и разрыва экономических связей с Россией произошёл экономический коллапс. Увеличилась эмиграция населения из страны в т.ч. на заработки.

В 2000 г. экономика Грузии начала восстанавливаться после спада 1990-х гг. Правительство Э.А. Шеварнадзе провело ограниченную приватизацию, либерализацию внешней торговли и стабилизацию курса лари. В страну пошли иностранные инвестиции, в первую очередь связанные со строительством нефте- и газопроводов (нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан). ВВП Грузии в 2000 г. превышал армянский, но отставал от азербайджанского (см. Таблица №1).

Таблица №1

Показатели ВВП стран Закавказья ($ млрд) с 2000 по 2024 гг. [22; 23]

Страна	Год							
	2000	2003	2005	2010	2014	2015	2020	2024
Азербайджан	5,3	7,3	13,3	53	75	53	43	74
Армения	1,9	2,8	4,9	9,3	11,6	10,6	12,6	26
Грузия	3,1	4	6,4	12,4	18	15,2	16	34

По ВВП на душу населения стран Закавказья Грузия опережала соседей (см. Таблица №2). К концу 2002 г. ситуация по показателям ВВП и ВВП на душу населения не изменилась. Грузию отличал высокий показатель общественного неравенства, характеризующего степень расслоения общества по экономическому признаку (уровень доходов): в 2002 г. он составил 37 пунктов [22; 23].

Таблица №2

Показатели ВВП на душу населения стран Закавказья ($ тыс.) с 2000 по 2024 гг. [22; 23]

Страна	Год							
	2000	2003	2005	2010	2014	2015	2020	2024
Азербайджан	660	880	1.580	5.840	7.890	5.500	4.230	7.280
Армения	590	880	1.560	3.040	3.850	3.510	4.270	8.560
Грузия	750	1.010	1.640	3.280	4.830	4.090	4.300	9.240

Тем не менее, низкий уровень жизни и застойные результаты правления Шеварнадзе способствовали росту общественного недовольства. В отличие от иных случаев «цветных революций» пришедшее после ноябрьского государственного переворота 2003 г. («революция роз») правительство М. Саакашвили имело чёткую программу осуществления не только политических (сближение с ЕС и НАТО с последующим вступлением в евроатлантические структуры), но и экономических рыночных либеральных реформ.

В ходе реформ произошло сокращение количества министерств и ведомств и их дебюрократизация с увольнениями сотрудников и их заменой на новых. Началась борьба с коррупцией. Снижены налоговые ставки, проведена налоговая амнистия по доходам до 2004 г. В 2007 г. максимально упростили таможенную политику и процесс регистрации бизнеса. Массовая приватизация, удачно совпавшая с ростом мировой экономики и зарубежными инвестициями, способствовала наполнению бюджета. Создавались свободные экономические зоны. Произошла либерализация трудового законодательства вместе с отменой минимальной заработной платы [2, с. 218; 13; 14; 15]. Структура экономики изменилась в сторону увеличения сферы услуг и международного транзита в т. ч. в Россию.

Однако, в 2008 г. ВВП на душу населения в сравнении с соседними странами снизился, что говорит о снижении уровня жизни, и оценивается как негативные последствия неолиберальных экономических реформ.

Индекс неравенства оставался высоким: в 2008 г. он достиг 39 пунктов [24]. Это объясняется тем, что благоприятные для иностранного бизнеса реформы вместе с «побочными эффектами» – изменениями в трудовом законодательстве с отменой минимальной зарплаты и высокой инфляцией не сильно способствовали росту заработной платы и уровня жизни основной массы населения.

Вызванный последствиями развязанной Грузией войны 2008 г. и финансового кризиса 2008 г. с оттоком иностранных инвестиций экономический спад 2009 г. грузинская экономика преодолела, но это привело к увеличению государственного долга [13; 14]. В 2010 г. продолжился экономический рост, в 2011 г. ВВП превысил уровень, всё ещё отставая от азербайджанского. ВВП на душу населения в 2011 г. превысил армянский. Рост ВВП и ВВП на душу населения продолжился вплоть до 2015 г. [22; 23]. Показатель неравенства, достигнув максимума в 2011 г. в 40 пунктов снизился до 27 в 2015 г., но затем начал увеличиваться [24]. Пришедшее после М. Саакашвили правительство восстановило конструктивные отношения с Россией в экономической сфере, что, учитывая заинтересованность Грузии в российском рынке, благотворно сказалось на развитии экономики.

В 2020 г. по подушевому ВВП республика обогнала Армению и Азербайджан. После 2022 г. Грузия стала активнее работать с физическими и юридическими лицами российского происхождения, что способствовало росту экономики, также развитие получила сфера услуг. В 2024 г. ВВП достиг $34 млрд, а подушевой ВВП – $9,2 тыс. [22; 23] – это лучший показатель в Закавказье. Показатель неравенства, в 2017 г. достигнув 38 пунктов постепенно снизился до 34 в 2024 г., но всё ещё остаётся высоким [24]. Можно сделать вывод, что после «революции роз» экономическая ситуация в Грузии улучшилась: проведённые правительством М. Саакашвили глубокие целенаправленные экономические реформы позволили преодолеть экономический кризис и после нормализации отношений с Россией добиться устойчивого роста экономики.

Кыргызстан. Киргизская ССР, несмотря на экономические дотации, являлась одной из самых бедных советских республик [6, с. 31]. В республике преобладал аграрный сектор. Существовала диспропорция в развитии между промышленным русскоязычным севером и аграрным сельскохозяйственным югом. Сохранилась высокая доля сельского населения и пережитки родоплеменного уклада в т. ч. деление на кланы. В 1990-е гг. в стране прошла приватизация, сформировался негосударственный сектор экономики, развивалась сфера услуг, увеличивались объёмы иностранных инвестиций. Распад общесоюзных производственных цепочек привёл к деиндустриализации. Произошло сращивание политической элиты, представленной «кланом Акаева» с бизнесом. Вырос уровень бедности. Проблему создал активный рост населения: экономика не могла всех обеспечить работой, что привело и к росту безработицы, и к трудовой миграции в первую очередь в Россию. Начало 1990-х гг. характеризовалось массовым оттоком квалифицированных (в первую очередь русскоязычных) кадров из страны [5, с. 3; 17, с. 6, 12, 17, 18].

Таблица №3

Показатели ВВП стран Центральной Азии ($ млрд) с 2000 по 2024 гг. [22, 23]

Страна	Год							
	2000	2003	2005	2010	2014	2015	2020	2024
Казахстан	18,4	30,8	57	148	221	184	171	291
Кыргызстан	1,4	1,9	2,5	4,8	7,5	6,7	8,3	17,5
Таджикистан	0,86	1,56	2,3	5,6	8,5	8,3	8,1	14,2
Туркменистан	2,9	5,98	8,1	22,6	39	36	42	51
Узбекистан	13,8	10,1	14,3	50	81	86	66	115

В 2000 г. экономическом плане Киргизия, несмотря на преодоление вызванного распадом СССР падения и экономического роста 1996–1999 гг., замедлившегося в 1998 из-за влияния дефолта в России, была одной из самых бедных постсоветских республик. Хуже показатели были только у Молдавии и у соседнего разрушенного гражданской войной Таджикистана. ВВП Киргизии в 2000 г. составил $1,37 млрд (см. Табл. №3), а подушевой ВВП – $280 (см. Табл №4) [22; 23].

Таблица №4

Показатели ВВП на душу населения стран Центральной Азии ($ тыс.) с 2000 по 2024 гг. [22; 23]

Страна	Год							
	2000	2003	2005	2010	2014	2015	2020	2024

Казахстан	1.180	1.960	3.580	8.790	12.430	10.200	8.780	14.150
Кыргызстан	280	380	480	880	1.270	1.110	1.230	2.420
Таджикистан	137	234	330	740	1.080	960	830	1.340
Туркменистан	630	1.230	1.600	4.060	7.160	5.760	5.970	6.860
Узбекистан	560	390	540	1.750	2.680	2.800	1.980	3.160

До 2005 г. в стране продолжился рост ВВП: с $1,27 млрд в 2000 г. до $2,2 млрд к концу 2004 г., а подушевого ВВП с $280 до $430 соответственно [22; 23]. В экономике вырос сектор услуг, но снизились доли сельского хозяйства и промышленности. В страну увеличился приток иностранных инвестиций, но в тоже время 2000–2003 годы охарактеризовались ростом эмиграции из страны. Наблюдался устойчивый рост населения – в 2004 г. средний возраст составил 22 года. Несколько снизилась доля живущих за чертой бедности. Но несмотря на улучшение экономического положения Киргизия к концу 2004 г. была второй по бедности республикой Центральной Азии опережая Таджикистан и отставая от Узбекистана и Казахстана [3, с. 55–57; 17, с. 116–118; 22; 23]. Отметим, что экономический рост и увеличение занятости совпали с ростом безработицы, а безработица и бедность стимулировали трудовую миграцию и эмиграцию из страны.

Вызванная недовольством киргизов победой проакаевских партий на выборах в Жогорку Кенеш – киргизский Парламент и недовольство тяжёлой экономической ситуацией «Тюльпановая революция» 2005 г. с приходом к власти южных кланов под руководством Бакиева приостановила экономический рост. Во время правления Бакиева не были решены проблемы с коррупцией в органах власти и клановостью – усилились южные кланы в противовес господствовавших до этого северным. Продолжалось сращивание власти с криминалом и криминализация экономики.

В 2005 г. рост ВВП замедлился, составив $2,46 млрд в целом и $480 на человека, быстро восстановившись и достигнув в 2008 г. $5,14 млрд ВВП в целом и $966 на человека [22; 23]. Тем не менее, страна стала самой бедной из стран Центральной Азии, ненамного уступив Таджикистану. Несмотря на это, до 2008 г. по официальным данным наблюдалось относительное снижение числа жителей за чертой бедности – с 45% в 2005 г. до 32% [5, с. 3–5; 17, с. 17–18, 28, 31]. Послереволюционный 2006 г. охарактеризовался резким ростом неравенства до 37 пунктов, что можно объяснить начавшимся в республике переделом собственности, принявшим откровенно криминальный характер [8]. С 2007 г., возможно из-за прекращения активного имущественного передела, началось снижение этого показателя: с 37 пунктов, считающихся высоким показателем в 2006 г. до считающихся средними 30 в 2009 г. [24]. Необходимо упомянуть и влияние мирового финансового кризиса в 2009 г. на общее падение доходов в республике.

Стоит отметить произошедший после «революции» всплеск эмиграции из страны в первую очередь в Россию, начавшийся в 2005 и достигший пика в 55 тыс. человек в 2007 г., вызванный политической нестабильностью в республике. С другой стороны, массовая эмиграция трудоспособного населения в первую очередь на заработки привела к увеличению переводов денег в республику из-за рубежа, достигших к 2008 г. $1,2 млрд, что составило 24% от всего ВВП, это позволило сгладить последствия вызванного политическим кризисом экономического спада.

В 2009 г. поступления иностранных инвестиций в киргизскую экономику достигли $4,6 млрд. Большая часть инвестиций поступала в обрабатывающую и добывающую промышленность и в финансовую сферу [5, с. 3–5; 17, с. 17–18, 28, 31].

Мировой экономический кризис негативно сказался на Киргизии: ВВП в 2009 году упал до $4,7 млрд (отставание от всех соседей), подушевой ВВП – до $870 на человека (опередила только Таджикистан) [22; 23]. Переводы денежных средств из-за рубежа снизились, составив 21% от ВВП [5, с. 5]. Выросли бедность и безработица в т. ч. среди молодёжи [17, с. 18–19]. Наиболее неблагополучными остались южные районы страны, в которых, до этого на них опиравшееся правительство Бакиева, потеряло поддержку. Одной из причин «апрельской революции» 2010 г. можно считать повышение тарифов на ЖКХ в начале года [12, с. 136; 20, с. 3–4].

«Апрельская революция» 2010 г., повторившая события «тюльпановой революции» и обладающая теми же чертами, началась с февральских митингов против повы-

шения тарифов на свет и тепло и требований решить социальные проблемы. В итоге Бакиев бежал, а власть перешла сначала к Временному правительству, а позже к законному избранному Президенту.

В экономическом плане Киргизия восстановилась после вызванного всемирным экономическим кризисом и государственным переворотом спада 2009–2010 гг.: ВВП и подушевой ВВП выросли с $4,8 млрд и $880 в 2010 до $9,4 млрд и $1,4 тыс. в 2019 г., пережив экономический спад 2015–2016 гг. В 2019 г. иностранные инвестиции в республику достигли $7,3 млрд [1; 22; 23]. Индекс неравенства увеличился до 30 в 2010 г., что можно связать с очередным послереволюционным переделом собственности, правда, в этот раз проводившимся под вывеской национализации, но уже в 2011 г. он снизился до 28 и далее не достиг показателей 30 и выше – Киргизия стала страной со средним уровнем неравенства [24], но всё ещё осталась второй по бедности республикой Центральной Азии. В 2010–2012 гг. из-за политической нестабильности увеличилась эмиграция из страны. Сохранилась трудовая миграция в соседние страны и в Россию [5, с. 3–5; 17, с. 17]. Почти половина ВВП приходилась на сферу услуг. По официальным данным наблюдалось снижение уровня безработицы: с 8,6% в 2010 г. до 5,5% в 2019 г. [18]. Продолжилась трудовая миграция и эмиграция из страны. К концу десятилетия экономический рост замедлился. В 2020 г. был экономический спад, усиленный безработицей, в целом по стране, поднявшейся до 6% [18], среди вернувшихся в назад из-за карантинных ограничений трудовых мигрантов.

Переворот 2020 г. частично повторил события 2005 г.: недовольство оппозиции победой коалиции провластных партий на осенних парламентских выборах, а также бедностью, коррупцией и нерешаемыми социальными проблемами привело к уже третьему перевороту и уходу Президента и Правительства в отставку. На фоне пандемии коронавируса и политической нестабильности в стране в 2020 г. произошёл очередной экономический спад: ВВП упал до $8,3 млрд, подушевой ВВП до $1,23 тыс. ВВП и подушевой ВВП соседних стран составили: Таджикистана – $8,1 млрд и $830; Туркменистана – $41,5 млрд и $5,97 тыс.; Узбекистана – $66,4 млрд и $1,98 тыс. и Казахстана – $171 млрд и $8,9 тыс. соответственно [22; 23]. Снизился приток иностранных инвестиций: в 2020 г. они упали до $6,9 млрд, в 2021 г. – $6,3 млрд [1]. В 2021 г. начался экономический рост, увеличившийся с 2022 г. Уровень безработицы в 2024 г. снизился до 3,7% [18]. Иностранные инвестиции в республику в 2022 г. на фоне релокации российских физических и юридических лиц превысили $9 млрд, но со временем начали снижаться [1]. Наиболее заметно рост сказался на сфере услуг, также оживились сельское хозяйство и промышленность. В 2024 г. ВВП и подушевой ВВП Кыргызстана составили $17,5 млрд и $2,42 тыс. [22; 23]. Тем не менее продолжилась эмиграция коренного населения из республики, чаще в Россию. Это может свидетельствовать о нерешённости экономических и социальных проблем в стране. Несмотря на экономический рост Киргизия так и осталась второй по бедности республикой Центральной Азии, опережая только Таджикистан.

Итак, «тюльпановая революция» 2005 г. и последующие государственные перевороты ни привели ни к каким серьёзным изменениям в Киргизской экономике – в стране не проводили экономических реформ. А учитывая постоянную трудовую эмиграцию из страны можно сделать вывод, что киргизская экономика всё также не в состоянии обеспечить своих граждан работой, что может привести к потенциальному социальному взрыву в случае ухудшения экономического положения.

Украина. В 1991 г. Украинская ССР была одной из самых развитых союзных республик, обладающей как развитыми сельским хозяйством и промышленностью, так и большим рекреационным потенциалом. Высокотехнологичное и встроенное в общесоюзные производственные цепочки производство, сосредоточенное преимущественно в юго-восточной и центральной части страны, давало существенные показатели ВВП. В отличие от России и Белоруссии, Украина не была республикой-донором, потребление на душу населения в ней несколько превышало показатели соседних славянских республик [6, с. 31].

В 1990-е гг. Украина подобно соседним странам сильно пострадала от распада общесоюзных производственных цепочек. Снизилась роль промышленности (многие предприятия в т. ч. высокотехнологичные обанкротились), увеличилась доля экспорта ресурсов и сельского хозяйства. В республике сформировалась рыночная экономика и прошла приватизация, приведшая к формирова-

нию олигархически-промышленных группировок [11, с. 25–29]. В 2000 г. ВВП Украины составил $32,4 млрд – меньше половины ВВП 1991 г., подушевой ВВП – $650. По ВВП Украина обогнала Молдавию и Белоруссию, а по подушевому ВВП она лишь немного опережала Молдавию. Происходила убыль населения: если в 1991 г. население УССР составило 51 млн чел. [21], то в 2000 г. – 49 млн человек [16].

Таблица №5

Показатели ВВП Российской Федерации и стран Восточной Европы ($ млрд, РФ – $ трлн) с 2000 по 2024 гг. [22, 23]

Страна	Год							
	2000	2003	2005	2010	2014	2015	2020	2024
Россия	260	430	764	1.520	2.060	1.360	1.490	2.170
Белоруссия	12,7	17,8	30,2	57	79	56	61	76
Молдавия	1,29	1,98	2,99	6,97	9,4	7,8	11,5	18,2
Украина	32,4	52	89	141	134	91	157	191

Таблица №6

Показатели ВВП на душу населения Российской Федерации и стран Восточной Европы ($ тыс.) с 2000 по 2024 гг. [22, 23]

Страна	Год							
	2000	2003	2005	2010	2014	2015	2020	2024
Россия	1.770	2.980	5.320	10.700	14.050	9.280	10.100	14.900
Белоруссия	1.280	1.820	3.130	6.350	8.340	5.970	6.540	8.320
Молдавия	440	680	1.020	2.440	3.290	2.750	4.380	7.570
Украина	650	1.080	1.880	3.040	3.060	2.090	3.710	5.390

В 2000–2004 гг. экономика Украины росла: ВВП и подушевой ВВП к концу 2004 г. достигли $67 млрд и $1,4 тыс. соответственно [22; 23]. Быстро развивалась сфера услуг. Оживились промышленность и сельское хозяйство в т. ч. за счёт торговли с Россией. Увеличилась доля среднего класса. В то же время экономика становилась все более экспортноориентированной [11, с. 27–29]. Увеличилась трудовая миграция из страны, в первую очередь в Россию и Польшу, как и поступление денежных средства из-за рубежа: в 2003 г. объём личных денежных переводов превысил $1 млрд [4, с. 15–16]. Сохранился контроль политико-экономических и региональных кланов и олигархов над отраслями экономики. За это время ВВП и подушевой ВВП соседних стран составили: Российской Федерации – $591 млрд и $4,1 тыс., Белоруссии – $23,14 млрд и $2,38 тыс. и Молдовы – $2,6 млрд и $900 соответственно [22; 23]. В то же время индекс неравенства составил в 2003 г. 29 пунктов, что было ниже, чем в вышеуказанных странах [24]. Это можно объяснить бедностью республики по сравнению со своими соседями (кроме Молдовы). Естественная убыль населения продолжилась, но сократилась до приблизительно до – 4 чел. на 1 тыс. к 2004 г. [4, с. 10]. Тем не менее экономический рост имел определённые последствия: на Украине появился пусть и небольшой, но заинтересованный в политическом участии средний класс

После вызванного недовольством нежелающей гипотетической победы пророссийского В. Януковича на президентских выборах и недовольной бедностью и коррупцией оппозицией (поддерживаемой и финансируемой странами ЕС и США), государственного переворота – «оранжевой революции» 2004 г. на Украине в целом наблюдался экономический рост, но более медленный, чем в России и Белоруссии хотя никаких экономических реформ проведено не было, а правительство Юлии Тимошенко недальновидно начало с Россией «торговые войны». ВВП в 2008 г. составил $188 млрд, подушевой ВВП – $4,02 тыс. В 2009 г. из-за всемирного экономического кризиса ВВП и подушевой ВВП упали до $122 млрд и $2,61 тыс. соответственно. В 2013 г. ВВП вернулся к докризисным показателям: $191 млрд, подушевой ВВП – $4,13 тыс., что было в 4 раза меньше показателей России и в 2 раза меньше, чем у Белоруссии и традиционно выше, чем в Молдавии – $3,32 тыс. [22; 23]. Индекс неравенства в 2013 г. составил 25 пунктов [24], что было ниже, чем у соседних России, Белорус-

сии и Молдовы. Увеличилась трудовая миграция за рубеж, в первую очередь в Россию. Объём денежных переводов из-за рубежа на Украину вырос с приблизительно $1 млрд в 2003–2004 гг. до $10 млрд в 2013 г., что составило примерно 5% от ВВП. Уровень официальной безработицы был в районе 8% [4, с. 15–16], но из-за более благоприятного чем в России климата и возможности жить подсобным хозяйством можно предположить, что в реальности он был выше. Экономика стала более экспортоориентированной. Увеличилась доля экспорта продуктов сельского хозяйства, сырья и продуктов его обработки. Снизилась в эскорте доля высокотехнологичной продукции. Развивалась сфера услуг и в то же время продолжалась деиндустриализация [11, с. 28–29]. Демографический кризис продолжился: к 2013 г. по официальным данным население Украины составило 45 млн человек [25], хотя убыль населения к 2012 г. сократилась до – 1,7 чел. на 1 тыс. жителей [4, с. 8–9]. Считается, что, несмотря на рост ВВП, украинская экономика с 2009 г. находилась в кризисе, усилившемся в 2012 г. Выходом из кризиса для правительства Януковича, могло бы стать вступление в Таможенный союз и возможность получения кредитов от России, но это потребовало приостановки подписания соглашения об ассоциации Украины с ЕС, что вызвало недовольство у части проевропейски настроенного населения.

В отличие от «революции роз» в Грузии, «оранжевой» революции на Украине и «тюльпановой» и последующих революций в Киргизии предпосылкой «Евромайдана» стали не результаты выборов, а приостановка процесса подготовки подписания соглашения об ассоциации Украины с ЕС. Стимулом для протестов выступило и стремление сторонников евроинтеграции не допустить присоединения Украины к Таможенному Союзу. В итоге противостояние власти с проевропейской оппозиции вылилось в уличные бои, переросшие в насильственный (чем и отличается от иных «цветных революций») госпереворот – «Евромайдан» с последующим приходом к власти проевропейских сил.

После «Евромайдана» экономический кризис на Украине усилился. По ВВП на душу населения Украину опередила Молдавия – «незалежная» стала самой бедной из признанных стран Европы. Экономический спад объясняется как потерей индустриально развитого Донбасса и Крыма, дававших до 25% ВВП, так и разрывом экономических связей с Россией, что привело к банкротству и закрытию части предприятий, до этого ориентировавшихся на российский рынок. Индекс неравенства в обществе сильно не изменился, оставаясь низким в пределах 24–26 пунктов [24]. Продолжился процесс депопуляции: в 2021 г. население Украины составило 41 млн чел. [25]. Продолжилась деиндустриализация экономики. Увеличилась доля сельского хозяйства – в 2018 г. агропромышленный комплекс дал почти 40% валютной выручки в т. ч. за счёт увеличения экспорта зерна в ЕС. Увеличилось количество работающих за рубежом украинцев, как и поступления денежных средств из-за рубежа: в 2021 г. они составили $15 млрд. Безработица в 2021 г. достигла 10% от населения. Началась переориентация экспорта с РФ на рынки ЕС [10, с. 12–13, 16–17, 19, 30–33]. Выросла закредитованность экономики: государственный долг в 2021 г. составил 60% от ВВП, достигнув $90 млрд [7]. В экономике сохранилось господство олигархических групп. Увеличилась финансовая поддержка из США, ЕС, МВФ, отдельных правительств, до начала СВО, составившая около $70 млрд. Часть займов уходила на погашение задолженностей. В 2022 г. на Украине была построена экономика, зависящая от иностранной помощи.

Можно констатировать, что «оранжевая революция» 2004 г. не изменила структуру экономики Украины, а после «Евромайдана» 2014 г. экономическая ситуация на Украине только ухудшилась. Реальных экономических реформ в стране не было проведено.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы, касающиеся влияния «цветных революций» на изменения экономических показателей в странах, где они произошли.

В Грузии после «революции роз» 2003 г. правительство М. Саакашвили провело масштабные либеральные реформы в т. ч. в экономике, позволившие стране выйти из кризиса и достигнуть устойчивого роста ВВП и ВВП на душу населения. Однако, индекс неравенства всё ещё остается высоким. Следует признать, что последствия «революции роз» для Грузии в экономическом плане следует считать удачными, что является исключением для постсоветского пространства.

В Киргизии «Тюльпановая революция» 2005 г. привела к экономическому спаду, вызванному политической нестабильностью, но к 2007 г. вновь начался экономический рост, который закончился в 2008 г. из-за всемирно-

го экономического кризиса. Ухудшение экономической ситуации вместе с реакцией властей (поднятие тарифов) стали одной из причин «апрельской революции» 2010 г. Но уже в 2011 г. экономика восстановилась и рост продолжился до начала пандемии ковида в 2019 г. Государственный переворот 2020 г. не оказал сильного влияния на экономику и уже в 2021 г. она снова стала расти. Уровень неравенства в стране остался средним, так как после государственных переворотов правительства не проводили масштабных экономических реформ, то можно сделать вывод, что перевороты не оказали заметного влияния на киргизскую экономику.

Начавшийся в 2000-е гг. экономический рост на Украине продолжился и после «оранжевой революции» 2004 г., остановившись только в 2008 г. из-за всемирного экономического кризиса. Правительство В. Ющенко серьёзных экономических реформ не проводило, хотя в это время и начались «торговые войны» с Россией. После «Евромайдана» 2014 г. экономические показатели снизились из-за отделения от Украины Крыма и Донбасса (ДНР, ЛНР), дававших до 25% всего ВВП и разрыва экономических связей с Россией при невозможности быстро их заменить за счёт Европы. Докризисных показателей экономика достигла только в 2021 г. Тем не менее, уровень неравенства остался средним. С 2022 г. ввиду активной экономической поддержки со стороны стран ЕС и США экономика Украины носит дотационный характер, что в случае прекращения зарубежной помощи, может привести к экономическому краху. Правительства П. Порошенко и В. Зеленского никаких серьёзных экономических реформ не проводили. «Оранжевая революция» ситуацию не изменила, а «Евромайдан» только ухудшил.

В итоге, можно сказать, что на изменение экономических показателей влияют не сами «цветные революции», а действия, предпринимаемые пришедшими к власти правительствами, которые могли быть направлены на борьбу с коррупцией и выстраивание представителями новых властей конструктивных взаимодействий с Россией, как со страной, имеющей ведущие экономические показатели в регионе.

Список литературы:

1. 4.04.00.01 Структура поступления иностранных инвестиций. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Инвестиции. Статистика. Динамические таблицы // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: https://stat.gov.kg/ru/statistics/investicii/ (дата обращения: 18.06.2026).

2. Андронова, И.В., Катамадзе, А. Трансформация экономической политики Грузии / И.В. Андронова, А. Катамадзе // Вестник РУДН. Серия: экономика. – 2018. – Т. 26. – № 2. – С. 212–223.

3. Баум, Л. Динамика экономических реформ в постсоветском Кыргызстане / Л. Баум // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – №2 (50). – С. 1–11.

4. Григорьев, Л.М., Голяшев, А.Б., Буряк, Е.В. Социально-экономический кризис на Украине / Л.М. Григорьев, А.Б. Голяшев, Е.В. Буряк // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2014. – 50 с. URL: https://ac.gov.ru/files/publication/a/3586.pdf (дата обращения: 18.06.2026).

5. Григорьев, Л., Голяшев А., Лобанова А., Павлюшина, В. В фокусе: Киргизия – развитие в сложных условиях / Л. Григорьев, А. Голяшев, В. Павлюшина // Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. – 2017. – №22. – 16 с. URL: https://ac.gov.ru/files/publication/a/13856.pdf (дата обращения: 18.06.2026).

6. Гусев, А.Б., Юревич, М.А., Екимова, Н.А., Адвокатова, А.С. Постсоветское пространство 30 лет спустя: самостоятельность vs синергия / А.Б. Гусев, М.А. Юревич, Н.А. Екимова, А.С. Адвокатова // Terra Economicus. – 2022. – № 20(2). – С. 21–39.

7. Зеленский: госдолг Украины будет снижен до уровня менее 50% от ВВП по итогам 2021 года // ТАСС (2021.01.12). URL: https://tass.ru/ekonomika/13076847 (дата обращения: 18.06.2026).

8. Именем революции. Передел собственности в Киргизии продолжается // ASIA-plus – 2005. – 19 декабря. URL: https://asiaplus.news/2005/12/19/imenem-revolyuczii-peredel-sobstvennosti-v-kirgizii-prodolzhaetsya/ (дата обращения: 18.06.2026).

9. Какие отрасли обеспечили рост экономики Кыргызстана в 2024 году – инфографика // Интернет-портал СНГ: сайт. – 2025. – 17 января. URL: https://e-cis.info/news/566/124312/ (дата обращения: 18.06.2026).

10. Кривогуз, М. Восемь лет после разворота на Запад: экономика Украины от Майдана до спецоперации / М. Кривогуз // Россия и новые государства Евразии. – 2022. – № III (LVI). – С. 9–28. https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-3-9-28 (дата обращения: 18.06.2026).

11. Кривогуз, М. Экономика Украины: структурная эволюция 1990–2024 годов / М. Кривогуз // Россия и новые государства Евразии. – 2025. – № IV (LXIX). – С. 25–29. https://doi.org/10.20542/2073-4786-2025-4-25-38 (дата обращения: 18.06.2026).

12. Малышев, Д.В. Революционные события 2010 года в Киргизии: основные предпосылки и реакция мирового сообщества / Д.В. Малышев // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и политика. – 2011. – №1. – С. 130–148.

13. Мендкович, Н.А. Реформы М. Саакашвили: неолиберальный эксперимент и его результаты / Н.А. Мендкович // Перспективы. Электронный журнал – 2012. – 22 мая. – URL: https://www.perspektivy.info/oykumena/krug/reformy_m_saakashvili_neoliberalnyj_eksperiment_i_jego_rezultaty_2012-05-22.htm (дата обращения: 18.06.2026).

14. Перевозкина, М. Блеск и нищета грузинских реформ. Можно ли нам обустроить Россию по рецептам Саакашвили? / М. Перевозкина // МК.ru: сайт. – 2011. – 15 марта. URL: https://www.mk.ru/politics/2011/03/15/572731-blesk-i-nischeta-gruzinskih-reform.html (дата обращения: 18.06.2026).

15. Полунин, А. Саакашвили: Дутый герой или гениальный реформатор? Какие рецепты из грузинских реформ стоит позаимствовать России / А. Полунин // Свободная пресса: сайт. – 2012. – 10 февраля. URL: https://svpressa.ru/politic/article/52535/ (дата обращения: 18.06.2026).

16. Прибыткова, И.М. Демографическая старость Украины. История болезни / И.М. Прибыткова // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2021/0925/barom02.php (дата обращения: 18.06.2026).

17. Тураева, М.О. Экономика Киргизии: институты и ресурсы развития / М.О. Тураева // Экономика Киргизии: институты и ресурсы развития: Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН. 2016. – 50 с. URL: https://inecon.org/docs/2016/Turaeva_paper_2016.pdf (дата обращения: 18.06.2026).

18. Уровень безработицы (в процентах) // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Труд и занятость. URL: https://stat.gov.kg/ru/opendata/category/113/ (дата обращения: 18.06.2026).

19. Хуциева, Н. Как россияне изменили экономику Киргизии и жизнь в ней / Н. Хуциева // РБК – 2023. – 6 мая. – URL: https://www.rbc.ru/economics/06/05/2023/64525b369a794741406ff2f0 (дата обращения: 18.06.2026).

20. Чернявский, С. Киргизская революция 2010 года: причины и перспективы постреволюционного развития Киргизии / С. Чернявский // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т. 13. – №2. – С. 44–53.

21. Щербакова, Э. За 1991–2021 годы численность населения увеличилась в 6 бывших союзных республиках, в 9 она сократилась / Э. Щербакова // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2010/0405/analit04.php (дата обращения: 18.06.2026).

22. GDP (current US$) // World Bank Group. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?view=map (дата обращения: 18.06.20206).

23. GDP per capita (current US$) // World Bank Group. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?end=2024&name_desc=false&start=2024&view=map&year=2023 (дата обращения: 18.06.2026).

24. Gini index // World Bank Group. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?name_desc=false&year=2023 (дата обращения: 18.06.2026).

25. Ukraine – Population // Countryeconomy. URL: https://countryeconomy.com/demography/population/ukraine?year=2013 (дата обращения: 18.06.2026).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

ПРАВО

УДК 340

Е.А. Магомедова[1], М.А. Зайцева[2], Л.А. Малафеева[1], Д.М. Кожевникова[1]

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются теоретические аспекты правового регулирования и правового воздействия как ключевых категорий юриспруденции. Исследуются различные подходы к пониманию сущности правового регулирования, его эффективности и основных факторов, влияющих на результативность. Особое внимание уделяется инструментарию правового воздействия, включающему принципы права и правосознание. Анализируется влияние данного инструментария на эффективность правового регулирования с учётом палитры духовно-нравственных ценностей в современной России, закреплённых Указом Президента Российской Федерации. Данное исследование направлено на восполнение существующих пробелов в понимании природы правового воздействия как фактора, определяющего эффективность правового регулирования, что имеет существенное значение для развития современной правовой системы России в контексте ценностной системы координат.

Ключевые слова: правовое регулирование; правовое воздействие; эффективность права; законодательные технологии; правоприменение; правовая культура; правосознание; принципы права; духовно-нравственные ценности; юридическая ответственность

E.A. Magomedova, M.A. Zaitseva, L.A. Malafeeva, D.M. Kozhevnikova

THE INSTRUMENTARIUM OF LEGAL INFLUENCE AS A FACTOR IN THE EFFECTIVENESS OF LEGAL REGULATION

This article examines the theoretical aspects of legal regulation and legal influence as key categories of jurisprudence. Various approaches to understanding the nature of legal regulation, its effectiveness, and the main factors affecting its performance are explored. Special attention is paid to the instrumentarium of legal influence, which includes legal principles and legal consciousness. The impact of this instrumentarium on the effectiveness of legal regulation is analyzed with regard to the spectrum of spiritual and moral values in contemporary Russia, as enshrined in a Decree of the President of the Russian Federation. This study aims to fill existing gaps in the understanding of the nature of legal influence as a factor determining the effectiveness of legal regulation, which is of considerable importance for the development of Russia's modern legal system within the context of its value-coordinate framework.

Keywords: legal regulation; legal influence; effectiveness of law; legislative technologies; law enforcement; legal culture; legal consciousness; principles of law; spiritual and moral values; legal responsibility.

Интенсивно трансформирующаяся государственно-правовая действительность России ставит всё новые и новые задачи перед современной юридической наукой. Причём даже, на первый взгляд, весьма исследованные вопросы, имеющие довольно фундаментальную проработку в отечественной доктрине права, в формате практики отечественного государственно-правового строительства приобретают качественно новое звучание и требуют новых подходов к их разрешению. По нашему мнению, к таковым вполне можно отнести вопрос соотношения таких категорий как «правовое регулирование» и «правовое воздействие». Отсутствие единого понимания сущности как правового воздействия, так и правового регулирования, наличие целого ряда содержательных оттенков этих весьма сложных понятий вызывает необходимость исследования указанных феноменов в их соотношении и взаимосвязи.

Обращаясь к исследованию правового регулирования, считаем целесообразным уделить внимание трудам С.С. Алексеева, в которых он, основываясь на ещё дореволюционных работах отечественных правоведов,

разработал базовые положения общей теории государства и права, а также сформировал фундаментальные положения теории правового регулирования. По его мнению «правовое регулирование – это осуществляемая при помощи правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.) результативное, нормативно-организованное воздействие на общественные отношения в целях их упорядочения, охраны, развития в соответствии с требованиями экономического базиса, общественными потребностями данного социального строя» [2, с. 211]. Для демонстрации различных содержательных оттенков дефиниции исследуемого понятия приведём мнение других учёных. Так, Рассказов Л. П. под правовым регулированием понимает воздействие права на общественные отношения с помощью правовых средств, способов и методов [12, с. 145]. Л. С. Явич под правовым регулированием понимал «специфическое воздействие на общественные отношения, которое осуществляется благодаря закреплению за участниками этих отношений определённых прав и обязанностей». Также, учёным выделялось то, что правовое регулирование осуществляется и в других основных формах – при помощи правоотношений и вне их; вне правоотношений правовое регулирование связано с реализацией абсолютных прав и всеобщих юридических обязанностей, допустимыми исключительно в строго закрепленных законом формах [13, с. 145]. Приведённые определения показывают, что в юридической науке позиции по отношению к содержанию понятия «правовое регулирование» не являются диаметрально противоположными, а предполагают лишь различное расставление акцентов в содержательном наполнении этого понятия.

Развивая исследовательскую линию, обратимся к вопросам эффективности правового регулирования. Обобщение доступной авторам учебной и научной литературы позволяет сделать вывод, что в юридической науке эффективность правового регулирования понимается как качественная и количественная характеристики процесса правового регулирования, выражающиеся в соотношении цели правового регулирования с фактическим результатом этого процесса. Представляется важным отметить, что эффективность правового регулирования – это оценочная категория, выражающаяся в результативности права, в степени воплощения в жизнь правовых норм, воздействующих на волю и сознание индивидов для достижения как социальных, так и юридических целей.

Анализ работ учёных-теоретиков, в фокусе интересов которых находятся вопросы эффективности правового регулирования, показал, что в современной доктрине права характерным остается плюрализм подходов к пониманию факторов эффективности правового регулирования. Так, А. С. Пиголкин, А. Н. Головистикова, Ю. А. Дмитриев и А. Х. Саидов в своей работе в качестве основных факторов эффективности правового регулирования выделяют уровень совершенства законодательства и правотворчества, правоприменительной практики и уровень правовой культуры участников отношений [10]. Для обстоятельности проводимого исследования представляется важным кратко охарактеризовать каждый из приведённых факторов, среди которых ключевое место занимает процесс правотворчества. Рассматривая правотворчество во взаимосвязи с уровнем совершенства законодательства, считаем возможным сделать акцент на законодательных технологиях. Впервые в науке понятие «законодательные технологии» было введено в терминологический аппарат В. Н. Карташовым, который рассматривал законодательную технологию с двух сторон: с одной стороны, как науку, а с другой, – в виде компонента законотворческой практики, включающей в себя соответствующие техники, приёмы, способы, правила, процессуальные формы и конкретные виды контроля и надзора за законодательной деятельностью субъектов [5]. По нашему мнению, законодательные технологии являются мощным инструментом повышения качества принимаемых нормативных правовых актов, а, следовательно, и фактором эффективности правового регулирования. Путём системного, последовательного и чёткого использования законодательных технологий создаются законы, которые отражают объективные правовые потребности общества и предопределяют тенденции позитивного развития всех сфер жизнедеятельности.

Вторым фактором эффективности правового регулирования по мнению большинства учёных является качество правоприменения. Данная позиция является практически классической и весьма обоснованной, поскольку, действительно, от качества деятельности компетентных государственных орга-

нов по реализации правовых предписаний относительно конкретных жизненных случаев и индивидуально определённых лиц во многом зависит, как в рамках правового регулирования будут достигаться цели, поставленные законодателем в процессе принятия того или иного акта. Именно поэтому в последнее время важным инструментом повышения качества правоприменения является его мониторинг. Данная разновидность юридической деятельности не только получила фундаментальную разработку в отечественной доктрине права, но и довольно качественный правовой формат как на федеральном уровне в виде Указа Президента России «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации», так и на региональном уровне в виде тематических законов и иных нормативных правовых актов субъектов федерации.

Ещё одним важным фактором эффективности правового регулирования учёными выделяется уровень правовой культуры общества. Понимание сущности правовой культуры зависит, прежде всего, от того, как трактуется право, то есть от парадигмы правопонимания. Так, в своей работе А.В. Малько говорит о том, что «правовая культура – это явление, находящееся над позитивной юридической ответственностью, основанное на глубоком правосознании и уважении к закону» [9]. Правовая культура личности способствует выстраиванию позитивного психологического отношения к значимым правовым явлениям, формированию должных мотивов и целей при реализации своих прав и обязанностей. Недостаточный уровень правовой культуры может порождать такие негативные явления, как правовой нигилизм, низкий уровень позитивной ответственности, рост преступности, что в свою очередь негативно влияет на эффективность правового регулирования.

Переходя к анализу содержания правового воздействия, заметим, что в отечественной юридической науке преобладает тенденция использования понятия и инструментария правового воздействия при характеристике правового регулирования. Следует отметить, что доктринальные позиции по вопросу соотношения этих понятий разделились на две группы. Первая группа авторов разграничивает сущность данных понятий, в то время вторая группа отожествляет их. Так, Т. В. Кашанина, осуществляя анализ соотношения понятий «правовое регулирование» и «правовое воздействие», приходит к выводу о том, что эти категории различаются по ряду критериев: по объему, по степени целеполагания и контроля со стороны государства, по отношению к негативным последствиям и т.п. Профессор Т. В. Кашанина подчёркивает, что целью правового воздействия является не изменение ситуации, а подталкивание субъекта в нужную сторону, ориентировка его в правовом пространстве. Данный исследователь приходит к выводу о том, что «правовое регулирование – это мощное средство управления обществом, или «твердая сила». Правовое воздействие как побочный продукт права, несущий в основном дополнительный положительный эффект, – это «мягкая сила». Только в совокупности эти две «силы» могут обеспечить упорядочение жизни общества» [6]. Т. Н. Радько, исследуя соотношение категорий «правовое воздействие» и «правовое регулирование», приходит к выводу, что это такие процессы, которые могут протекать одновременно. При этом указанный ученый постулирует, что «возможно только воздействие права на сознание людей без регулирования им общественных отношений, например, эмоциональное воздействие» [11, С. 19]. Л. Н. Берг, осуществляя анализ понятия правового воздействия, приходит к выводу о том, что это процесс, протекающий в конкретно-исторических условиях существования нормативно-правовой основы, специфической культурной среды общества, психологического климата, сложившегося в обществе, доминирующих общественных ценностей, под совокупным влиянием которых могут возникать и «разворачиваются» правовые связи конкретных субъектов. Если же общественные отношения урегулированы правом, это не означает, что регулирование происходит по «классическому образцу» – через механизм правового регулирования, именно это и различает правовое регулирование и правовое воздействие [3].

Современный этап развития теоретико-правовых представлений о правовом воздействии, как мы упоминали ранее, характеризуется плюрализмом научных парадигм, разнообразием методологии, избираемой исследователями в изучении правового воздействия, и множественностью компонентов и средств правового воздействия. Так, по мнению Л. Н. Берг к элементам правового воздействия относятся: правовое установление, правовое

регулирование, правовая регламентация и правовая охрана [3]. Вместе с тем, принимая во внимание название статьи, представляется целесообразным отметить, что инструментарий правового воздействия и элементы правового воздействия – это не тождественные понятия. В качестве аргументов данной позиции следует обратиться к мнению С. С. Алексеева, который, раскрывая сущность правового воздействия, обозначает, что оно характеризует все направления и формы влияния права на общественную жизнь [2]. Созвучную с приведенным мнением позицию занимают проф. С. А. Комаров и А. В. Малько, которые считают, что в механизм правового воздействия, помимо механизма правового регулирования, входят принципы права, правотворчество, правовая культура и правосознание [8, с. 439]. По нашему мнению, приведенные правовые феномены и являются отражением инструментария правового воздействия. При правовом воздействии субъекты права во многом испытывают на себе влияние принципов права и правовой идеологии, воспринимая те положения, которые вытекают из определённых правовых установлений. Кроме того, считаем важным подчеркнуть, что гармонизация интересов различных социальных групп, обеспечение согласованности между обществом и государством, а также позитивное развитие общественных отношений осуществляются с помощью инструментария правового воздействия.

Фокусируя внимание на принципах права как инструменте правового воздействия, целесообразно обозначить, что, являясь основными идейными началами в праве, некоторые из них, – такие, как приоритет прав и свобод человека, справедливость, гуманизм, коллективизм во многом тяготеют к духовно-нравственным ценностям. В связи с чем следует отметить, что Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» регламентирован перечень традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа [1]. Так, к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России. Фактически наличие глубинной взаимосвязи между принципами права и духовно-нравственными ценностями позволяет вести речь о том, что и те, и другие являются мощными и конструктивными инструментами правового воздействия. В контексте приведенных умозаключений хотелось бы обратиться к позиции Т. В. Кашаниной, которая, рассматривая социальные нормы с позиции нейробиологии, отмечает, что в современном информационном обществе базовой нормой, воздействующей на общественную жизнь и играющей важную роль в её развитии, является мораль, приобретающая в современном мире общезначимый и универсальный характер [6]. Этим высказыванием видный учёный отдаёт приоритет морали в системе социального регулирования, а, следовательно, формирует вектор рассуждений о том, что представления о добре и зле, ценностные ориентиры, высокие нравственные идеалы в полной мере сопрягаются с инструментами правового воздействия на современном этапе отечественного государственно-правового строительства.

Затрагивая ещё один очень важный инструмент правового воздействия, – правосознание, считаем важным обозначить, что именно от его уровня во многом зависит эффективность правового регулирования. Кроме того, этот инструмент правового воздействия, на наш взгляд, находится под влиянием социальной нравственности. В этом контексте следует согласиться с коллективом учёных, которые считают, что правовой инфантилизм, субъективизм, релятивизм, идеализм, нигилизм, аномичное правосознание – всё это следствие культурного беспорядка и пренебрежения традиционными духовно-нравственными ценностями [4, с. 53].

Таким образом, данное исследование показало, что правовое регулирование и правовое воздействие являются взаимосвязанными, но не тождественными категориями, где первое выступает как «твердая сила» управления обществом, а второе – как «мягкая сила» влияния на общественные отношения. Эффективность правового регулирования определяется комплексом факторов, включая качество законодательства, правоприменительной практики и уровень право-

вой культуры общества. Инструментарий правового воздействия, включающий принципы права, правосознание и духовно-нравственные ценности, играет ключевую роль в гармонизации общественных отношений и обеспечении правопорядка. Современные тенденции развития правовой системы требуют комплексного подхода к использованию как регулятивных, так и воздействующих механизмов в целях достижения максимальной эффективности правового регулирования.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (ред. от 04.03.2026) // КонсультантПлюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 20.06.2026).

2. Алексеев, С.С. Общая теория права: Учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. / С.С. Алексеев. – М.: ТК Велби, изд-во Прспект, 2008. – 576 с.

3. Берг, Л.Н. Теория права: правовое воздействие и правовое регулирование: учебник для вузов / Л.Н. Берг, Е.А. Березина. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 393 с.

4. Зрячкин, А.Н., Малько, А.В., Мусаткина, А.А. Искаженное правосознание и традиционные российские духовно- нравственные ценности / А.Н. Зрячкин, А.В. Малько, А.А. Мусаткина // Государство и право. – 2025. – № 10. – С. 50–59.

5. Карташов, В.Н. Законодательная технология: понятие, основные элементы, методика преподавания / В.Н. Карташов // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: В 2 т. Т. 1. / Под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2001. – С. 24–31.

6. Кашанина, Т.В. Правовое регулирование и правовое воздействие: каково их соотношение? / Т. В. Кашанина // Российский юридический журнал. – 2024. – № 6.

7. Кашанина, Т.В. Социальное регулирование с позиций нейробиологии / Т.В. Кашанина // Журнал философских исследований. – 2024. – Т. 10. – № 4. – С. 28–39.

8. Комаров, С.А., Малько, А.В. Теория государства и права: Учебно-методическое пособие / С.А. Комаров, А.В. Малько. – М.: Издательство НОРМА, 2003. – 448 с.

9. Малько, А.В. Реализация юридической ответственности в правосознании и правовой культуре / А.В. Малько, Д.А. Липинский, Р.С. Маркунин // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 5–18.

10. Пиголкин, А. С. Теория государства и права: учебник для вузов / А. С. Пиголкин, А. Н. Головистикова, Ю. А. Дмитриев; под редакцией А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 516 с.

11. Радько, Т.Н. Теория государства и права: учебник для бакалавров / Т.Н. Радько. – М.: Проспект, 2014. – 495 с.

12. Рассказов, Л.П. Теория государства и права: углубленный курс: Учебник / Л.П. Рассказов. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2017. – 559 с.

13. Явич, Л.С. Общая теория права / Л.С. Явич. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 287 с.

[1] Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

[2] Калужский институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, Калуга, РФ

УДК 343.322

Н.В. Уманцев, Е.А. Федоров

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ИЗМЕНУ

Актуальность исследования обусловлена высокой общественной опасностью государственной измены, динамикой законодательных изменений и наличием нерешённых проблем квалификации деяния по ст. 275 УК РФ. В статье анализируются дискуссионные вопросы: определение «иной помощи» иностранному государству; разграничение со смежными составами (ст. 276, 283, 275.1, 205.1, 280.4 УК РФ), а также разграничение государственной измены и содействия террористической деятельности. Выявлены противоречия в толковании оценочных понятий уголовной статьи. Авторами обоснована необходимость дифференциации уголовной ответственности путём введения квалифицированного состава государственной измены (специальный субъект, тяжкие последствия). Предложено дополнить ст. 275 УК РФ признаком совершения деяния с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, а также рассмотреть возможность установления ответственности за «информационный коллаборационизм». Сделан вывод о целесообразности принятия специального постановления Пленума Верховного Суда РФ для обеспечения единообразной судебной практики.

Ключевые слова: государственная измена; ст. 275 УК РФ; квалификация преступлений; переход на сторону противника; конкуренция уголовно-правовых норм; информационный коллаборационизм; безопасность государства; дифференциация ответственности.

N.V. Umantsev, E.A. Fedorov

ON THE IMPROVEMENT OF CRIMINAL LIABILITY FOR HIGH TREASON

The relevance of the study is due to the high public danger of high treason, the dynamics of legislative changes and the presence of unresolved problems of qualification of the act under art. 275 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article analyzes controversial issues: the definition of "other assistance" to a foreign state, the distinction with related entities (Articles 276, 283, 275.1, 205.1, 280.4 of the Criminal Code of the Russian Federation), as well as the distinction between treason and assistance to terrorist activities. Contradictions in the interpretation of evaluative concepts of the criminal article are revealed. The authors substantiate the need to differentiate criminal liability by introducing a qualified staff of high treason (special subject, grave consequences). It is proposed to supplement Article 275 of the Criminal Code of the Russian Federation with a sign of committing an act using information and telecommunication networks, as well as to consider the possibility of establishing responsibility for "information collaboration." It is concluded that it is advisable to adopt a special resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation to ensure uniform judicial practice.

Keywords: high treason; Article 275 of the Criminal Code of the Russian Federation; qualification of crimes; defection to the enemy; competition of criminal law norms; information collaboration; state security; differentiation of responsibility.

Анализ судебной практики указывает, что максимальный урон государственным интересам наносят преступные посягательства, обращённые против государства, а также безопасности страны. Центральную позицию в этом ряду занимает такое деяние как государственная измена, которая в научной среде трактуется как предательство национальных интересов [5, с. 6].

Коалиция западных стран ведёт руками Украины против России не просто боевые действия в зоне специальной военной операции, но и активно участвует в информационной войне, создавая так называемые гибридные угрозы, одновременно поощряя деятельность лиц, организаций, чьи действия угрожают государственной безопасности РФ, спонсируют осуществление террористических актов [5, с. 112]. При этом географическая локализация подобных враждебных акций – будь то за пределами нашей страны или внутри её границ – не является определяющим фактором. Ключевым отличительным признаком служит их целенаправленность на

подрыв защищённости национальных интересов России от любой возможной угрозы, независимо от внешнего или внутреннего происхождения [10, с. 64].

В противодействии данным угрозам существенное значение имеет реализация уголовно-правовой политики РФ, своевременно отвечающая на посягательства, а также угрозы, направленные против внутренней и внешней безопасности государства. С момента начала специальной военной операции в российское законодательство были введены корректировки, изменения, ужесточающие уголовное преследование за совершение общественно опасных действий, наносящих ущерб безопасности РФ. Среди отмеченных законодательных изменений следует особо указать на корректировку состава государственной измены (ст. 275 УК РФ). Наряду с этим законодатель ввёл уголовную ответственность за конфиденциальное взаимодействие с иностранным государством, оформив её в качестве новой статьи 275.1 УК РФ. Законодатель также криминализировал публичные деяния, преследующие цель дискредитации Вооружённых Сил РФ.

В современный период отмечается значительное ужесточение уголовно-правовых санкций за преступления, предусмотренные статьей 275 УК РФ. Данный правовой вектор, как отмечается, был задан принятием Федерального закона № 260-ФЗ от 14 июля 2022 г., дополнившего диспозицию указанной нормы новым квалифицирующим составом – «государственная измена в форме перехода граждан на сторону противника» [7]. Указанная законодательная новелла была продиктована потребностью в конкретизации и детализации ранее установленного круга отягчающих признаков, которые нуждались, с одной стороны, в более точном юридическом определении, а с другой, единообразном толковании правоприменительной практикой.

По новым законодательным положениям, государственной изменой признаётся деяние, совершённое гражданином РФ, которое выражается в шпионской деятельности либо в передаче информации, составляющей государственную тайну, иностранному государству, международной или зарубежной организации, а равно их агентам [9, с. 84]. Вследствие принятых законодательных поправок мера уголовной ответственности за указанное деяние существенно ужесточена. Высшей санкцией за совершение государственной измены в настоящее время предусмотрено пожизненное заключение в специализированных учреждениях.

Официально опубликованная статистика Судебного департамента Верховного Суда РФ фиксирует следующую динамику вынесенных приговоров за совершение преступлений, квалифицированных как государственная измена: в 2016 г. осуждены 14 лиц, в 2017-м – 4, в 2018-м – 4. В 2019 г. число осуждённых составило 8 человек, в 2020-м – 6. За 2021 год зафиксировано 14 осуждённых, за 2022 г. – 16. В 2023 г. данный показатель возрос до 39 лиц. Наблюдается существенный рост в 2024 г. до 145 приговоров, а в 2025 г. – до 468 [6]. На наш взгляд, данный рост не является случайным, так как он отражает последовательную и системную работу правоохранительных органов и судебной системы Российской Федерации в области защиты государственной безопасности. Укрепление законодательной базы, повышение эффективности проведения следственных мероприятий и совершенствование судебных процедур позволили более полно и качественно выявлять, расследовать и доводить до суда дела данной категории. Подчёркивается, что рост статистических показателей по данному преступлению является прогнозируемым следствием дальнейшего развития национальной системы безопасности и её адаптации к новым формам угроз в условиях современной геополитической ситуации.

Отдельного анализа заслуживает разграничение таких преступлений как государственная измена и содействие террористической деятельности. Необходимо определить юридическую квалификацию поступка гражданина, который предоставил данные о расположении частей Вооруженных Сил РФ украинскому вооружённому националистическому формированию. Данная иностранная структура решением Верховного Суда РФ официально признана террористической, и её деятельность на территории нашей страны запрещена. При подобных обстоятельствах пособничество в совершении хотя бы одного из преступных деяний, предусмотренных ст. 205; ч. 3 ст. 206; ч. 1 ст. 208 УК РФ, формирует состав преступления, который закреплён в ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, а именно «Содействие террористической деятельности».

Следует отметить, что в УК РФ отсутствует отдельный состав преступления, непосредственно устанавливающий ответствен-

ность за содействие международному терроризму. Данное обстоятельство вступает в противоречие, к примеру, с наличием специальной нормы, криминализирующей акт международного терроризма согласно статье 361 УК РФ. В связи с этим возникает вопрос о правильной юридической квалификации действий, аналогичных приведённым в примере. Как следует оценивать деяние, если гражданин России в одной ситуации единовременно передаёт сведения иностранной преступной структуре, признанной террористической, а в другой – осуществляет такое взаимодействие на постоянной основе, включая оказание материальной поддержки?

При квалификации противоправных деяний существенное значение имеет феномен конкуренции уголовно-правовых норм. По справедливому замечанию Л.В. Иногамовой-Хегай, данный институт занимает ключевое место в системе уголовного права в качестве одной из ведущей отрасли российского законодательства [3, с. 160]. Его сущность заключается в ситуации, когда два и более положения уголовного закона потенциально применимы к одному общественному отношению, однако прямое регулирование осуществляется лишь одним из них, обладающей приоритетом.

Под конкуренцией уголовно-правовых норм понимается такое их соотношение, при котором одно и то же деяние одновременно охватывается несколькими статьями закона, однако правоприменитель по должности обязан остановить свой выбор только на одной из них. Указанная коллизия проявляет себя в тех обстоятельствах, где имеет место одно преступное посягательство, но оно формально соответствует составам, закреплённым в двух либо более статьях УК РФ. В подобной ситуации правоприменитель сталкивается с проблемой выбора: какая именно из конкурирующих норм должна быть использована для того, чтобы дать юридическую оценку совершенного преступления [4, с. 246].

Особого рассмотрения требует и статья 275.1 УК РФ, устанавливающая ответственность за конфиденциальное сотрудничество с представителем иностранного государства, международной либо иностранной организации. Действующая формулировка данной нормы не содержит ни прямого указания на иностранные спецслужбы, ни детального определения форм сотрудничества. Данный законодательный пробел, по нашему мнению, создаёт предпосылки для расширительного толкования диспозиции указанной нормы правоприменительными органами. В частности, на основании существующей редакции положения указанной статьи могут быть распространены и на тех граждан, осуществляющих через посредников поставки товаров для иностранного государства, если данная деятельность потенциально применима в производстве вооружений, направляемых, к примеру, в зону проведения специальной военной операции.

В текущих условиях становится очевидной потребность сформулировать базовые ориентиры современной уголовной политики, вбирающие в себя всю совокупность социальных и общественно-политических условий, в которых находится Россия. Целесообразным является установление уголовно-правовой нормы, закрепляющей ответственность для субъектов, осуществляющих преступные посягательства на военнопленных и гражданское население, находящихся в районах ведения боевых действий или на территориях, подвергшихся оккупации [8, с. 85].

Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в УК и УПК РФ» в Уголовный кодекс была инкорпорирована норма, устанавливающая уголовную ответственность за публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства [7]. Появление в уголовном законодательстве статьи 280.4 УК РФ стало закономерным и оперативным ответом на попытки деструктивного воздействия на безопасность страны через внедрение в определённые социальные группы новейших разрушительных практик.

Исследование признаков деяния по ст. 280.4 УК РФ показывает, что за пределами уголовно-правового запрета остаются такие широко используемые в информационном противоборстве с РФ общественно опасные действия, как «информационные атаки в интересах или в поддержку противника.

Юридически обоснованным и отвечающим современным реалиям шагом видится установление уголовной ответственности за «информационный коллаборационизм». Реализовать это возможно либо путём включения соответствующих признаков в состав государственной измены (ст. 275 УК РФ), либо – и этот путь представляется более оптимальным – посредством введения самостоятельной уголовно-правовой нормы в главу

29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Содержательно данное понятие должно охватывать такие действия, как пропаганда, оправдание и одобрение акций противоборствующей стороны, а равно распространение заведомо ложных сведений и умышленное извращение данных о событиях, фактах или явлениях, создающих угрозу государственной безопасности [1, с. 572].

Исторический опыт критического осмысления и последующей криминализации деяний, представляющих общественную опасность в чрезвычайных обстоятельствах, сохраняет свою значимость и для современного правопорядка. В этой связи обоснованным представляется закрепление в уголовном законодательстве специального состава преступления, устанавливающего санкции для лиц, совершающих противоправные посягательства на жизнь и достоинство военнопленных, а также гражданского населения, пребывающего в районах ведения боевых действий или на территориях, подвергшихся оккупации.

Для усиления эффективности уголовно-правового обеспечения охраны основ конституционного строя и безопасности РФ, действующая норма УК РФ, регламентирующая ответственность за государственную измену, нуждается в дальнейшем развитии. По нашему убеждению, санкции за совершение данного преступления требуют дифференциации в зависимости от конкретных обстоятельств дела, непосредственно влияющих на уровень его общественной опасности, что находит подтверждение в трудах ряда исследователей [2, с. 49].

Следует поддержать позицию исследователей, указывающих на необходимость дифференциации ответственности за государственную измену через создание квалифицированного состава данного преступления. Общественная опасность действий, подпадающих под признаки государственной измены, варьируется в значительной степени в зависимости от конкретных условий их совершения. Отсутствие в действующей редакции статьи 275 УК РФ норм, устанавливающих повышенную ответственность за особо опасные формы этого деяния, в определённой мере противоречит фундаментальному уголовно-правовому принципу справедливости, требующему соответствия наказания тяжести содеянного.

В первую очередь, обоснованной выглядит идея, выдвигаемая частью авторов, о признании специального субъекта одним из таких квалифицирующих признаков. Совершение государственной измены лицом, обладающим статусом военнослужащего или государственного служащего, объективно повышает уровень её общественной опасности. Это связано не только с повышенной вероятностью причинения более масштабного ущерба безопасности государства вследствие их доступа к охраняемой информации или особым функциям, но и с самим характером их правового положения.

Представляется недостаточно аргументированным выделение в квалифицированном составе государственной измены специального предмета преступления – сведений, составляющих государственную тайну. В поддержку этой позиции приводится следующий аргумент: сведения, составляющие государственную тайну, не являются вечно актуальными; по прошествии времени их ценность снижается, и передача подобной информации иностранной стороне перестаёт представлять значительную опасность для общества [11, с. 97].

Для обеспечения более строгой дифференциации уголовной ответственности представляется обоснованным установить повышенную санкцию за квалифицированный состав государственной измены по сравнению с основным. Действующая редакция ст. 275 УК РФ устанавливает в качестве основного наказания лишение свободы сроком от 12 до 20 лет. На наш взгляд, эффективная дифференциация уголовной ответственности за данное преступление может быть достигнута путём выделения его наиболее опасных проявлений в отдельный квалифицированный состав. Для этого, считаем, логично понизить максимальное наказание по основной уголовной норме и одновременно резко увеличить его при наличии предусмотренных квалифицирующих признаков.

Широкое применение современных информационных технологий и методов специального воздействия иностранными субъектами против интересов Российской Федерации подчёркивает необходимость полного задействования ресурсов уголовно-правового регулирования, а также постоянной работы по его актуализации. Учитывая интенсивное использование глобального информационного пространства в деструктивных целях, на

законодательном уровне является своевременным и аргументированным дополнение состава государственной измены таким квалифицирующим признаком, как «совершение деяния с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что правоприменительная деятельность сталкивается с определёнными проблемами и неоднозначностью при квалификации состава государственной измены, коренящимися в несовершенствах действующего уголовного законодательства РФ. Оптимальным способом преодоления данных трудностей представляется издание специального постановления Пленума Верховного Суда РФ, включающего детальные разъяснения и практические указания для судов по применению правовых норм в случаях, связанных с государственной изменой, шпионажем, диверсией и разглашением сведений, составляющих государственную тайну.

Государственная измена представляет собой исключительно опасное и актуальное для современности преступление. Учитывая данное обстоятельство, а также существующую противоречивость судебной практики по таким делам, является необходимым реформирование соответствующих положений УК РФ, принятие упомянутого разъяснительного акта Верховного Суда, а также выработка комплексных мер, направленных на эффективное противодействие и раннее раскрытие преступлений данной категории.

Список литературы:

1. Воронин, В.Н. Качество уголовно-правовой охраны государства от внешних посягательств / В.Н. Воронин // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – № 3. – С. 569–576.

2. Дьяков, С.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование / С.В. Дьяков. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. – 267 с.

3. Иногамова-Хегай, Л. В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография / Л.В. Иногамова-Хегай. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 288 с.

4. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2007. – 302 с.

5. Лобзов, К.М. Государственная измена как угроза национальной безопасности России: духовно-нравственный, криминально-психологический и уголовно-правовой аспекты / К.М. Лобзов. – Новосибирск: Новосибирский военный институт им. генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2022. – 252 с.

6. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 01.04.2026).

7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 29. – Ст. 5227.

8. Прозументов, Л.М. Основание криминализации (декриминализации) деяний / Л.М. Прозументов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. – № 4 (14). – С. 81– 91.

9. Середа, И.М., Ступина, С.А. Государственная измена: отдельные вопросы квалификации / И.М.Середа, С.А. Ступина // Пролог: журнал о праве. – 2023. – № 1. – С. 79–90.

10. Улыбина, Т.С. Уголовно-правовая характеристика объекта и объективной стороны государственной измены и шпионажа по Уголовному кодексу РФ / Т.С. Улыбина // Современное право. – 2008. – № 6 (1). – С. 64–67.

11. Устинов, А.А. Уголовная ответственность за государственную измену: совершенствование правовой регламентации / А.А. Устинов // Вестник Прикамского социального института. – 2023. – № 1. – С. 95–100.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 343.611 + 343.222.2 + 343.148

Н.В.Уманцев, Е.А. Федоров

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА, СОВЕРШЁННОГО В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА (СТ. 107 УК РФ)

В статье рассматриваются теоретические и правоприменительные проблемы квалификации убийства, совершённого в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ). Авторы анализируют особенности юридической природы физиологического аффекта как привилегирующего признака, его отграничение от патологического аффекта, а также сложности, возникающие при оценке провоцирующего поведения потерпевшего. Актуальность исследования обусловлена устойчивой тенденцией к снижению числа осуждённых по ст. 107 УК РФ на фоне сохраняющихся судебных ошибок и отсутствия единообразия в квалификации данного вида преступлений. Особое внимание уделяется роли комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы как основному средству доказывания аффективного состояния. В выводах авторов обосновывается необходимость дальнейшего доктринального уточнения оценочных признаков состава, совершенствования методик экспертного исследования и выработки единых подходов в судебной практике для обеспечения справедливости и обоснованности уголовной ответственности.

Ключевые слова: убийство в состоянии аффекта; физиологический аффект; ст. 107 УК РФ; квалификация преступлений; провоцирующее поведение потерпевшего; судебная психолого-психиатрическая экспертиза; уголовная ответственность; проблемы правоприменения.

N.V. Umantsev, E.A. Fedorov

ON THE ISSUE OF SOME PROBLEMS OF QUALIFYING A MURDER COMMITTED IN A STATE OF PASSION (ARTICLE 107 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

The article examines the theoretical and law enforcement problems of qualifying a murder committed in a state of passion (Article 107 of the Criminal Code of the Russian Federation). The authors analyze the features of the legal nature of physiological affect as a privileged trait, its separation from pathological affect, as well as the difficulties encountered in assessing the victim's provocative behavior. The relevance of the study is due to a steady trend towards a decrease in the number of convicts under Article 107 of the Criminal Code of the Russian Federation against the background of persistent judicial errors and lack of uniformity in the qualification of this type of crime. Special attention is paid to the role of a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination as the main means of proving an affective state. The authors' conclusions substantiate the need for further doctrinal clarification of the evaluative features of the composition, improvement of expert research methods and the development of unified approaches in judicial practice to ensure the fairness and validity of criminal liability.

Keywords: murder in a state of passion; physiological affect; Article 107 of the Criminal Code of the Russian Federation; qualification of crimes; provocative behavior of the victim; forensic psychological and psychiatric examination; criminal liability; problems of law enforcement.

Институт уголовного права, касающийся установления ответственности за привилегированные составы убийства, описанный в статьях 106, 107 и 108 УК РФ, продолжает оставаться предметом активных научных дискуссий. Споры ведутся как относительно теоретического осмысления его уголовно-правовой сущности, так и в контексте практического применения, где данная норма вызывает немало вопросов и неоднозначных толкований. В связи с этим, существующие сложности, связанные с функционированием этого уголовно-правового института, по-прежнему нуждаются в глубоком научном анализе и обобщении. Необходимо также разработать конкретные рекомендации, направленные на достижение единообразия в правоприменительной практике.

Умышленное лишение жизни, совершённое в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), регулируемое ст. 107 УК РФ, выделяется в классификации противоправных деяний против личности. Законодатель относит это при-

вилегированное деяние к категории преступлений малой степени тяжести, в отличие от убийства, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. Это предполагает значительное понижение степени наказания, обусловленное специфическим психоэмоциональным состоянием субъекта. Данное состояние характеризуется временным ослаблением сознания и самоконтроля, спровоцированным поведением жертвы, носящим как противоправный, так и аморальный характер.

На наш взгляд, и в доктринальной плоскости, и в ходе практического применения уголовного закона остаётся множество неразрешённых проблем. К основным из них учёные, как правило, относят формализацию юридически значимых признаков аффекта, его отграничение от смежных психологических состояний, разработку объективных подходов к оценке действий пострадавшей стороны, а также установление жёсткой детерминации между этими составляющими [12, с. 90].

Исследование эволюции уголовной ответственности за убийства выявляет существенную неопределённость и противоречивость в отечественном законодательстве, регулирующем данную сферу. Критические замечания относительно законодательного закрепления привилегированных видов убийства, а также нередкие судебные ошибки при рассмотрении дел данной категории, способствовали внесению последующих корректировок в соответствующие уголовно-правовые нормы, включая положения ст.107 УК РФ.

По ч. 1 ст. 107 УК РФ признаётся «убийство, совершённое в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего» [14].

Стоит сказать, что на протяжении последних 10–15 лет, число осуждённых по данной статье в РФ стремительно снижается: 115 осужденных в 2012 г. и 39 лиц в 2022 г. [10]. В 2025 г. только 24 человека были осуждены по ч.1 ст. 107 УК РФ [11]. Текущая статистика преступности в Российской Федерации свидетельствует о том, что случаи совершения преступлений в состоянии аффекта занимают незначительное место среди всех зарегистрированных правонарушений. Эта ситуация, как представляется возможным, подчёркивает необходимость углубленного теоретического исследования данного вида преступлений. Обусловлено это практически полным отсутствием практического опыта в области квалификации и расследования убийств, совершённых в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения.

Состояние аффекта определяется как интенсивное эмоциональное состояние или эмоциональный подъём, спровоцированный определённой стрессовой ситуацией. Пребывание в аффекте подразумевает потерю самоконтроля, неспособность адекватно оценивать свои действия, а также игнорирование их потенциальных последствий [2, с. 221].

В рамках правовой доктрины принято разграничивать две основные формы аффекта:

1) Патологический аффект. Данное состояние характеризуется как кратковременное, но чрезвычайно интенсивное эмоциональное переживание, приводящее к полной утрате способности осознавать свои действия. В данном состоянии человек действует без возможности произвольного регулирования своих действий, что по своей сущности свидетельствует о его неспособности нести уголовную ответственность. Временное расстройство психической деятельности, каковым является патологический аффект, служит основанием для освобождения от уголовной ответственности в соответствии с положениями статьи 21 УК РФ.

2) Физиологический аффект представляет собой особое психофизиологическое состояние индивида, при котором способность отдавать отчёт в своих действиях, хотя и не утрачивается полностью, существенно сужается. Характерной чертой физиологического аффекта является его внезапное возникновение и столь же стремительное завершение, что создает значительные сложности для однозначного установления факта его наличия в момент деяния. В рамках настоящей статьи предметно следует проанализировать актуальные вопросы правовой квалификации противоправных действий, совершённых в указанном состоянии [9, с. 116].

Состояние аффекта признаётся обстоятельством, смягчающим вину. Вследствие этого обвиняемый и его защитник нередко выдвигают версию о совершении убийства именно в данном состоянии, поскольку санк-

ция соответствующей нормы предусматривает менее строгое наказание по сравнению со статьей 105 УК РФ. Указанное обстоятельство, по нашему мнению, создаёт существенные сложности в процессе расследования деяний, квалифицируемых по статье 107 УК РФ, что требует от следственных органов, работников максимально внимательного и детального изучения всех обстоятельств содеянного [4, с. 93].

В соответствии с трактовкой, предложенной Е.А. Цукановой, патологический аффект можно определить как стремительно возникающий приступ гнева, характеризующийся совершением агрессивных и разрушительных действий, утратой ориентации в окружающей обстановке, а также сумеречным помрачением сознания [16, с. 33]. В свою очередь В.И. Ткаченко определяет физиологический аффект как экстремально интенсивное, стремительно формирующееся и кратковременное эмоциональное возбуждение, которое резко ограничивает интеллектуальную деятельность и волевые функции. Это состояние нарушает целостность восприятия окружающей действительности и способность субъекта адекватно оценивать объективный смысл событий [13, с. 23]. В состоянии физиологического аффекта индивидуум испытывает снижение способности к полному контролю над своими действиями, однако в целом сохраняет понимание сущности совершаемых деяний. Аффект не исключает вменяемости: виновный осознает характер своих совершённых действий, хоть и не в полной мере контролирует их. Соответственно, совершение убийства в таком состоянии, как известно, не освобождает от уголовной ответственности.

По справедливому замечанию К.А. Сапожниковой, стоит отметить, что при физиологическом аффекте лицо не утрачивает интеллектуального и волевого контроля над своим поведением – оно понимает смысл поступков и может ими управлять. Патологический же аффект уничтожает эти возможности, создавая фундамент для констатации невменяемости в соответствии с уголовным законодательством. При этом российское уголовное законодательство, не связывая с физиологическим аффектом утрату самой вменяемости, относит его к числу обстоятельств, которые в обязательном порядке смягчают назначаемое наказание согласно УК РФ [8, с. 87].

Обязательным условием для квалификации убийства по ст. 107 УК РФ является то, что состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения должно быть спровоцировано именно неправомерным или аморальным поведением жертвы. Данные действия со стороны потерпевшего должны представлять собой существенный и очевидный провоцирующий фактор, выступая в качестве непосредственного и достаточно интенсивного внешнего воздействия, которое приводит к возникновению аффективного состояния у виновного лица. Следовательно, формирование преступного намерения обусловлено специфическим психическим состоянием лица, вызванным конкретными действиями пострадавшей стороны.

Как известно, нередко суды на стадии предварительного слушания сталкиваются со значительными проблемами при интерпретации заключений психологических экспертиз, констатирующих нахождение подсудимого в «эмоциональном напряжении, существенно повлиявшем на его сознание и действия». Затруднения возникают при необходимости правовой корреляции данного экспертного состояния с внезапно возникшим сильным душевным волнением, то есть с аффектом в строгом уголовно-правовом смысле. Именно это несоответствие в оценке нередко становится причиной принятия ошибочных судебных решений.

При квалификации данного деяния существенную сложность представляет дифференциация аффекта физиологического и патологического. Ключевое разграничение между ними состоит в интенсивности влияния на сознательную деятельность индивида, вследствие чего оценка особенностей состояния сознания выступает первостепенным критерием для сопоставления патологического и физиологического аффектов [1, с. 41].

В целях предотвращения ошибок при квалификации убийства, совершённого в состоянии аффекта, настоящая работа предполагает необходимость тщательного проведения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. Данная процедура способствует точной оценке личности и поведения обвиняемого, что обеспечивает чёткую градацию между простым убийством и убийством в аффективном состоянии.

Особую сложность в квалификации представляет дифференциация между убийством, совершённым в состоянии аффекта, и убийством, осуществлённым при превыше-

нии пределов необходимой обороны. Данный вопрос раскрывается, в частности, в пункте 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19: «Для преступлений, совершённых в состоянии аффекта, характерно то, что вред потерпевшему не преследует цели самой обороны и, соответственно, лежит за границами института необходимой обороны. Отличительная черта подобных деяний, порождённых внезапно возникшим сильным душевным волнением как реакцией на поведение жертвы, состоит в том, что причинение ущерба выступает прямым результатом самого аффективного состояния. Если при убийстве в состоянии аффекта именно внезапно возникшее сильное душевное волнение выступает конструктивным признаком, то для такого преступления как – превышение пределов необходимой обороны такой элемент, как состояние аффекта, обязательным не является» [6]. В представленном пояснении выделяется существенный критерий разграничения – именно целевая установка, которой руководствовался субъект при совершении деяния, содержащего признаки правонарушения.

Дополнительно обосновывая эту позицию, С.В. Бородин указывает, что фундаментальное различие между рассматриваемыми преступлениями состоит в «специфике субъективной направленности и в особенностях поведения лица в момент причинения вреда здоровью» [3, с. 412]. В случае необходимой обороны, включая её превышение, противоправные действия потерпевшего характеризуются насилием, активным поведением и непосредственной угрозой в самый момент лишения его жизни. При совершении убийства в состоянии аффекта преступное поведение, спровоцировавшее это состояние, может быть к моменту начала действий виновного уже окончено (как пример, оскорбление, которое уже было нанесено).

Однако если превышение пределов необходимой обороны происходит в условиях внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), содеянное подлежит квалификации по ч. 1 ст. 108 УК РФ.

Нам следует обозначить то, что ст. 107 УК РФ регламентирует вопросы, связанные исключительно с состоянием физиологического аффекта. Данное понятие обозначает кратковременную, однако предельно интенсивную эмоциональную вспышку, носящую взрывной характер. Она возникает как непосредственная реакция на внезапно сложившуюся либо длительно воздействующую психотравмирующую обстановку, причиной которой стали противоправные или грубо аморальные действия (либо бездействие) потерпевшего [7, с. 203].

Как отмечают некоторые современные авторы, например Д.В. Усачев: «В современной доктрине и правоприменительной деятельности наблюдается оживлённая полемика относительно возможности признания юридически значимым, в частности, такого обстоятельства, как супружеская неверность, которое не указывается в прямой текстуальной формулировке данной нормы» [15, с. 33].

Тем не менее, судебная практика по данной проблеме не отличается единообразием, что создает сложности в обеспечении последовательной квалификации деяний. Основным инструментом в разрешении подобных вопросов является назначение всесторонней судебной психолого-психиатрической экспертной оценки. Перед специалистами формулируется цель выяснить, пребывал ли подсудимый в условиях физиологического аффекта непосредственно в момент выполнения инкриминируемых ему действий. Кроме того, экспертам надлежит оценить, в какой мере это аффективное расстройство воздействовало на его способность в полной мере понимать фактический характер и общественную опасность совершаемых деяний, а также руководить ими посредством волевого усилия.

Справедливым представляется замечание Е.В. Логиновой о том, что «методологические основы подобного экспертного исследования продолжают вызывать научные споры» [5, с. 20]. Специалистам приходится основывать свои выводы на материалах предварительного следствия, свидетельских показаниях, фиксирующих действия подозреваемого до, в ходе, и после инкриминируемого деяния, а также на объяснениях самого обвиняемого, что закономерно приводит к появлению субъективной составляющей в оценках.

В реальных условиях, особенно при бытовых конфликтах, характеризующихся взаимным применением силы, разграничение указанных составов преступлений представляет значительную сложность. Зачастую судебные инстанции, действуя в рамках обвинительного уклона, признают подобные деяния преступлением, предусмотренным ч.1 ст. 105 УК РФ. При этом, ими отклоняются аргументы как о необходимой обороне, так и о том, что лицо находилось в состоянии аффек-

та. Данная судебная практика, по оценкам ряда экспертов, приводит к нарушению фундаментального принципа справедливости.

В рамках рассмотрения уголовных дел, связанных с убийствами в состоянии аффекта, судебные органы часто принимают заключения судебно-психологических экспертиз как основополагающие, даже в случаях, когда эти заключения содержат элементы вероятности, а доводы и предположения, представленные стороной защиты, не подвергаются достаточно глубокому и всестороннему изучению.

Подводя итог, можно сделать вывод, что для предотвращения ошибок при квалификации убийства, совершённого в состоянии аффекта, необходимо особое внимание уделять проведению судебной комплексной психолого–психиатрической экспертизы. Современные исследователи также выделяют ряд актуальных направлений для развития правоприменительной практики по делам об убийствах, совершённых в состоянии аффекта. Центральная рекомендация сводится к тому, чтобы сначала провести глубокую теоретическую проработку, а затем осуществить законодательную формализацию таких оценочных понятий, как «тяжкое оскорбление» и «иные противоправные или аморальные действия». Для этого целесообразно сформулировать их основные юридически значимые признаки. Во-вторых, необходимо совершенствовать методики проведения комплексных судебно-психологических экспертиз, в том числе путём внедрения стандартизированных протоколов оценки, базирующихся на современных научных достижениях в области психологии эмоций. В-третьих, на стадии предварительного расследования представляется рациональным более широко привлекать экспертные заключения специалистов в области психологии. Это позволит с повышенной точностью и на более ранних этапах диагностировать состояния аффекта у лиц, привлекаемых к уголовной ответственности в качестве подозреваемых или обвиняемых. В-четвёртых, для Верховного Суда РФ является важнейшей задачей активизация работы по обобщению сложившейся судебной практики по данной категории дел. Итогом этой деятельности должна стать разработка детализированных руководящих разъяснений, которые целесообразно включить в текст нового постановления Пленума ВС РФ. Данный документ должен быть разработан с учётом актуальных научных данных и социальных изменений, характеризующих убийство, предусмотренное статьёй 107 УК РФ, что особенно значимо для ситуаций, возникающих в контексте домашнего насилия.

Список литературы:

1. Авдеева, Е.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты аффектированного убийства / Е.В. Авдеева // Российский судья. – 2017. – № 5. – С. 38–42.

2. Боровиков, В.Б. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / В.Б. Боровиков, А.А. Смердов; под ред. В.Б. Боровикова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: издательство Юрайт, 2024. – 505 с.

3. Бородин, С.В. Преступления против жизни: монография / С. В. Бородин. – М.: Проспект, 2022. – 336 с.

4. Кириченко, О.А., Романенко, В.Н. Особенности квалификации убийства, совершенного в состоянии аффекта / О.А. Кириченко // Тенденции развития науки и образования. – 2025. – № 3. – С. 93 – 95.

5. Логинова, Е.В. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза аффекта: проблемы методологии и практики / Е.В. Логинова // Юридическая психология. – 2022. – № 3. – С. 18 – 23.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (в ред. от 09.12.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 11.

7. Рарог, А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А.И. Рарог. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2021. – 413 с.

8. Сапожникова, К.А. Проблемы квалификации и разграничения убийства, совершенного в состоянии аффекта / К.А. Сапожникова // Отечественная юриспруденция. – 2017. – № 5. – С. 86–89.

9. Сафуанов, Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник / Ф.С. Сафуанов. – 4-е изд., пер. и доп. – М.: издательство Юрайт, 2024. – 384 с.

10. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2012–2022 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: сайт. URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 01.04.2026).

11. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2025 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: официальный сайт. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9303 (дата обращения: 01.04.2026).

12. Титаренко, И.А. Убийство, совершенное в состоянии аффекта: проблемы теории и практики / И.А. Титаренко // Цифровое поле. – 2025. – № 4. – С. 89–91.

13. Ткаченко, В.И. Виды сильного душевного волнения / В.И. Ткаченко // Советская юстиция. – 1971. – № 6. – С. 23–27.

14. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

15. Усачев, Д. В. Проблемы разграничения убийства в состоянии аффекта и убийства при превышении пределов необходимой обороны / Д. В. Усачев // Законность. – 2023. – № 1. – С. 32–36.

16. Цуканова, Е.А. Аффект как деструктивное психоэмоциональное состояние и объект психологической экспертизы / Е.А. Цуканова // Вестник Юридического института МИИТ. – 2019. – № 4. – С. 32–34.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Амочкина Владислва Михайловна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование с двумя профилями подготовки; профиль «История и обществознание». E-mail: amochkinavmi@tksu.ru

Власов Александр Евгеньевич – старший преподаватель кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: alexvlasov90@yandex.ru

Дедиу Евгений Игоревич – старший преподаватель кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского». E-mail: dediu13@mail.ru

Горячев Николай Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий Лабораторией Азиатских и Тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. E-mail: goryachev@ihaefe.ru

Зайцева Марина Анатольевна – преподаватель кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Калужского института (филиала) Московского гуманитарно-экономического университета. E-mail: Mari-zaiceva@mail.ru

Капалин Андрей Николаевич – аспирант, старший преподаватель кафедры истории Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского. E-mail**:** akapalin85@gmail.com

Кияметдинова Нелли Анверовна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 41.03.06 Публичная политика и социальные науки. E-mail: kiyametdinovana@tksu.ru

Кожевникова Дарья Максимовна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 40.03.01. Юриспруденция. E-mail: KozhevnikovaDM@studklg.ru

Коновалов Дмитрий Александрович – студент Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 41.03.06 Публичная политика и социальные науки. E-mail: konovalovda@tksu.ru

Кукушкин Владимир Михайлович – магистрант Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 44.04.01 Педагогическое образование, магистерская программ «Историческое образование». E-mail: vladimirkukuskin297@gmail.com

Магомедова Елена Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского. E-mail: Elena-magomedova@yandex.ru

Малафеева Людмила Андреевна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 40.03.01. Юриспруденция. E-mail: malafeevala@tksu.ru

Манин Андрей Александрович – магистрант Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 44.04.01 Педагогическое образование, магистерская программ «Историческое образование». E-mail: manin.1994@mail.ru

Мязин Николай Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: mjazinna@tksu.ru

Панасюк Виктор Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: victor77777@mail.ru

Панферова Анастаия Юрьевна – аспирантка кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: asya.foxi2002@gmail.com

Писаренко Илья Степанович – кандидат исторических наук, доцент, доцент ИУК8 «Общественные науки» Калужского филиала МГТУ им. Н.Э. Баумана. E-mail: iuk8@bmstu.ru

Прокопьева Анна Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел Российской Федерации. E-mail: anna1900000@mail.ru

Уманцев Никита Валерьевич – ассистент кафедры юриспруденции Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: umantsevnv@tksu.ru

Федоров Евгений Александрович – студент Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 40.03.01. Юриспруденция. E-mail: fedorovea@tksu.ru

Филимонов Никита Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: filimonovnikita95@yandex.ru

Шмидт Вальдемар – магистр истории Регенсбургского университета. E-mail: werdongar@gmx.de

Штепа Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: a-v-stepa@yandex.ru

Штепа Мария Алексеевна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование с двумя профилями подготовки; профиль «История и обществознание». E-mail: shtepama@tksu.ru

ВЕСТНИК КАЛУЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 3. История. Политика. Право

Научный журнал

2026 № 1 (8)

Дата выхода в свет 10.09.2026. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. 20. Тираж 500 экз.
Максимальный объём 180 страниц формата А4
Издательство КГУ им. К.Э. Циолковского. 248023 Калуга; ул. Разина; 22/48.

Отпечатано «Наша Полиграфия». 248600 Калуга; Грабцевское шоссе; 126
Лицензия ПЛД № 42-29 от 23.12.99.